

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
профессионального образования
«Уральский государственный педагогический университет»

А. П. Чудинов

**ОЧЕРКИ ПО СОВРЕМЕННОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРОЛОГИИ**

Монография

Екатеринбург 2013

УДК 408.52
ББК Ш 141.2-7
Ч-84

РЕЦЕНЗЕНТЫ

доктор филологических наук, доцент
Э. В. БУДАЕВ
доктор филологических наук, профессор
Н. Б. РУЖЕНЦЕВА

Чудинов А. П.

Ч-84 Очерки по современной политической метафорологии:
Монография / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2013. –
176 с.

ISBN 978-5-7186-0504-4

Монография посвящена когнитивно-дискурсивному исследованию закономерностей метафорического моделирования в современной политической коммуникации. Рассматриваются теоретические основы и ведущие направления современной теории политической метафоры, излагаются принципы описания и классификации метафорических моделей, детально охарактеризованы модели, доминантные для современной российской политической коммуникации.

Значительное внимание обращено на дискуссию по проблемам русской национальной картины мира, метафорическому образу России в национальной ментальности и иным острыми проблемами политической лингвистики.

Книга ориентирована преимущественно на специалистов по политической коммуникации.

УДК 408.52
ББК Ш 141.2-7

Монография подготовлена в рамках гранта РГНФ 11-04-00327а – Политическая коммуникация

ISBN 978-5-7186-0504-4

© Чудинов А. П., 2013

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
ГЛАВА 1. ВВЕДЕНИЕ В ТЕОРИЮ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ	9
1.1. Политическая метафора и ее функции	12
1.2. Метафорическая модель и ее компоненты	26
1.3. Проблемы классификации и описания метафорических моде- лей	32
ГЛАВА 2. МЕТОДОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРОЛОГИИ	47
2.1. Методологические грани политической метафорологии	47
2.2. Методика отбора материала для исследования политической метафоры	67
2.3. Принципы уральской школы политической метафорологии	79
ГЛАВА 3. ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА ПОЛИТИЧЕСКИХ МЕТАФОР	88
3.1. Политическая метафора в историческом дискурсе	88
3.2. Метафорические бури и штилы в потсоветской российской политической метафорике	104
3.3. Доминантность как дискурсивное свойство метафорической модели	115
ГЛАВА 4. ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРОЛОГИЯ И ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ	121
4.1. Метафорический образ России	121
4.2. Дискуссия о национальной картине мира	129
4.3. Дискурсивные характеристики политической коммуникации	139
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	155
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	158

ПРЕДИСЛОВИЕ

Исследование теории концептуальной метафоры и описание ее конкретных моделей в различных видах дискурса – одно из интенсивно развивающихся направлений современной когнитивной лингвистики. Новая теория метафоры не отказалась от всего лучшего, что было в традиционных (идуших еще от Аристотеля) учениях о метафоре. Она просто предложила использовать при исследовании метафор принципы когнитивной лингвистики, и это позволило увидеть новые грани в, казалось бы, хорошо известном феномене.

Современная когнитивистика рассматривает метафору как основную (или одну из основных) ментальную операцию, как способ познания, структурирования, оценки и объяснения мира. Человек не только выражает свои мысли при помощи метафор, но и мыслит метафорами, познает при помощи метафор тот мир, в котором он живет, а также стремится в процессе коммуникативной деятельности преобразовать существующую в сознании адресата языковую картину мира. Методологически для нас очень важна идея Е. С. Кубряковой о необходимости изучения законов **композиционной семантики**. При таком подходе нужно исследовать **«тайны интеграции знаков** в новые гештальты... отказаться от разного рода аддитивных, или же суммативных, концепций композиционной семантики и заменить их концепциями более творческого характера – динамическими концепциями, отдающими дань самым сложным когнитивным способностям человеческого разума – воображению, интуиции, абстрактному мышлению и, прежде всего, инференции, а значит, возможностям вывода нового знания в ходе решения текущей проблемы и способности к умозаключениям на основе имеющихся данных» [Кубрякова 2002: 6]. Смешивание, слияние концептов – это не суммативный процесс, а создание новой ментальной единицы, которая не равна сумме двух ее составляющих.

Соответственно, метафоричность – это естественный путь творческого мышления, а вовсе не уклонение от главной дороги к познанию мира и не прием украшения речи.

В наших предыдущих монографиях были представлены ведущие направления исследования политической метафорологии, в том числе история ее возникновения и развития, специ-

фика российской политической метафоры конца прошлого века, особенности развития политической метафорологии в Северной Америке, Западной Европе (Великобритания, Германия, Франция) и России.

Своего рода итогом монографии «Россия в метафорическом зеркале» [Чудинов 2001] стало представление современной политической метафоры как своего рода «зеркала», в котором, во-первых, отражается ментальный мир человека и общества в целом (метафора дает нам обширный материал для изучения когнитивных механизмов в сознании человека и социального мировосприятия), во-вторых, в этом зеркале мы видим отражение обыденных («наивных») представлений людей о понятийных сферах – источниках пополнения системы политических образов, а в-третьих, указанное зеркало отражает человеческие представления о сфере – мишени метафорической экспансии (в данном случае это была российская политическая реальность конца прошлого века).

В название нашей следующей монографии [Чудинов 2003] был вынесен концептуальный образ **МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОЗАИКА**. Как известно, каждая отдельная частица мозаики – это всего лишь «кусочек камня или стекла», по которому практически невозможно судить о картине в целом. Точно так же каждая конкретная метафора отражает мировосприятие одного человека, нередко метафорическая конструкция передает только сиюминутное настроение этого человека. Если же рассматриваемую метафору сопоставить с множеством других, если выделить доминантные для современного политического дискурса метафорические модели, если сравнить системы политических метафор в различных языках, то, возможно, удастся обнаружить какие-то общие закономерности в метафорической картине политического мира, существующей на данном этапе развития в национальном сознании. Так маленькая частица становится органичной частью большой картины. В связи с этим очень значимо социальное признание авторской метафоры, что может проявиться, в частности, в цитировании соответствующего высказывания и в дальнейшем развертывании образа.

В центре следующей монографии «Метафора в политическом интердискурсе» [Будаев, Чудинов 2006] оказалась попытка своего рода обобщения и классификации современных исследо-

ваний в области политической метафоры. Как известно, в теории науковедения (К. Поппер, Т. Кун, И. Лакатос, М. Полани и др.) представлены две основные методики подобных исследований. В первом случае автор стремится выделить наиболее важные, этапные для развития науки публикации и на их основе выявить ведущие черты изучаемого периода. При таком подходе предполагается, что в современной науке новых идей значительно меньше, чем новых публикаций, а поэтому для обобщающих обзоров качество рассмотренных публикаций важнее, чем их количество. Во втором случае проводится своего рода контент-анализ максимально широкого круга научных публикаций, то есть с использованием количественных подсчетов определяются типичные для данного этапа развития науки методы и приемы исследования, наиболее распространенные подходы к анализу материала и способы его отбора, задачи, которые ставят перед собой авторы подобных исследований. При таком подходе предполагается, что подлинным показателем авторитетности той или иной научной теории служит количество ее последователей. При оценке новой научной идеи очень значима ее «технологичность», возможность разработать на ее основе эффективные приемы исследования конкретных фактов. Именно к этому варианту относится и наше исследование, в рамках которого было рассмотрено более 600 публикаций по политической метафорологии и предложена их классификация, основанная на анализе методологии исследования, дискурсивных факторах и когнитивной направленности анализа.

В монографии, изданной в 2008 году [Будаев, Чудинов 2008], была представлена попытка комплексного детального описания зарубежной политической метафорологии. Максимальное внимание было сконцентрировано на используемой методологии, мегарегиональной специфике, принадлежности к ведущим научным школам. В эту же книгу были включены новые переводы ведущих исследований по проблемам политической метафорологии.

Специфика настоящей монографии представлена в ее названии, в котором отражен материал исследования (современность), преимущественное внимание к теории (метафорология) и жанр (очерки), который предполагает возможность углубленного рассмотрения отдельных проблем и не требует строгого

систематического описания всех аспектов когнитивной теории метафоры. Некоторые разделы данной монографии ранее публиковались в виде отдельных статей, в том числе написанных в соавторстве с учениками (их имена обязательно указываются в начале соответствующего раздела).

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что представляемая монография является самостоятельной публикацией. Поэтому при ее подготовке для удобства читателей (не все из которых знакомы с нашими предыдущими публикациями) оказалось необходимым еще раз повторить некоторые основные положения теории когнитивной метафоры и охарактеризовать используемую методику анализа метафорических моделей.

Композиционно монография состоит из четырех глав, что отражает логику развертывания научного исследования.

Первая глава представляет собой своего рода теоретическое введение в теорию когнитивного исследования политической метафоры: здесь рассматриваются общие проблемы политической лингвистики, ее основные понятия и термины, сущность метафорической модели и ее функции в политической коммуникации.

Во *второй главе* представлено обоснование методики исследования метафорических моделей и специально охарактеризованы принципы уральской школы политической метафорологии.

Третья глава посвящена исследованию закономерностей исторической динамики политических метафор, реализации этих закономерностей в отечественном политическом дискурсе последних десятилетий с учетом изменчивости доминантных метафорических моделей.

В *четвертой главе* теория политической метафорологии рассматривается во взаимосвязи с общими проблемами политической лингвистики, среди которых специального рассмотрения потребовали проблемы метафорического представления образа родной страны в отечественном политическом дискурсе, дискуссия о русской национальной картине мира и проблемы авторства и адресности политического дискурса.

Материалы исследования неоднократно обсуждались на научных конференциях и семинарах (Екатеринбург, Москва, Пермь, Ростов-на-Дону, Санкт-Петербург, Тамбов, Тюмень, Че-

лябинск, Будапешт, Киев, Одесса, Лодзь, Гуаньчжоу и др.) и в личных беседах с авторитетными языковедами и политологами, что сыграло важную роль в подготовке данной книги. Не менее значительную роль для меня сыграло постоянное творческое общение с моими докторантами и аспирантами, на публикации которых я постоянно ссылаюсь в этой книге.

Среди направлений современного языкознания существуют такие, которые объединяются однотипностью методологии, в них существуют признаваемые большинством исследователей постулаты и принципы (к числу подобных направлений относятся, например, сравнительно-историческое языкознание, психолингвистика, когнитивная лингвистика). Исследования по политической лингвистике объединяет прежде всего изучаемый материал (политический язык, политические тексты, политический дискурс), а поэтому в данной области знаний до настоящего времени не существует единой теоретической основы, методологии и терминологии. Однако необходим некоторый понятийный и терминологический минимум, без которого невозможно хотя бы элементарное взаимопонимание между специалистами и тем более систематическое изложение основ политической лингвистики. Один из возможных наборов базисных понятий и терминов (не претендующий, однако, на общепризнанность) представлен в нашем учебнике «Политическая лингвистика» [Чудинов 2013], первое издание которого было опубликовано издательствами «Флинта» и «Наука» в 2006 году.

ГЛАВА 1

ВВЕДЕНИЕ В ТЕОРИЮ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ

В последние годы наиболее перспективные научные направления чаще всего рождаются в зоне соприкосновения различных областей знания. Одним из таких направлений стала политическая лингвистика, новая для России наука, возникающая на пересечении лингвистики с политологией и учитывающая также достижения этнологии и этносемантики, социальной психологии и социологии. Необходимость возникновения и развития нового научного направления определяется возрастающим интересом общества к условиям и механизмам политической коммуникации.

Политическая лингвистика тесно связана с другими лингвистическими направлениями – с социолингвистикой, занимающейся проблемами взаимодействия языка и общества, с функциональной стилистикой и, особенно, с исследованиями публицистического стиля, с классической и современной риторикой, с когнитивной лингвистикой и лингвистикой текста. Для политической лингвистики в полной мере характерны черты, которые Е. С. Кубрякова выделила в качестве ведущих для современного языкознания, то есть антропоцентризм (человек, языковая личность становится точкой отсчета для исследования языковых явлений), экспансионизм (тенденция к расширению области лингвистических изысканий), функционализм (изучение языка в действии, в дискурсе, при реализации им своих функций) и экспланаторность (стремление не просто описать факты, но и дать им объяснение) [Кубрякова 1995].

Предмет исследования политической лингвистики – политическая коммуникация, то есть речевая деятельность, ориенти-

рованная на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям, для выработки общественного согласия, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе. Каждый человек, который хотя бы изредка читает газеты, включает радио или телевизор, становится адресатом политической коммуникации. Когда этот человек идет на выборы, он участвует в политической жизни и делает это не без влияния субъектов политической коммуникации. Главная функция политической коммуникации – борьба за политическую власть: политическая коммуникация призвана оказать прямое или косвенное влияние на распределение власти (путем выборов, назначений, создания общественного мнения и др.) и ее использование (принятие законов, издание указов, постановлений и др.). Политическая коммуникация отражает существующую политическую реальность, изменяется вместе с ней и участвует в ее создании и преобразовании.

Важная задача политической лингвистики – исследовать многообразные взаимоотношения между языком, мышлением, коммуникацией, субъектами политической деятельности и политическим состоянием общества. Политическая коммуникация оказывает влияние на распределение и использование власти благодаря тому, что она служит средством воздействия на сознание принимающих политические решения людей (избирателей, депутатов, чиновников и др.). Политическая коммуникация не только передает информацию, но и оказывает эмоциональное воздействие, преобразует существующую в сознании человека политическую картину мира.

Современная политическая лингвистика активно занимается общими проблемами политической коммуникации (анализирует ее отличия от коммуникации в других сферах), изучает проблемы жанров политической речи (лозунг, листовка, программа, выступление на митинге, парламентские дебаты и др.), она обращается к проблемам идиостиля отдельных политиков, политических партий и направлений, рассматривает стратегию и тактику политической коммуникации, композицию, лексику и фразеологию политических текстов, использование в них различных образных средств. Одно из актуальных направлений по-

литической лингвистики – изучение отдельных политических концептов в рамках соответствующего языка и национальной культуры, обращение к проблемам понимания политических реалий того или иного государства гражданами других государств.

Важнейший постулат современной политической лингвистики – дискурсивный подход к изучению политических текстов. Это предполагает исследование каждого конкретного текста с учетом политической ситуации, в которой он создан, с учетом его соотношения с другими текстами, целевых установок, политических взглядов и личностных качеств автора, специфики восприятия этого текста различными людьми, а также той роли, которую этот текст может играть в системе политических текстов и – шире – в политической жизни страны.

Необходимо различать политическую лингвистику, ориентированную на изучение политической коммуникации, и исследования в области языковой политики государства, которые относятся к сфере интересов социолингвистики. Несколько упрощая проблему, можно сказать, что специалистов по политической лингвистике интересует то, **как говорят политики**, а специалисты по языковой политике занимаются тем, **что политики делают** (или должны делать) для оптимального использования языка. Поэтому к сфере интересов политической лингвистики не принадлежат столь важные направления работы, как анализ проблем функционирования государственного и иных языков в стране (начиная с вопроса о самой необходимости официального признания государственного языка), изучение проблем языков межнационального общения и языков международного общения (мировых языков), государственная регламентация письменностей (например, недавнее решение об использовании в России исключительно кириллических письменностей), решение вопроса об отношении к заимствованиям. Все эти проблемы относятся к государственной политике в сфере использования языка в целом, а не только к политической коммуникации, что и «выводит» их за рамки политической лингвистики в том понимании, которое лежит в основе настоящего исследования.

1.1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА И ЕЕ ФУНКЦИИ

Исследование метафоры продолжается уже более двух тысячелетий, а библиография по этой проблеме практически необозрима. Основоположителем учения о метафоре считается Аристотель, который дает следующее ее определение: метафора – это «несвойственное имя, перенесенное с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии» [Аристотель 1984: 669]. Далее Аристотель отмечает, что «создавать хорошие метафоры – значит, подмечать сходство» [Там же: 672]. Многообразие возможных подходов к пониманию сущности метафоры отражает сборник «Теория метафоры» (1990) под редакцией Н. Д. Арутюновой. Не вдаваясь в детальный обзор существующих теорий, отметим лишь наиболее существенные признаки используемого в настоящем исследовании когнитивного подхода к метафоре, который был сформулирован и теоретически обоснован в классической монографии Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Lakoff, Johnson 1980; рус. перевод 2004] и существенно развит в отечественной науке (А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов, Е. С. Кубрякова и др.).

Во-первых, метафора понимается как основная ментальная операция, способ познания и категоризации мира: в процессе мыслительной деятельности аналогия играет не меньшую роль, чем формализованные процедуры рационального мышления. Обращаясь к чему-то новому, сложному, не до конца понятному, человек нередко пытается использовать для осмысления элементы какой-то более знакомой и понятной сферы. При метафорическом моделировании политической сферы, отличающейся сложностью и высокой степенью абстракции, человек часто использует более простые и конкретные образы из тех сфер, которые ему хорошо знакомы. Метафора – это не средство украшения уже готовой мысли, а способ мышления, повседневная реальность языка.

Во-вторых, сам термин «**метафора**» понимается (в соответствии с общими принципами когнитивистики) как своего рода гештальт, сетевая модель, узлы которой связаны между собой отношениями различной природы и различной степени близости. Как известно, в лингвистике иногда разграничивают разные

аспекты метафоры, и даже разные значения рассматриваемого термина. Метафора может осознаваться и как слово, имеющее образное значение, и как процесс метафорического развития словесной семантики в языке или в конкретной коммуникативной ситуации, метафорой называют и целую группу слов с однотипными метафорическими значениями (военная метафора, зооморфная метафора, метафора в медицинском дискурсе и др.), метафора может пониматься также как форма мышления или как когнитивный механизм коммуникативных процессов, механизм получения выводного знания. Кстати, именно наличием подобных вариантов объясняется отсутствие общепринятого определения рассматриваемого термина. В настоящем исследовании в зависимости от контекста **метафора** содержательно соотносится и с механизмом, и с процессом, и с результатом в его единичном или обобщенном виде, и с формой мышления. Такой подход оказался удачным способом своего рода объединения относительно автономных явлений с яркими чертами фамильного сходства. При необходимости конкретизации используются составные наименования – метафорический процесс, механизм метафоризации, метафорическое значение и др.

В-третьих, для когнитивной теории характерен широкий подход к выделению метафоры по формальным признакам. Например, если в других теориях среди компаративных тропов отчетливо разграничиваются сравнение, то есть троп, в котором имеется формальный показатель компаративности (*как, будто, похож, словно* и др.), и метафора, признаком которой считается отсутствие указанных показателей, то при когнитивном подходе обе рассматриваемые разновидности относятся к числу широко понимаемых метафор. Еще менее важно для когнитивной лингвистики разграничение глагольных и именных, предикативных и генитивных, а также иных видов метафор, выделение которых основано на собственно языковых признаках. В соответствии с общими представлениями когнитивной лингвистики язык – это единый континуум символьных единиц, не подразделяющийся естественным образом на лексикон, фразеологию, морфологию и синтаксис. Иначе говоря, смысловое уподобление воспринимается как фактор более важный, чем уровневые или структурные различия. Разумеется, специфика названных

выше видов метафоры не отрицается, но внимание исследователя бывает сосредоточено на совершенно иных аспектах изучения рассматриваемого феномена.

В-четвертых, для когнитивной теории характерен широкий подход при выделении метафор по содержательным признакам. По мнению Н. Д. Арутюновой, метафорой в широком смысле «может быть назван любой способ косвенного выражения мысли» [1990: 296–297]. В этом случае не акцентируются, в частности, семантические, стилистические, эстетические и иные различия между метафорой и сравнением (имплицитность и эксплицитность аналогии, лаконичность и развернутость конструкции, степень прозрачности смысла и его двойственность, «смешивание», «скрещивание» смыслов и др.). При широком понимании в качестве метафоры рассматриваются не только сравнения, но и другие феномены с элементом компаративности: метаморфоза, гиперболы, некоторые перифразы, фразеологизмы и др. Например, в следующем фрагменте сосредоточены фитоморфные (по сфере-источнику) образы, обозначающие политические реалии:

В минувший год НПСР был похож на дерево, охваченное бурей, которая ломала ветки и сдираала листву. Эта буря унесла много желтых листьев, незрелых плодов, чахлах, нестойких побегов. Под этим потрепанным деревом по сию пору никому не нужные лежат Подберезкин, Лапшин и Тулеев. И их начинает точить червь забвения. Но дерево в своем стволе, корнях и ветвящейся кроне не сломалось. Стремительно набирает новые соки, одевается свежей листвой, обретает новую высоту и ширь (В. Чикин, А. Проханов).

Нетрудно заметить, что текст начинается со сравнения (НПСР был похож на дерево), в котором представлены все основные компоненты: то, что сравнивается (*политическое движение НПСР*), то, с чем сравнивается (*дерево, охваченное бурей*), показатель сравнения (*похож*) и даже символ сравнения, признак, по которому сопоставляются НПСР и охваченное бурей дерево (как буря ломает и уносит ветки и листву, так минувший год привел НПСР к потере некоторых членов). Далее следуют собственно метафоры: можно догадываться о содержании, которое несут метафорические образы (например, поки-

нувшие НПСР политики, видимо, представлены как *сорванные бурей желтые листья, недозрелые плоды, чахлые нестойкие побеги*, а сама организация представлена как *дерево, которое в своем стволе, корнях и ветвящейся кроне не сломалось... стремительно набирает новые соки, одевается свежей листвой, обретает новую высоту и ширь*). Однако в собственно метафорических образах нет сравнительных связей (показателей сравнения) и других необходимых для типичного сравнения компонентов. Отметим также, что именно такой путь (от сравнения к собственно метафоре) типичен для развертывания метафоры, он показывает динамику развития метафорического образа и отражает процесс «вызревания» метафоры. Представляется, что при восприятии рассматриваемого фрагмента однотипность модели развития смысла значительно важнее различий в форме выражения уподобления (использование собственно метафор или образных сравнений). Как справедливо отмечает И. М. Кобозева, при анализе политической метафоры имеет смысл признавать «метафорами, или, выражаясь более осмотрительно, метафороподобными выражениями, все образные построения, имеющие в качестве когнитивной основы уподобление объектов, относящихся к разным областям онтологии» [Кобозева 2001: 136–137]. Вместе с тем едва ли имеет смысл относить к числу метафор элементы, совершенно лишенные образности, например некоторые сопоставления [Кобозева 2001; Ortony 1990]. Ср.:

Политическая программа «Яблока» очень напоминает программу «Союза правых сил»; Партии «Яблоко» и «Союз правых сил» во многом похожи.

В подобных случаях нет реально того феномена, который Аристотель называл перенесением имени «с вида на вид», нет представления одного фрагмента действительности с использованием концептов, относящихся к иной сфере.

По-видимому, не обладают образностью и генетические (мертвые, стертые, конвенциональные) метафоры (*глава государства, партия идет в правильном направлении, левое и правое политические движения* и др.), однако следует помнить, что в определенных контекстуальных условиях мертвые метафоры могут «воскреснуть», и их «стертая» внутренняя форма начинает восприниматься как достаточно заметная. Способы кон-

текстного оживления стандартных политических метафор при помощи их развертывания и конкретизации в тексте подробно рассматривают А. Н. Баранов и Ю. Н. Караулов [1994].

В исследовании Х. де Ландшер [De Landsheer 1991] при подсчетах степени метафоричности текста индивидуально-авторские креативные метафоры учитываются как в три раза более значимые, чем стертые метафоры. При всей условности подобных вычислений очевидно, что именно яркие метафоры привлекают к себе внимание читателя. Ср.:

Путин... подковал и поставил в стойло иноходцев-губернаторов, назначив над ними семь строгих конюхов, но те лузгают семечки, а иноходцы прогрызают стены конюшни... Он разгромил две виртуальные империи – ОПГ и НТВ. Прогнал под дождь нашкодившего от возбуждения Доренко и вырвал клыки саблезубому тигру Киселеву, вставив ему в челюсти клочки промокашки, но вся русофобская тля, как и прежде, облепила экраны (А. Проханов).

Метафоре традиционно противопоставляется метонимия, к которой при широком подходе относят также синекдоху и литоту. Специалисты отмечают, что метонимия в отличие от метафоры представляет собой перенос наименования по смежности (временной, пространственной, каузальной и др.). Вместе с тем необходимо отметить, что в политической речи метонимические переносы не менее значимы, чем метафорические.

Показательно, что в последние годы наряду с моделями концептуальной метафоры все чаще и чаще описываются метонимические модели, которые также рассматриваются как своего рода схемы человеческого мышления. Так, Дж. Лакофф [Lakoff 1991] отмечает, что война Соединенных Штатов против Ирака в 1991 году метонимически представлялась в политической речи как война против: 1) президента Саддама Хусейна; 2) против Багдада; 3) против народа Ирака; 4) против иракской армии; 5) против арабов. Каждое из этих наименований имеет смысловые нюансы и представляет собой специфическую категоризацию одного и того же противника. Использование потенциала метонимии – один из эффективных способов прагматического воздействия, ведущего к преобразованию существующей в сознании адресата политической картины мира.

Специального рассмотрения требует и вопрос о функциях политической метафоры.

В истории науки известны концепции, по которым в качестве основных выделяли такие функции метафоры, как эстетическая, номинативная, коммуникативная, прагматическая и др. Например, Цицерон считал, что исторически первичной для метафоры была номинативная функция, однако позднее на первый план вышла эстетическая функция. Выдающийся ритор писал: «Употребление слов в переносном смысле имеет широкое распространение. Его породила необходимость... под давлением бедности и скудности словаря, а затем уже красота его и прелесть расширили область его применения. Ибо подобно тому, как одежда, сперва изобретенная для защиты от холода, впоследствии стала применяться также и для украшения тела и как знак отличия, так и метафорические выражения, введенные из-за недостатка слов, стали во множестве применяться ради услаждения [Цицерон 1972: 234]. Существенно различаются и выделяемые специалистами перечни функций метафоры.

Следует согласиться с И. М. Кобозевой, которая считает, что «в разных типах дискурса метафора выполняет разные функции... В поэтическом тексте главными функциями метафоры признаются эстетическая (метафора как украшение речи) и активизационная (метафора как средство активизации восприятия адресата), тогда как познавательная отходит на второй план. В научном дискурсе на первое место выходит познавательная, эвристическая функция метафоры, позволяющая осмыслить новый объект исследования, опираясь на знания о других типах объектов... Важна для научного дискурса и аргументативная функция метафоры как средство убеждения в правильности (правдоподобности) выдвигаемых тезисов или постулатов» [Кобозева 2001: 134–135].

Закономерно встает вопрос и о функциях метафоры в политических текстах. По мнению И. М. Кобозевой, развивающей идеи А. Н. Баранова, в политическом дискурсе основными функциями метафоры являются эвристическая и аргументативная. Одновременно отмечается, что в политической речи метафора выполняет «интерактивную функцию сглаживания наиболее опасных политических высказываний, затрагивающих спор-

ные политические проблемы, минимизируя ответственность говорящего за возможную буквальную интерпретацию его слов адресатом» [Там же: 134]. Кроме того, метафора «создает у партнеров по коммуникации общую платформу, опираясь на которую, субъект речи может более успешно вносить в сознание адресата необщепринятые мнения» [Там же: 135]. При этом подчеркивается, что эстетическая и активизационная функции возникают в политических текстах «в качестве побочного эффекта» [Там же: 136].

В диссертации А. В. Степаненко разграничиваются следующие функции метафоры в политическом дискурсе: прагматическая, когнитивная, эмоциональная, репрезентативная, хранения и передачи национального самосознания, традиций культуры и истории народа [Степаненко 2002: 24].

В основе настоящего исследования лежит несколько иное представление о функциях политической метафоры и их соотношении. К числу основных функций метафоры, на наш взгляд, относятся когнитивная, коммуникативная, прагматическая и эстетическая, каждая из которых может иметь те или иные разновидности (варианты). Рассмотрим специфику каждой из названных функций и их вариантов.

1. Когнитивная функция метафоры

При когнитивном подходе метафора рассматривается как способ мышления, средство постижения, рубрикации, представления и оценки какого-то фрагмента действительности при помощи сценариев, фреймов и слотов, относящихся к совершенно иной понятийной области. Метафора создает возможность использовать потенции структурирования сферы-источника при концептуализации новой сферы. Специфика такой концептуализации во многом зависит от национального, социального и личностного сознания. Метафоры – это проявление аналоговых возможностей человеческого мышления, они заложены уже в самой интеллектуальной системе человека, это особого рода схемы, по которым человек думает и действует. Политическая ситуация в современной России постоянно меняется, и для характеристики этих изменений часто используются метафоры.

При детальном рассмотрении можно выделить следующие разновидности когнитивной функции.

Номинативно-оценочная разновидность

Метафора может служить способом создания названий для новых, пока еще «безымянных» реалий: яркий пример подобной метафоры – «перестройка» для обозначения политической доктрины М. С. Горбачева. Но значительно чаще метафора – это другое название взамен уже существующего, но по каким-либо причинам не устраивающего автора. При помощи метафоры соответствующее явление подводится под категорию (по Дж. Лаккоффу), что позволяет лучше определить сущность этого явления и выразить свое отношение к нему.

Например, процесс передачи государственной собственности в частное владение имеет общепринятое название – *приватизация*. Но представители непримиримой оппозиции постоянно называют проведенную в России приватизацию *грабежом*, то есть при помощи метафоры подводят соответствующие действия под категорию «уголовные преступления» и одновременно подчеркивают их негативную оценку. Ср.:

Это было не накопление капитала, а бандитский грабеж страны – бессовестный и наглый. Сейчас разграбление продолжается, и края этому пока не видать (Г. Зюганов).

Моделирующая разновидность

Использование системы взаимосвязанных метафор позволяет создать модель политической реальности при помощи системы концептов, относящейся к совершенно иной понятийной области. В результате этого политическая ситуация, которая требует осознания, представляется как нечто хорошо знакомое, для нее как бы уже существует готовая оценка.

Например, если приватизация – это грабеж, то ее организаторы и участники – это бандиты, а президент страны – главарь банды, пахан, крестный отец. Соответственно, противники приватизации воспринимаются как люди, стоящие на страже законности и препятствующие продолжению преступлений. Такая система метафор постоянно использовалась в коммунистической прессе, создавая характерную для коммунистического сознания

метафорическую модель современной российской действительности.

Инструментальная разновидность

Подобная метафора более характерна для научного дискурса, но в политическом дискурсе способна «подсказывать» решения, определять направление развития мысли, то есть выступает как своего рода инструмент мышления. Например, если приватизация – это грабеж, то долг каждого патриота – способствовать строгому наказанию преступников (многие призывают даже к расстрелу) и возвращению «награбленного» законному владельцу. Если приватизация – это грабеж, то она не соответствует естественным законам развития общества, и когда-нибудь все встанет на свои места. Такая метафора предопределяет направление движения мысли, как маяк определяет направление движения корабля.

Гипотетическая разновидность

Метафора позволяет представить что-то еще не до конца осознанное, создать некоторое предположение о сущности метафорически характеризуемого объекта. Эта разновидность присуща научному дискурсу, но не исключена и в политическом. Например, используемая при оценке современной экономической формации метафора *бандитский капитализм*, возможно, связана с представлениями о том, что эта система действительно создана преступниками или в интересах преступников. При осмыслении взаимоотношений между государствами на нашем континенте метафора *общеевропейский дом* в постсоветский период сменила конфронтационную метафору *железный занавес*. Точные формы отношений между вчерашними врагами были еще неизвестны, но метафора, используя хорошо знакомую понятийную основу с ярким эмоциональным ореолом, создавала, по крайней мере, представление об общих принципах отношений: предусмотрительные люди стремятся поддерживать с соседями по дому добрые отношения, соседям часто приходится совместно решать те или иные проблемы, они помогают друг другу.

2. Коммуникативная функция метафоры

Язык – это не только орудие мышления, но и средство передачи информации. Если человек мыслит метафорами, то вполне закономерно, что и передача информации осуществляется с использованием метафор. Больше того – во многих случаях метафора позволяет передавать информацию в более удобной для адресата форме. Например, метафорическое обозначение политической организации «*Медведь*» воспринимается значительно легче, чем официальное ее наименование «Межрегиональное движение “Единство”» или возможная аббревиатура МДЕ. Показательно, что слияние политических движений «Единство» и «Отечество» (и, соответственно, появление нового названия) не оказалось препятствием для использования «медвежьих» метафор. Рассмотрим некоторые разновидности коммуникативной функции метафоры.

Эвфемистическая разновидность

Метафора помогает передать информацию, которую автор по тем или иным причинам не считает целесообразным обозначить прямо, при помощи непосредственных номинаций. Примером подобного использования метафоры может служить опубликованное газетой «Известия» (20.04.00) интервью, в котором Ю. Лужков отказался прямо говорить о своей оппозиционности «партии власти», но, рассказывая о своей пасеке, упомянул о том, что «если пчелы не будут защищать свой мед от всяких там медведей, то они погибнут». Поскольку медведь – это символ движения «Единство», а Ю. Лужков в то время был лидером движения «Отечество» (которое враждовало с «Единством»), то метафора становится вполне понятной. Сила метафоры, ее «голубая кровь» (А. Н. Баранов) заключается в эффекте балансирования между сказанным и несказанным, между определенностью и неопределенностью, в известной условности и вместе с тем в особой значимости метафорической концептуализации мира. Метафора – как партком в коммунистической России – все решает и ни за что не отвечает.

Популяризаторская разновидность

Метафора позволяет в доступной для слабо подготовленного адресата форме передать сложную идею. Подтверждением значимости популяризаторской функции политической метафоры может служить следующее, сделанное профессиональными психологами, наблюдение над особенностями выступлений бывшего председателя правительства России Сергея Кириенко:

Убедительность выступлениям придают несколько простейших приемов. Например, прием объяснения сложных вещей на пальцах. Скажем, трудности принятия бюджета он сравнивал с ситуацией в бедной студенческой семье. Семья решает, что купить – холодильник или сапоги. И то и другое нужно, но денег все же не хватает... (АиФ. 2000. № 42).

Несколько другой прием использует Вячеслав Костиков, который в своей аналитической статье «Где они, ресурсы развития?» последовательно использует метафору для своего рода дублирования или резюмирования важнейших положений:

Российская экономика исчерпала те резервы, на которых основывался экономический рост последних трех лет. По оценке Центра макроэкономического анализа, минимальным условием для развития до 2010 года являются 4,5% годового роста экономики, М. Касьянов обещает В. Путину 3,5%. А бывший министр А. Лившиц считает, что и 2% будут удачей. Мотор заглох, колеса буксуют. Становится очевидным – нужны новые ресурсы роста. Эксперты называют три – сокращение доли малоэффективной государственной собственности, иностранные инвестиции и – главный резерв: стимулирование среднего и малого бизнеса. Горячие головы говорят: чтобы сдвинуть застрявший состав, нужны новые локомотивы. Необходимы руководители, способные перевести эти идеи в практику работы правительства. Нужны новые машинисты (АиФ. 2002. № 12).

Как известно, политическая речь часто ориентирована на самые широкие массы, а поэтому бывший пресс-секретарь президента России стремится, с одной стороны, рационально обосновать свою точку зрения (при помощи статистики, ссылок на авторитеты и др.), а с другой – выразаться в доступной и привлекающей внимание адресата форме. В этом смысле метафора

напоминает картинки в детской книжке: они призваны привлечь внимание к тексту, но служат единственным источником информации для детей, не научившихся читать.

3. Прагматическая функция метафоры

Метафора является мощным средством преобразования существующей в сознании адресата политической картины мира, побуждения его к определенным действиям и формирования у него необходимого адресанту эмоционального состояния.

Побудительная разновидность

Использование метафоры способствует усилению ответственности побуждения граждан к политической деятельности. Например, метафорический призыв *«Выйти на решающий бой с врагами»* воспринимается совершенно иначе, чем банальное приглашение проголосовать на выборах или принять участие в демонстрации, хотя в данном случае метафорический бой – это и есть участие в выборах или демонстрации.

Аргументативная разновидность

Как продемонстрировал А. Н. Баранов, метафорическая аргументация постоянно используется в политической речи как способ изменения политических воззрений адресата. На первом этапе аргументации метафора позволяет обратиться к некоторому общему для коммуникантов фонду знаний и тем самым создать своего рода общую платформу, опираясь на которую, говорящий с легкостью может развить свою точку зрения. Например, противники продажи земли часто используют такую аргументацию: *«Земля – это мать, а мать продавать нельзя»*. Из этого делается вывод, что нельзя продавать и землю. Первая часть этого высказывания вводит привычную для русского сознания метафору, во второй части высказывания (если не рассматривать слово *мать* как метафору) тоже представлено общепринятое суждение. В результате софистический характер обоснования требует специального анализа, к которому склонны далеко не все слушатели.

Существуют люди, на которых метафорическая аргументация воздействует намного эффективнее, чем любая иная. В

других случаях метафорические аргументы выступают как важное дополнение к рациональным или эмоциональным аргументам.

Эмотивная разновидность

Метафора часто используется для воздействия на эмоционально-волевую сферу адресата и создания соответствующего отношения к рассматриваемым реалиям. Например, ассоциируя название партии «Межрегиональное движение “Единство”» с образом медведя, люди переносят на партию традиционное для России позитивное восприятие «хозяина тайги», «генерала Топтыгина», сильного и добродушного героя народных и литературных сказок и даже символа Олимпиады-80. Размышляя о недавнем прошлом России, Патриарх Алексей Второй использует морбиальную метафору:

Тяжелая болезнь постигла Россию в обличье коммунизма. Может быть, она была попущена нам, чтобы избавить от какой-либо более страшной грозившей нам чумы.

Подобные метафоры создаются прежде всего для того, чтобы перенести имеющееся у читателя эмоциональное отношение к понятию-источнику (его обозначает слово в основном значении) на понятие, которое концептуализируется метафорическим значением слова. Иначе говоря, вполне традиционное для русского национального сознания сочувствие к больному закономерно переносится и на Россию, которая сопоставляется патриархом Алексием с излечивающимся от тяжелой болезни человеком. Соответственно, естественное отношение всякого человека к очень опасной инфекционной болезни благодаря использованию метафоры как бы переносится и на отношение к коммунистической теории и практике.

4. Эстетическая функция метафоры

Эстетическая функция является основной для художественного дискурса, но очень существенна и для политической сферы общения. Хорошо известно, что образная форма привлекает внимание адресата и способна сделать высказывание более действенным. Блеск метафорической формы часто воспринимается как признак глубины и смысловой точности высказывания.

Поэтому роль красивой языковой формы напоминает роль красивой упаковки товара: она не гарантирует качества, но очень значима для успешной реализации продукции.

Например, в современной российской интеллектуальной элите насчитывается немного поклонников политических взглядов крайнего национал-патриота Александра Проханова, но его насыщенное метафорами сочинение «Господин Гексоген» получило престижную литературную (!) премию.

Употребление новых слов по уже существующим моделям часто создает в тексте оптимальное соотношение стандарта (использование модели) и экспрессии (различные виды оживления метафоры), привлекает внимание адресата к способу выражения мысли, которая воспринимается как более яркая и значимая. Это особенно относится к постсоветской политической речи [Булыгина 1999; Костомаров 1999; Караулов 2001; Какорина 1996 и др.]. В качестве разновидностей рассматриваемой функции можно выделить **изобразительную** и **экспрессивную**.

Заканчивая обзор, подчеркнем, что рассмотренные функции метафоры, и особенно их варианты, лишь относительно автономны, в конкретных текстах они тесно переплетаются между собой. Нет сомнений в том, что в зависимости от ситуации значимость той или иной функции метафоры может возрасти или уменьшиться, но у нас пока нет инструмента для точного количественного определения соотношения рассматриваемых функций в конкретном тексте.

1.2. МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ И ЕЕ КОМПОНЕНТЫ

Прежде чем приступить к конкретному анализу метафорических моделей в современном политическом дискурсе, необходимо дать определение метафорической модели, выделить ее компоненты и установить принципы классификации рассматриваемых моделей. Именно эти проблемы освещаются в двух первых параграфах настоящей главы.

Теории метафорического моделирования и описанию конкретных моделей посвящено множество специальных публикаций. Рассматриваемый вариант теории метафорического моделирования восходит к ставшей уже классической монографии Джорджа Лакоффа и Марка Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» [Lakoff, Johnson 1980]. В данной монографии метафора представлена как основная когнитивная операция, как важнейший способ познания и рубрикации мира. Американские исследователи делают следующий вывод: «Метафора не ограничивается одной лишь сферой языка, то есть сферой слов: сами процессы мышления человека в значительной степени метафоричны. Именно это имеем мы в виду, когда говорим, что понятийная система человека упорядочивается и определяется метафорически. Метафоры как языковые выражения становятся возможны именно потому, что существуют метафоры в понятийной системе человека. Таким образом, всякий раз, когда мы говорим о метафорах типа СПОР – это ВОЙНА, соответствующие метафоры следует понимать как метафорические понятия (концепты)» [Лакофф, Джонсон 1990: 389–390]. Развитие этой теории на материале отечественных политических текстов представлено в публикациях А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова [1991; 1994], И. М. Кобозевой [2001], А. В. Степаненко [2001], Ю. Б. Феденевой [1997], А. П. Чудинова [2001] и других исследователей.

Вторым научным направлением, лежащим в основе настоящего исследования, стала отечественная теория регулярной многозначности, созданная Д. Н. Шмелевым [1964; 1973] и Ю. Д. Апресяном [1971; 1974] и активно развиваемая целым рядом других специалистов (Н. В. Багичева, Л. В. Балашова, Л. М. Васильев, Э. В. Кузнецова, Л. А. Новиков, Е. В. Падучева,

И. А. Стернин, А. П. Чудинов и др.). Учитываются также достижения других направлений современной лингвистики, связанных с изучением регулярности семантических преобразований (Н. Д. Арутюнова, Н. В. Багичева, О. И. Воробьева, О. П. Ермакова, М. Р. Желтухина, Анна А. Зализняк, Е. А. Земская, Н. А. Илюхина, Н. А. Кузьмина, В. В. Лабутина, С. Н. Муране, Н. В. Павлович, Г. Н. Скляревская, В. Н. Телия, Е. И. Шейгал, Т. В. Шмелева и др.).

Важным постулатом современной когнитивной лингвистики является дискурсивный подход к изучению материала (Н. Д. Арутюнова, А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов, Е. С. Кубрякова и др.). Метафорические модели должны рассматриваться в дискурсе, в тесной взаимосвязи с условиями их возникновения и функционирования, с учетом авторских интенций и прагматических характеристик, на широком социально-политическом фоне. Система метафорических моделей – это важная часть национальной языковой картины мира, национальной ментальности, она тесно связана с историей соответствующего народа и современной социально-политической ситуацией.

Метафорическая модель – это существующая и/или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между понятийными сферами, которую можно представить определенной формулой: X – это Y. Например, ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ – это ВОЙНА; ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ – это ПУТЕШЕСТВИЕ; ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ – это ДЕНЬГИ. Отношение между компонентами формулы понимается не как прямое отождествление, а как подобие: X подобен Y, ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ подобна ВОЙНЕ. В соответствии с названной формулой система фреймов (слотов, концептов) одной ментальной сферы (сферы-источника) служит основой для моделирования ментальной системы другой сферы (сферы-магнита). При таком моделировании в сфере-магните обычно сохраняется не только структура исходной области, но и эмотивный потенциал, характерный для концептов сферы-источника, что создает широкие возможности воздействия на эмоционально-волевую сферу адресата в процессе коммуникативной деятельности.

В соответствии со сложившейся традицией для описания метафорической модели (по другой терминологии – модели ме-

тафоры) хотя бы по минимальной схеме должны быть охарактеризованы ее следующие признаки:

- **ИСХОДНАЯ ПОНЯТИЙНАЯ ОБЛАСТЬ** (в других терминах – ментальная сфера-источник, сфера-донор, откуда-сфера, сигнификативная зона, источник метафорической экспансии, область источника), то есть понятийная область, к которой относятся неметафорические смыслы охватываемых моделью единиц. Во многих случаях существует возможность указать не только исходную понятийную область, но и ее отдельные участки, служащие источником метафорической экспансии;

- **НОВАЯ ПОНЯТИЙНАЯ ОБЛАСТЬ** (в других терминах – ментальная сфера-магнит, сфера-мишень, куда-сфера, денотативная зона, реципиентная сфера, направление метафорической экспансии, область цели), то есть понятийная область, к которой относятся метафорические смыслы соответствующих модели единиц. Нередко есть возможность указать не только понятийную область-магнит, но и ее отдельные участки, притягивающие соответствующие метафоры;

- **ОТНОСЯЩИЕСЯ К ДАННОЙ МОДЕЛИ ФРЕЙМЫ**, каждый из которых понимается как фрагмент наивной языковой картины мира. Эти фреймы изначально структурируют исходную концептуальную сферу (сферу-источник), а в метафорических смыслах служат для нетрадиционной ментальной категоризации сферы-магнита; по определению В. З. Демьянкова, фрейм – «...это единица знаний, организованная вокруг некоторого понятия, но, в отличие от ассоциаций, содержащая данные о существенном, типичном и возможном для этого понятия... Фрейм организует наше понимание мира в целом... Фрейм – структура данных для представления стереотипной ситуации» [Кубрякова, Демьянков, Панкрац, Лузина 1996: 188]. Для описания модели в равной степени важен состав фреймов как в сфере-источнике, так и в сфере-магните. Нередко система фреймов предстает как своего рода когнитивный динамический сценарий, отражающий представления о типичной последовательности развертывания модели. Например, характерная для политической коммуникации метафорическая модель с исходной ментальной сферой «болезнь» предполагает следующий

сценарий развертывания: *заболевание – выявление симптомов – определение диагноза – лечение – уход за больным – выздоровление*;

• **СОСТАВЛЯЮЩИЕ КАЖДЫЙ ФРЕЙМ ТИПОВЫЕ СЛОТЫ**, то есть элементы ситуации, которые составляют какую-то часть фрейма, какой-то аспект его конкретизации. Например, фрейм «Вооружение» включает такие слоты, как «Огнестрельное оружие», «Холодное оружие», «Боевая техника», «Боеприпасы», «Средства защиты от оружия и маскировка» и т. п. При характеристике составляющих слота мы употребляем термин **«концепт»**; для обозначения этих концептов чаще всего используются слова естественного языка. Как отмечает Е. С. Кубрякова, концепт отражает представления «...о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких **квантов** знания» [Кубрякова 1996: 90]. Концепт, в отличие от лексической единицы (слова), – это единица сознания, ментального лексикона. По словам Е. В. Рахилиной, «главным свойством концептов нередко считается их неизолированность, связанность с другими такими же – это определяет то, что всякий концепт погружен в домены, которые образуют структуру... Домены образуют тот фон, из которого выделяется концепт» [2000: 3]. Совокупность всех существующих в национальном сознании концептов образует концептуальную систему, концептосферу;

• **КОМПОНЕНТ, КОТОРЫЙ СВЯЗЫВАЕТ ПЕРВИЧНЫЕ (в сфере-источнике) И МЕТАФОРИЧЕСКИЕ (в сфере-магните) СМЫСЛЫ ОХВАТЫВАЕМЫХ ДАННОЙ МОДЕЛЬЮ ЕДИНИЦ**. Например, при анализе метафорической модели **ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ – это ВОЙНА** необходимо определить, какие признаки позволяют метафорически сблизать указанные сферы, чем именно политическая деятельность может напоминать войну, почему понятийная структура сферы-

источника оказывается подходящей для обозначения элементов в сфере-магните;

- **ДИСКУРСИВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МОДЕЛИ**, то есть типичные для соответствующих метафор концептуальные векторы, ведущие эмотивные характеристики, прагматический потенциал модели, ее взаимосвязи с существующей политической ситуацией, конкретными политическими событиями, политическими взглядами и интенциями субъектов коммуникации и др.;

- **ПРОДУКТИВНОСТЬ МОДЕЛИ**, то есть способность к развертыванию и типовые направления развертывания в тексте и дискурсе. При необходимости можно вычислить и частотность использования соответствующих модели метафор, сопоставить частотность различных моделей с учетом стилистических, жанровых и иных признаков текста.

Следует подчеркнуть, что в подготовленном А. Н. Барановым и Ю. Н. Карауловым «Словаре русских политических метафор» различаются термины «метафорическая модель» и «модель метафоры». При этом метафорической моделью называется только «понятийная область (область источника в когнитивной интерпретации метафоры), элементы которой (смыслы и сочетания смыслов) связаны различными семантическими отношениями («выполнять функцию», «способствовать», «каузировать», «быть частью», «быть видом», «быть примером» и др.), причем каждый элемент модели соединен с другими элементами существенно более сильными связями, чем с элементами других понятийных областей» [Баранов, Караулов 1994: 15]. Иначе говоря, данные исследователи называют метафорической моделью только то, что в нашей концепции обозначается как понятийная сфера-источник метафорической экспансии. Соответственно в «Словаре русских политических терминов» выделяются такие метафорические модели, как «Спорт», «Механизм», «Медицина». В настоящей монографии (под влиянием классической монографии Дж. Лакоффа и М. Джонсона) название модели всегда включает два компонента: сферу-источник и

сферу-магнит: например, ПОЛИТИКА (обозначение сферы-магнита) – это СПОРТ (обозначение сферы-источника). В отдельных случаях используются и описательные названия моделей (например, политическая метафора с исходной понятийной сферой «Спорт», спортивная метафора в политической коммуникации). Между соответствующими модели метафорами устанавливаются отношения на сигнификативном (уровень понятий), денотативном (область объектов метафорического осмысления) и экспрессивном уровнях.

Целенаправленный анализ функционирующих в политической сфере метафорических моделей способствует выявлению тенденций развития политического дискурса и помогает определить степень влияния изменений социально-экономического характера на функционирование языка.

1.3. ПРОБЛЕМЫ КЛАССИФИКАЦИИ И ОПИСАНИЯ МЕТАФОРИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ

В процессе характеристики конкретных метафорических моделей многие специалисты приходят к мысли о необходимости их последовательной систематизации в том или ином языке. Например, в посвященном художественной речи исследовании Н. В. Павлович [1995] выделены и охарактеризованы наиболее типичные для русского языка метафорические формулы (в нашей терминологии — метафорические модели), что очень важно как для анализа конкретных текстов, так и для постижения закономерностей русского национального менталитета. В связи с этим автор ставит вопрос: «Может быть, действительно, их не так много, этих традиционных формул? Время – вода, смерть – сон, земля – мать, жизнь – битва и еще, к примеру, десятка два подобных широко употребляемых повсюду образов?» [Там же: 55]. Сходную позицию занимает Н. А. Кузьмина, которая считает, что «общее число архетипов, по-видимому, невелико для поэтического языка в целом и, конечно, для каждого его синхронного состояния» [1999: 297]. Значительно более осторожную позицию занимают А. Н. Баранов и Ю. Н. Караулов, которые указывают на множество сложностей как при определении границ соответствующих моделям понятийных областей, так и при дифференциации конкретных моделей [1994: 15].

Основные метафорические модели русской политической речи представлены в подготовленных А. Н. Барановым и Ю. Н. Карауловым словарях [1991; 1994].

Иные варианты классификации ведущих метафорических моделей, характерных для современной отечественной политической речи, отражены в публикациях Ю. Б. Феденевой [1998] и А. П. Чудинова [2001]. Отдельные фрагменты системы русских метафорических моделей охарактеризованы в публикациях Т. С. Вершининой [2002], А. Б. Ряпосовой [2002].

Представляется, что при систематизации метафорических моделей процесс значительно более важен, чем результат. Дело в том, что возможные пути классификации очень разнообразны, и едва ли какая-либо из возможных классификаций окажется принятой всеми. Специалисты хорошо помнят, сколько было

оптимизма после первых публикаций по лексико-семантическим группам слов, и вместе с тем хорошо понимают, что до настоящего времени отсутствует единая и общепризнанная лексико-семантическая классификация русской и английской лексики. Это же можно сказать о классификации и инвентаризации моделей регулярной многозначности.

Следует согласиться с тем, что перспективы единой и общепризнанной классификации (и инвентаризации) метафорических моделей еще менее очевидны, но такая работа нужна, поскольку она позволит выделить хотя бы наиболее частотные и продуктивные модели, а также даст богатый материал для постижения общих закономерностей метафорического моделирования действительности.

Важная проблема, возникающая при систематизации метафорических моделей, – это выбор основания для классификации.

Во-первых, за основу для систематизации можно взять исходную понятийную сферу (сферу — источник метафорической экспансии) и выделить, например, следующий ряд однотипных моделей:

1. ПОЛИТИКА – это ЗДАНИЕ (ДОМ);
2. ПОЛИТИКА – это МЕХАНИЗМ;
3. ПОЛИТИКА – это ЖИВОЙ ОРГАНИЗМ;
4. ПОЛИТИКА – это РАСТЕНИЕ.

Детальное описание подобной системы моделей представлено в нашей монографии «Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000)» [Чудинов 2001].

При необходимости за основу для классификации можно взять не понятийную сферу-источник, а лишь ее отдельные фреймы. Например, в понятийном поле «Политика» выделяются следующие фреймы: субъекты политической деятельности (политические лидеры, политические активисты, избиратели и др.), политические организации, политические институты (парламент, правительство, муниципальные органы власти), политическая деятельность, отношения между субъектами политической деятельности и т. п. Взяв за основу первый из названных фреймов, можно выделить следующий ряд однотипных моделей:

СУБЪЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ – это ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЖИВОТНОГО МИРА (медведи, волки, львы, крокодилы, бараны и т. п.);

СУБЪЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ – это СПОРТСМЕНЫ (боксеры, шахматисты, лидеры, аутсайдеры, команда, имеющая капитана и тренера, и т. п.);

СУБЪЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ – ЧАСТИ ЖИВОГО ОРГАНИЗМА (голова, сердце, рука, глаза и др.);

СУБЪЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ – ВОЕННОСЛУЖАЩИЕ И ИХ ОБЪЕДИНЕНИЯ (рядовые и генералы, разведчики; армия, имеющая главнокомандующего, штаб и другие структуры).

Соответственно, отношения между субъектами политической деятельности (людьми и организациями) – это война, игра, отношения в животном мире, спортивное состязание, театр, отношения в феодальной иерархии, отношения в семье и т. п.

За основу для классификации можно взять и сферу метафорического притяжения (сферу-мишень) и на этой основе выделить, например, следующий ряд однотипных моделей:

- 1) ПОЛИТИКА – это ЗДАНИЕ (дом);
- 2) ЭКОНОМИКА – это ЗДАНИЕ (дом);
- 3) ЮРИСПРУДЕНЦИЯ – это ЗДАНИЕ (дом);
- 4) РЕЛИГИЯ – это ЗДАНИЕ (дом).

Еще одна классификация моделей (она представлена в работах В. В. Лабутиной [1997; 1998]) учитывает те компоненты, которые связывают первичные и вторичные значения охватываемых соответствующими моделями слов. Сюда относятся такие типовые смыслы, как «причина и следствие», «главное и второстепенное», «руководитель и подчиненный», «сильный и слабый» и т. п. Например, для выражения причинно-следственных отношений может метафорически использоваться лексика родства (мать и дочь; сын и отец; рождать), лексика из понятийной сферы «Растения» (семена и урожай, корни и плоды). Для обозначения отношений управления можно использовать лексику из понятийной сферы «Механизмы» (руль, рычаги, тормоз), обозначения частей организма (голова, мозг, ноги,

руки), слова из понятийной сферы «Животный мир» (наездник и лошадь, вожжи, узда), слова из понятийной сферы «Театр» (дирижер, режиссер, суфлер, марионетка, кукловод), лексика из понятийной сферы «Преступный мир» (пахан, шестерка, авторитет, киллер).

Для познания закономерностей метафорического моделирования действительности могут быть значимы результаты анализа каждого из рассмотренных выше типов моделей. Каждый из них открывает новые возможности для структурирования политической реальности в языковой картине политического мира, и особенно в конкретном тексте.

Вторая важная проблема, встающая при выборе параметров классификации метафорических моделей, – это определение состава понятийных сфер, способных служить источником или мишенью для метафорической экспансии. При определении таких сфер следует учитывать, что создаваемая человеком картина мира изначально антропоцентрична: этот мир строится разумом человека, который концептуализирует политические реалии, опираясь на свои представления о соотношении индивида и мира. Метафора реализует представления о человеке как о центре мира.

Поэтому нами были выделены и охарактеризованы четыре разряда моделей политической метафоры [Чудинов 2001]. В каждом из этих разрядов обнаруживается несколько наиболее типичных моделей. Эти модели, разумеется, не охватывают всего реального спектра источников метафорической экспансии и метафорического притяжения, но дают относительно полное представление о специфике данного разряда.

В нашей монографии 2001 года была предложена следующая классификация основных разрядов русской политической метафоры последнего десятилетия XX века [Чудинов 2001].

1. Антроморфная метафора. Как известно, Бог создал человека по своему образу и подобию. Возможно, именно этим можно объяснить тот факт, что человек также моделирует политическую реальность исключительно по своему подобию, что позволяет метафорически представлять сложные и далекие от повседневности политические понятия как простые и хорошо известные реалии. При исследовании этого разряда анализиру-

ются концепты, относящиеся к исходным понятийным сферам «Анатомия», «Физиология», «Болезнь», «Секс», «Семья» и т. п.

2. Природоморфная метафора. Живая и неживая природа издавна служит человеку своего рода моделью, в соответствии с которой он представляет социальную, в том числе политическую, реальность, создавая таким образом языковую картину политического мира. Источниками метафорической экспансии в данном случае служат понятийные сферы «Мир животных», «Мир растений», «Мир неживой природы», то есть политические реалии осознаются в концептах мира окружающей человека природы.

3. Социоморфная метафора. Различные составляющие социальной картины мира постоянно взаимодействуют между собой в человеческом сознании. Поэтому мир политики постоянно метафорически моделируется по образцу других сфер социальной деятельности человека. Рассматриваемый разряд политических метафор включает такие понятийные сферы-источники, как «Преступность», «Война», «Театр (зрелищные искусства)», «Экономика», «Игра и спорт».

4. Артефактная метафора. Бог сотворил мир и человека, но человек посчитал этот мир недостаточно комфортным и продолжил созидательную деятельность. Человек реализует себя в создаваемых им вещах – артефактах. Именно по аналогии с артефактами люди метафорически моделируют и политическую сферу, представляя ее компоненты как «Механизм», «Дом (здание)», «Мир компьютеров», «Инструмент», «Домашняя утварь» и др.

Названные выше разряды метафор можно схематично представить следующим образом: «Человек как центр мироздания», «Человек и природа», «Человек и общество», «Человек и результаты его труда».

Рассмотренная классификация с теми или иными уточнениями была использована во многих последующих исследованиях (Е. С. Белов, Э. В. Будаев, Л. Е. Веснина, Н. А. Красильникова, П. А. Кропотухина, О. А. Ольховикова, А. А. Перескокова, А. Б. Ряпосова, Л. М. Салатова, О. А. Солопова, А. М. Стрельников, Т. В. Таратынова, И. В. Телешева, Н. М. Чудакова, Н. Г. Шехтман и др.). К числу самых существен-

ных ее уточнений следует отнести предложенное Р. Д. Керимовым выделение в особые мегасферы универсальных метафор (движение, температура, цвет и др.) и сакральных метафор [Керимов 2013].

Важно подчеркнуть, что в основе каждой понятийной сферы лежит концептуализация человеком себя и мира в процессе когнитивной деятельности. Именно поэтому выделяется, например, понятийный разряд «Человек и природа», а не категория (или семантическое поле) «Природа». В соответствии с представлениями когнитивной лингвистики в основе метафоры лежат не значения слов и не объективно существующие категории, а сформировавшиеся в сознании человека концепты. Эти концепты содержат представления человека о свойствах самого человека и окружающего его мира. Всякий концепт является не изолированной единицей, а частью домена (ментального пространства, понятийной сферы). Домены образуют тот фон, из которого выделяется концепт. Концепты, как и домены в целом, отражают не научную картину мира, а обыденные («наивные») представления человека о мире (В. фон Гумбольдт и неогумбольдтианцы, американская этнолингвистика, гипотеза лингвистической относительности Сэпира – Уорфа, а также современные публикации Дж. Лакоффа и М. Джонсона, Ю. Д. Апресяна, Л. Н. Иорданской, Е. С. Кубряковой, С. Е. Никитиной, Е. В. Рахилиной, Е. А. Урысон и др.).

Дифференциация научной и «наивной» картины мира опирается на предложенное А. А. Потебней еще во второй половине XIX века разграничение «ближайшего» (собственно языкового) и «дальнейшего» (соответствующего данным науки) значений слова. Эта концепция предопределяет дифференциацию научных и обыденных («наивных») классификаций. Например, научная (зоологическая) классификация царства животных (это биологический термин, а не «живая» метафора) очень сложна и многоступенчата: на первом этапе названное царство разграничивается на подцарства одноклеточных и многоклеточных. В составе многоклеточных дифференцируется множество подклассов и типов, в том числе губки, кишечно-полостные, плоские, первично-полостные, кольчатые черви, моллюски, иглокожие, хордовые. В последнем типе выделяется подтип позвоноч-

ных, в котором далее вычленяются классы рыб, земноводных, пресмыкающихся, птиц, млекопитающих; на следующих ступенях этой иерархии представлено еще более детальное разграничение живых существ. Едва ли имеет смысл приводить здесь хотя бы основную структуру зоологической классификации: очевидно, что она нужна только специалистам. Большинство «небиологов» вполне обходится «наивной», или «обыденной», элементарной классификацией, и именно эта «наивная» классификация является основой концептуальной структурированности царства животных, которая составляет исходную понятийную сферу для зооморфной политической метафоры.

Обыденная категоризация животного мира во многих случаях не соотносится с классификацией научной. Например, в соответствующей современной русской ментальности обыденной категоризации мира, видимо, выделяются в лучшем случае микробы, букашки, черви, змеи, раки, лягушки, рыбы, птицы и собственно животные (в смысле – млекопитающие). Можно представить и менее детальный вариант категоризации: животные, птицы, рыбы и «все остальное» (то есть то, что в научных работах называется «низшие животные»). Кроме того, обыденная классификация животных вне зависимости от семейств, отрядов и видов и прочей научной «зауми» различает домашних и диких животных (например, свиньи могут быть и домашними, и дикими), хищных и нехищных животных (однако к хищникам относятся не только собственно животные, но и некоторые птицы и рыбы), обитателей моря, суши и неба, а также некоторые другие группы. Вместе с тем в обыденном сознании вовсе не существует, например, выделяемых зоологией класса хордовых и даже семейства волчьих, то есть для нас собственно животные, птицы и рыбы не составляют какого-то единства, а собаки, лисы, шакалы и волки – это совершенно различные для «наивной» классификации животные.

Специальные наблюдения показывают, что в основе абсолютного большинства политических метафор лежит именно обыденная картина мира, наивные представления, которые, как отмечает Ю. Д. Апресян, «отнюдь не примитивны», а во многих случаях «не менее сложны и интересны, чем научные» [1995: 39]. Эти наивные представления «отражают опыт интро-

спекции десятков поколений на протяжении многих тысячелетий и способны служить надежным проводником» [Там же] в познании национального менталитета.

В зависимости от конкретных задач исследования могут быть выделены и некоторые другие группы моделей. Так, в диссертации Т. С. Вершиной [2002] рассмотрены общие и особенные свойства моделей органистической метафоры, среди которых автор различает фитоморфные, зооморфные и антропоморфные модели. А. Б. Ряпосовой [2002] исследована группа моделей с агрессивным прагматическим потенциалом, к которым автор относит прежде всего метафорические модели с исходными понятийными сферами «Война», «Мир криминала» и «Мир животных». По мнению А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова, метафоры перестройки «можно расположить на мысленной шкале по степени убывания активности действующего лица. Тогда на одном конце такой шкалы оказывается поле строительной метафоры», а на другом – поле антропоморфной метафоры [1991: 14].

В концепции Дж. Лакоффа и М. Джонсона различаются ориентационные метафоры (они опираются на пространственные оппозиции типа «верх – низ», «центр – периферия», «больше – меньше» и т. п.), онтологические метафоры (например, представление человеческой души как некоего вместилища чувств, представление неодушевленных предметов как живых существ) и структурные метафоры, которые дают возможность использовать концепты из одной понятийной сферы для характеристики совершенно иной сферы.

Рассматривая типичные свойства метафорических моделей, А. Н. Баранов и Ю. Н. Караулов отмечают, что такие модели способны взаимодействовать друг с другом [1994: 6].

Существующая в дискурсе метафорическая картина мира – это своего рода система метафорических полей, свойства которой во многом аналогичны свойствам системы лексико-семантических полей. Необходимо выделить следующие наиболее важные для нашего описания свойства метафорических моделей.

1. Иерархическое устройство. В лексико-семантической системе традиционно выделяются иерархические организованные объединения: поля подразделяются на подполя, внутри этих

подполей выделяются лексико-семантические группы, которые в свою очередь подразделяются на подгруппы, в составе которых могут выделяться отдельные парадигмы и т. п. [Шмелев 1973; Новиков 1982; Кузнецова 1989 и др.]. Подобные отношения можно обнаружить и между моделями. Например, метафорическая модель с исходной понятийной сферой «Дом (строение)» может рассматриваться как часть более широкой модели с исходной семантической сферой «Населенный пункт (город, деревня и т. п.)», в составе которой выделяются разнообразные названия инфраструктуры (дом, мост, улица, переулок и т. п.). С другой стороны, в составе модели с исходной понятийной сферой «Дом (строение)» может быть выделена своего рода «под-модель» с исходной понятийной сферой «Кухня».

2. Пересекаемость (диффузность). Исследователи лексико-семантических полей неоднократно отмечали такое свойство, как пересекаемость указанных полей, а также подполей и групп в их составе. Практика показала, что между смежными лексико-семантическими объединениями крайне сложно выделить отчетливую границу, очень часто обнаруживаются компоненты, которые по тем или иным основаниям можно отнести сразу к двум смежным полям [Кузнецова 1989; Новиков 1982; Шмелев 1973 и др.].

Аналогичные факты наблюдаются и при изучении метафорических моделей. Нередко один и тот же метафорический образ может рассматриваться как одновременно принадлежащий различным метафорическим моделям. Например, метафорические обозначения, связанные с исходной понятийной сферой «Приготовление пищи», можно отнести к понятийной сфере «Кухня» (а «Кухню» рассматривать как часть «Дома»), но вполне возможно и включение метафорических обозначений приготовления пищи в обширную семантическую сферу «Созидание, изготовление». При несколько ином подходе метафоры, связанные со сферой «Дом», могут быть отнесены и к метафорической модели *политические реалии* – это элементы *инфраструктуры*, которой соответствуют и метафоры, опирающиеся на такие слоты, как «мост», «улица», «тротуар», «парк», «туннель» и т. п.

3. Полевая организация. В лексико-семантических объединениях традиционно выделяются центр, ядро, приядерная зона, ближняя периферия, дальняя периферия [Кузнецова 1989; Стернин 2001; Шмелев 1973 и др.]. По-видимому, сходные феномены можно обнаружить и в составе метафорической модели. Например, при анализе метафорической модели «Дом (строение)» можно выделить метафорические словоупотребления, которые наиболее ярко выражают типичные свойства модели, относятся к ее центру, а также словоупотребления, которые принадлежат периферии исследуемого материала. В частности, метафоры, связанные с переосмыслением функций стен, окон, дверей, крыши, несомненно, относятся к наиболее типичным проявлениям модели, к центральной зоне относится и метафорическое переосмысление образов спальни, кабинета, коридора или кухни. С другой стороны, словоупотребления, метафорически переосмысливающие процесс приготовления пищи, если и относятся к модели «Дом (строение)», то только к самой дальней ее периферии.

В целом рассмотренный материал показывает, что возможны различные методики систематизации и описания метафорических моделей, которые, в свою очередь, могут выделяться по разным основаниям. При конкретном описании отдельных метафорических моделей необходимо учитывать такие их свойства, как иерархичность структуры, пересекаемость и полевая организация.

Выполненные в рамках уральской школы политической метафорологии исследования обычно основаны на последовательном описании фреймово-слотовой структуры метафорических моделей. В большинстве случаев описание строится на основе характеристики сфер – источников метафорической экспансии, но вполне возможно и описание, базирующееся на характеристике фреймо-слотовой структуры сфер – мишеней метафорической экспансии. В качестве своего рода примера такого описания может служить характеристика двух типов метафорических моделей экономической метафоры. В первом случае ЭКОНОМИКА является понятийной сферой – источником метафорической экспансии в сферу ПОЛИТИКИ. В результате такой экспансии разнообразные политические реалии все чаще

концептуализируются с позиций выгодной продажи или покупки, прибыли или убытков, бережливости или расточительства, накопления капитала или банкротства. Иными словами, в данном случае анализируется метафорическая модель ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ – это ДЕНЬГИ (товары). Политическими ресурсами можно распоряжаться примерно так же, как умелый финансовый менеджер (или просто опытная хозяйка) распоряжаются деньгами и материальными ценностями. В качестве ресурсов, которые требуют грамотного использования, могут метафорически представляться политический авторитет, имидж, власть, талант, доверие, должности, партии, депутатские объединения, свобода слова и другие, способные приносить доход, нематериальные ценности. Ср.:

Молниеносная и масштабная его раскрутка объясняется тем, что немалый «первоначальный капитал» Вячеслав Володин накопил еще в бытность саратовским вице-губернатором (В. Александров); Правда и то, что этим величайшим кредитом доверия демократы распорядились не лучшим образом (М. Соколов); Все происходящее в Думе сейчас напоминает игру или большую торговлю, в которой еще многое не ясно, кроме того, что цена сделки очень высока (С. Бабаева, А. Колесников); Согласно гайдаровско-чубайсовской формуле вся Россия нерентабельна, подлежит списанию, дешевой распродаже (А. Проханов); Официозные СМИ пытаются купить неподкупных борцов из бывшего НТВ (М. Соколов).

В рассматриваемых контекстах концепты из экономической сферы метафорически обозначают политические ценности и процессы. Например, авторитет метафорически представляется как капитал, а политические переговоры – как торговля, то есть слова, относящиеся в первичном значении к финансовой понятийной сфере (в том числе обозначающие товарно-денежные отношения, субъектов экономической деятельности и т. п.), метафорически обозначают социальные процессы, взаимоотношения политических организаций и конкретных политиков, моральные и деловые качества субъектов общественной борьбы и т. п.

Во втором случае ЭКОНОМИКА становится уже сферой метафорического притяжения, то есть на этот раз экономиче-

ские реалии обозначаются при помощи концептов, которые изначально относятся к совсем иным понятийным сферам. Ср.:

Экономика — дама чрезвычайно осторожная, и расцветает только под охраной неукоснительно исполняемых умных и суровых законов. Она не любит «чрезвычайщины» и быстро чахнет от административных мер (В. Зуев); Экономику республики можно сравнить с богатой невестой, которая ждет женихов с инвестициями, но может и не дожждаться (Н. Степанов); Цена — это любовный взгляд, бросаемый товаром на деньги. Если же последние отказывают товарам во взаимности, то им приходится влачить безрадостное существование на товарных складах (В. Медведев); Тем не менее, политика, как обычно, изнасиловала экономику — самую беззащитную даму в нашем обществе, поскольку в момент надругательства она сопротивляться не может. Зато потом мстит страшно (В. Гуревич).

Сопоставление экономики с женщиной (девушкой, невестой, женой и т. п.), которая что-то любит и чего-то не любит, ждет богатых женихов, может чахнуть и расцветать, бросать или притягивать любовные взгляды, подвергаться насилию, сопротивляться и мстить, выходить замуж и рожать, создает образную картину экономической жизни на основе хорошо знакомых каждому человеку концептов, изначально относящихся к совсем иным понятийным сферам. Как будет показано ниже, особенно часто источником метафор, способных образно представить экономические реалии, оказываются концептуальные сферы «Дом», «Дорога», «Война», «Мир животных», «Мир растений», «Болезнь» и «Человеческое тело».

Важнейший результат российской демократической революции конца XX века — это замена власти коммунистической номенклатуры властью денег (рыночных отношений), которую нам обещают заменить диктатурой закона. Однако строгость российских законов во многом компенсируется необязательностью их исполнения, а поэтому власть денег пока часто распространяется и на сферу политики. Как известно, «сила» метафоры, ее «голубая кровь» (А. Н. Баранов) — это постоянное балансирование между сказанным и несказанным, между прямым и метафорическим смыслом, это сохранение ассоциативного по-

тенциала концептов сферы-источника при использовании метафоры для характеристики объектов в сфере-мишени. Специфика современной российской экономической метафоры во многом связана с особой ролью сферы-источника: накопление «политического капитала» невозможно без получения финансовых ресурсов, в результате чего финансовая метафора оказывается лишь отчасти метафорой. Как показал Дж. Лакофф [Lakoff 1991], финансовая метафора очень характерна для политического дискурса Соединенных Штатов, где отношения между людьми, организациями и государствами издавна метафорически концептуализируются как товарно-денежные. В последние годы подобная метафора все шире используется и при концептуализации российской действительности в отечественных политических текстах.

Экономическая метафора в политической речи – это сильное средство постижения, рубрикации, представления и оценки какого-то фрагмента политической действительности при помощи сценариев, фреймов и слотов, относящихся к экономической сфере. В соответствующих ситуациях очень важен прагматический потенциал метафоры – ее способность к преобразованию (переконцептуализации) существующей в сознании адресата картины мира, к переносу рациональных и эмоциональных оценок с экономических феноменов на политические.

Как известно, финансовая метафора издавна используется в русском политическом языке (обвинения в «продаже России» или хотя бы собственной совести традиционны), но в последние годы она заметно активизировалась, что, видимо, связано с усилением роли товарно-денежных отношений в новых социальных условиях и повышением уровня хотя бы минимальной экономической эрудиции у наших граждан, большинство из которых еще полтора десятилетия назад понятия не имели о ваучерах, конвертации, дефолте, отмывании капитала и прочих «капиталистических премудростях». Иначе говоря, в настоящее время исходная понятийная область детальнее структурирована в национальном сознании, а это очень важно для развертывания всякой модели.

Вторая причина активизации рассматриваемой модели — это ее широкие возможности для формирования эмотивных

смыслов, связанных с агрессивностью, опасностью, нарушением нравственных норм и традиций, что очень важно в период обострения социальных взаимоотношений в обществе.

Показательно, что представленный ниже анализ фреймов и слотов данной модели свидетельствует, что финансовая метафора в политической речи чаще всего связана с тем, что традиционно осуждается в народном сознании. Как справедливо подчеркивает Дж. Лакофф [Lakoff 1991], активное использование финансовой метафоры при оценке политической реальности – это один из способов манипулирования общественным сознанием. Как известно, при подсчете финансовых дивидендов не учитываются нравственные аспекты деятельности (еще в Древнем Риме было замечено, что «деньги не пахнут»). Соответственно, активное использование финансовой метафоры способствует элиминации нравственной составляющей при оценке политической деятельности.

В цивилизованном обществе традиционно выделяются моральные ценности, которые максимально удалены от финансовой сферы: честь, достоинство, честность, репутация, справедливость. Как писал А. С. Пушкин: «Не продается вдохновение...», продать можно только рукопись или иной результат труда. Общество признает безнравственной даже саму попытку определить цену, за которую можно было бы приобрести честь, совесть или справедливость того или иного человека, в том числе депутата или правительственного чиновника. Однако в последние годы финансовая метафора все чаще используется в политической речи, то есть наблюдается превращение рассматриваемой модели в доминантную, отражающую существенные особенности современной политической речи.

Заканчивая рассмотрение теоретических основ политической метафорологии, можно сделать следующие выводы.

1. В качестве ведущих целесообразно выделять следующие функции метафоры:

– когнитивная функция, включающая номинативно-оценочную, моделирующую, инструментальную и гипотетическую разновидности;

- коммуникативную функцию, включающую эвфемистическую и популяризаторскую разновидности;
- прагматическую функцию, включающую побудительную и аргументативную и эмотивную разновидности;
- эстетическую функцию, включающую экспрессивную и изобразительную разновидности.

2. При описании метафорической модели необходимо прежде всего охарактеризовать следующие ее признаки: исходную понятийную область (ментальную сферу – источник метафорической экспансии), новую понятийную область (ментальную сферу – магнит для метафорического притяжения), относящиеся к данной модели сценарии и фреймы, составляющие каждый фрейм слоты. При более детальной характеристике определяются компоненты смысла, которые связывают сферу-источник и сферу – магнит метафорической экспансии, а также продуктивность и частотность модели, ее типовые концептуальные векторы и прагматический потенциал.

3. За основу для классификации моделей можно взять как понятийную сферу – источник метафорической экспансии, так и понятийную сферу метафорического притяжения (сферу-магнит). Для иллюстрации этого положения в настоящей главе представлено описание, с одной стороны, политических метафор, объединяемых сферой-источником «Экономика», а с другой – метафор со сферой-магнитом «Экономика» и сферами-источниками «Война», «Человеческий организм», «Криминал», «Мир животных», «Болезнь».

4. Рассмотренные материалы свидетельствуют, что в современных текстах концептуальная сфера «Экономика» оказывается как богатым источником для метафорической экспансии, так и сильным магнитом, притягивающим концепты из самых разнообразных понятийных полей. Подобная активизация экономической метафоры объясняется повышенным вниманием общества к сфере экономики, потребностями в ярком и эмоциональном описании соответствующих реалий, поиском путей для усиления прагматического воздействия экономических текстов. Переход страны к рыночной экономике закономерно обусловил экспансию рыночных метафор.

ГЛАВА 2. МЕТОДОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРОЛОГИИ

Методология политической лингвистики рассматривается в данной главе в трех аспектах. В первом случае анализируются лингвистические и – шире – общегуманитарные методики, которые используют специалисты при изучении политических метафор (риторическая, когнитивная, дискурсивная, лингвокультурологическая и др.). Второй параграф главы посвящен рассмотрению методики отбора материала для исследований по политической метафорологии, в том числе с учетом корпусной методики, использование которой (например, в работах Э. В. Будаева) позволило достичь принципиально новых результатов. В третьем параграфе представлены основные принципы, идеи и эвристики уральской школы политической метафорологии.

2.1. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ГРАНИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРОЛОГИИ¹

В последние десятилетия наиболее перспективные научные направления чаще всего возникают в зоне соприкосновения различных областей знания. Одним из таких направлений стала политическая метафорология, сформировавшаяся на пересечении политической лингвистики и метафорологии.

Становление первой области исследований – политической лингвистики – связано с планомерным изучением политической коммуникации, которое началось еще в середине прошлого века и опиралось на пионерские исследования Гарольда Лассвелла, Пола Лазарсфельда, Уолтера Липпманна, Виктора Клемперера, Джорджа Оруэлла и других видных специалистов. В конце прошлого столетия в лингвистике формируется обособленное направление, в центре внимания которого находится теория и практика анализа политического дискурса. Для обозначения этого направления исследований в мировой науке закрепилось

¹ В основе этого раздела лежит одноименная статья Э. В. Будаева и А. П. Чудинова, опубликованная в 2007 году [Будаев, Чудинов 2007].

наименование «политическая лингвистика» [Belgian 1997; Burkhardt 1996; Klein 1998; Sarcinelli 1989; Баранов 2001; Паршин 2001; Мухарьямов, Мухарьямова 2002; Романов 2002 и др.], хотя иногда встречаются и смежные обозначения, акцентирующие те или иные аспекты политического семиозиса (например, «политологическая филология», «политологическое литературоведение», «политологическая лингвистика» [Демьянков 2002], «политическая семантика» [Politische 1989], «политическая дискурсология» [Русакова Максимов 2006]).

Вторая область исследований, по сути, имеет более чем двухтысячелетнюю историю: известно, что многие современные исследования по-прежнему базируются на определении, идущем еще от Аристотеля, который утверждал, что метафора – это имя, перенесенное с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид. Однако, несмотря на значительный объем накопленных знаний о метафоре, интерес к ней в настоящее время не только не ослабевает, а наоборот, усиливается в связи с переходом изучения метафоры на качественно новый уровень. В последние десятилетия сформировалась самостоятельная научная область – метафорология [Лагута 2003], объектом исследования которой является метафорика, включающая в себя как результаты метафорогенной деятельности человека, так и все механизмы этой деятельности (нейрологический, синестетический, когнитивный, коммуникативный). Метафорология объединяет усилия философов, логиков, специалистов в области информатики, социологов, психологов, лингвистов, литературоведов и представителей иных наук для более адекватного и всестороннего анализа феномена метафоры.

Сближение этих двух направлений обусловлено как бурным развитием исследований, посвященных политической коммуникации, так и переосмыслением самого понятия метафоры, новым пониманием ее роли в организации ментальных процессов и языковой картины социальных отношений. Возникновение политической метафорологии – одно из проявлений общей тенденции в эволюции современной лингвистики, проявляющейся в утверждении принципов методологического плюрализма, антропоцентризма и междисциплинарности.

Функционирование метафоры в политическом дискурсе довольно сложный феномен, поэтому неудивительно, что политическая метафора как объект политической метафорологии рассматривается с разных методологических позиций и в разных дисциплинах.

1. Политическая метафора и когнитивная лингвистика

Когнитивная лингвистика – направление, в центре внимания которого находится язык как общий когнитивный механизм и когниция в ее языковом отражении. Когнитивная лингвистика возникла в США (М. Джонсон, Р. Джэкендофф, Дж. Лакофф, Р. Лангакер, Л. Талми, М. Тернер, Ч. Филлмор, Ж. Фоконье, У. Чейф и др.) и получила значительное распространение, дальнейшее развитие и свою интерпретацию в российской науке (Н. Д. Арутюнова, А. Н. Баранов, Н. Н. Болдырев, В. З. Демьянков, Д. О. Добровольский, В. И. Карасик, Ю. Н. Караулов, Е. С. Кубрякова, В. В. Петров, Е. В. Рахилина, Ю. С. Степанов, И. А. Стернин, А. П. Чудинов и др.).

В основе когнитивной теории метафоры лежит идея о том, что метафора – это феномен не лингвистический, а ментальный: языковой уровень лишь отражает мыслительные процессы. Метафоры в языке – это не украшение мыслей, а лишь поверхностное отражение концептуальных метафор, заложенных в понятийной системе человека и структурирующих его восприятие, мышление и деятельность. В основе метафоризации лежит процесс взаимодействия между структурами знаний двух концептуальных доменов – сферы-источника и сферы-мишени. В результате метафорической проекции из сферы-источника в сферу-мишень, сформировавшиеся в результате опыта взаимодействия человека с окружающим миром элементы сферы-источника структурируют менее понятную концептуальную сферу-мишень, что составляет сущность когнитивного потенциала метафоры.

Исследования концептуальной метафоры в сфере политической коммуникации получили особое распространение. Перспективы применения когнитивных эвристик к политическому дискурсу были намечены основателями теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [1980]. Помимо общей характеристики теории, американские исследователи рас-

смотрели следствия военной метафоры Дж. Картера и показали, что, казалось бы, совершенно лишенная эмоциональной оценки метафора ТРУД – это РЕСУРС позволяет скрывать антигуманную сущность экономической политики государств как с рыночной, так и с тоталитарной экономикой.

Положение о том, что субъект склонен реагировать не на реальность как таковую, а скорее на собственные когнитивные репрезентации реальности, приводит к выводу, что и поведение человека непосредственно определяется не столько объективной реальностью, сколько системой репрезентаций человека. Из этого следует, что выводы, которые мы делаем на основе метафорического мышления, могут формировать основу для действия. Это объясняет особенно повышенный интерес современных исследователей к когнитивному анализу политической метафорике по всему миру (см. [Будаев, Чудинов 2006]).

На современном этапе исследователей когнитивной политической метафоры интересуют два типа корреляции метафорических выражений и сознания человека. С одной стороны, корпусные исследования метафор позволяют выявить структуры «коллективного подсознательного», которые не выражены эксплицитно. Этот аспект можно сформулировать как «сознание (подсознательное) определяет метафоры». Вместе с тем прагматический потенциал метафор сознательно используется в политическом дискурсе для переконцептуализации картины мира адресата. Этот подход можно выразить в формуле «метафоры определяют сознание». Первый аспект рельефно проявляется в исследованиях стертых метафор, второй – при анализе ярких, образных, хотя жесткого разграничения, конечно же, нет.

По степени детализации анализируемого концептуального содержания можно выделить несколько подходов к когнитивному анализу политической метафоры. На первом уровне анализа выделяется группа исследований, авторы которых детально изучают метафоры, связанные с конкретными концептами сферы-источника. Примерами могут служить исследования метафор ПОЛИТИКА – это МОСТ [Benoit 2001], ПОЛИТИКА – это ТРУД [Verhó 2000], ЧЕХОСЛОВАКИЯ – это ДВОЙНОЙ ДОМ [Drulak 2005].

При более широком охвате ученые анализируют одну конкретную сферу – источник метафорической экспансии и детально ее описывают. Опыт показывает, что сосредоточение внимания исследователя на одной модели позволит охарактеризовать эту модель максимально полно, изучить ее «под лингвистическим микроскопом» и благодаря этому обнаружить закономерности, ускользающие при обозрении всей широкой картины. Так, И. В. Телешева [2004] детально рассмотрела российские и американские метафоры со сферой-источником «Болезнь». В диссертации Н. М. Чудаковой [2005] предметом исследования стали только метафоры со сферой-источником «Неживая природа» в современном российском политическом дискурсе. В зарубежной лингвистике подобный характер имеют, в частности, недавние исследования М. Далмо [Dalmau 2005] и А. Мусолффа [Musolff 2006], проанализировавших метафоры родства в политических дискурсах нескольких европейских стран, и Л. Рязановой-Кларке [Ryazanova-Clarke 2004], рассмотревшей российскую криминальную метафорическую модель.

На следующем уровне предметом исследования становятся несколько сфер-источников, объединяемых по определенным критериям (концептуальный вектор, понятийная смежность семантических разрядов, прагматический потенциал и др.). Так, в исследовании Ряпосовой А. Б. [2002] детально анализируются метафорические поля со сферами-источниками «Война», «Криминал» и «Мир животных», которые в современном российском политическом дискурсе отличаются максимальной агрессивностью прагматического потенциала. В диссертации Н. Г. Шехтман [2006] рассматриваются метафорические модели со сферами-источниками «Спорт» и «Театр», которые относятся к числу зрелищных феноменов. В диссертации Вершининой Т. С. [2002] предметом изучения стала группа органистических метафор (зооморфная, фитоморфная и антропоморфная метафора) в современном российском политическом дискурсе.

Основанием для объединения исходных понятийных областей может служить гендерный фактор [Gidengil, Everitt 1999, 2003], общность когнитивных структур базового уровня категоризации (термин Э. Рош) [Sandikcioglu 2003; Zinken 2002]. В монографии И. Насальски выделены египетские политические

метафоры, акцентирующие смысл переходного состояния в развитии общества (беременность, болезнь, пробуждение, дорога и др.) [Nasalski 2004].

На самом общем уровне исследователь стремится по возможности полно охарактеризовать все наиболее важные сферы-источники метафорической экспансии. Лингвисты осуществляют мониторинг комплексов метафорических моделей за продолжительные периоды времени и создают лексикографические описания. В России ярким примером такого подхода стали словари А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова [1991, 1994]. В 1999–2002 годах в Билефельдском университете был реализован российско-немецкий проект по сравнительному изучению русской и немецкой политической метафорике эпохи перестройки и «поворотного» периода (*die Wende-Periode*) в Германии [Baranov, Zinken 2003; Zinken 2004; Zybатов 1998].

В XXI веке по всему миру реализуются проекты, посвященные комплексному и многоаспектному анализу концептуальных метафор. Среди них монографии А. Мусолффа [Musolff 2000, 2004], А. П. Чудинова [2001, 2003], Дж. Вэй [Wei 2001], О. Санта Аны [Santa Ana 2002], Дж. Чартериса-Блэка [Charteris-Black 2004, 2004].

2. Политическая метафора и дискурс-анализ

Как показывают специальные обзоры, в лингвистике нет однозначного определения термина «дискурс». По справедливому замечанию Дж. Юла, «дискурс-анализ охватывает широкий спектр научной деятельности, начиная от узко сфокусированного исследования того, как слова «oh» и «well» используются в обыденной речи, до изучения доминирования идеологий в определенной культуре, представленных, например, в образовательных или политических дискурсивных практиках» [Yule 2000: 83].

Наибольшее распространение получило определение дискурса как сложного коммуникативного явления, включающего кроме текста еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста [Караулов, Петров 1989: 8], как «текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами» [Ар-

утинова 1990: 136–137]. Преимущество такого подхода в том, что дискурс не ограничивается рамками собственно текста, а включает также социальный контекст коммуникации, характеризующий ее участников, процессы продуцирования и восприятия речи с учетом фоновых знаний.

В лингвистике сложилось два основных направления анализа политического дискурса: критический и дескриптивный [Fairclough 1985]. Критический подход направлен на исследование социального неравенства, выраженного в дискурсе. Как отмечает Т. ван Дейк, среди исследователей этого направления «не может быть ученых, занимающих отстраненную и тем более индифферентную позицию» [van Dijk 1993: 253]. В современной лингвистике критический дискурс-анализ получил широкое распространение, особенно применительно к анализу метафорики антииммигрантского дискурса [Baker, McEnery 2005; El Refaie 2001; Hardy 2003; Johnson 2005; O'Brien 2003; Santa Ana 1999, 2002].

Несмотря на широкую популярность критического дискурс-анализа, некоторые исследователи подвергают эту методологию критике. Так, известный специалист в области политической коммуникации и политической метафоры П. Чилтон отмечает, что сторонники критического дискурс-анализа «пытаются бороться с несправедливостью различного рода, но едва ли возможно серьезное воздействие исследователей дискурса на продолжающийся геноцид, угнетение и эксплуатацию, свидетелями которого мы являемся» [Chilton 2004]. По мнению исследователя, большей научной значимостью для достижения постулируемых последователями критического дискурс-анализа целей обладают разработки в области когнитивной науки, чем идеологические позиции субъекта исследования [Chilton 2005].

Со своей стороны, представители критического дискурс-анализа указывают на «мистический» характер когнитивных изысканий. В частности, Н. Фэрклоу и его последователи отказываются от использования когнитивной методологии, связывая свою позицию с тезисом о принципиальной невозможности проникнуть в «черный ящик» сознания [Chouliaraki, Fairclough 1999].

Это противостояние мнений в зарубежной лингвистике продолжает уже имеющий свою историю спор о том, что лежит в основе связи политического поведения и метафоры. Если сторонники критического дискурс-анализа настаивают на социальной первичности метафоры, ее укорененности в социальных практиках, то когнитивисты видят в метафоре ментальную первооснову.

На наш взгляд, в радикальной форме обе позиции представляются методологическими крайностями, не учитывающими диалектического характера факторов метафорогенеза. В российской науке метафизичность как гносеологический принцип преодолевается в когнитивно-дискурсивной парадигме, позволяющей рассматривать политическую метафору одновременно как ментальный и лингвосоциальный феномен. Соответственно, только когнитивная или только дискурсивная трактовка политической метафоры препятствует ее адекватному описанию. Как отмечает Е. С. Кубрякова, «в реальной жизни когниция и коммуникация тесно между собой связаны, и провести между ними строгие границы можно лишь достаточно условно, в когнитивно-дискурсивной парадигме возникает задача реалистического отражения функционирования языка и отдельных его категорий, единиц или конструкций, и усилия исследователя направляются прежде всего на то, чтобы выяснить, как и каким образом может удовлетворять изучаемое явление и когнитивным, и дискурсивным требованиям» [Кубрякова 2004].

Вместе с тем среди зарубежных специалистов синтез когнитивных и дискурсивных эвристик применительно к дискурс-анализу политических метафор находит все больше сторонников [Hülse 2003; Musolff 2004; Zinken 2002]. В частности, известный специалист в области критического дискурс-анализа Р. Водак в одной из последних работ пишет о том, что «когнитивный и социокогнитивный подходы должны стать частью исследований дискурсивных практик, поскольку задачей любого направления в критическом дискурс-анализе является анализ/понимание и объяснение социальных проблем междисциплинарного характера» [Водак 2006: 108].

Отметим, что критическая составляющая вполне имеет право на существование и в рамках когнитивно-дискурсивного

анализа. Специальных исследований по воздействию исследований метафоры критического толка на политические процессы не проводилось, однако едва ли можно полностью отрицать влияние научной деятельности официального советника Демократической партии Дж. Лакоффа на недавнюю победу демократов в США (помимо прочего имеются в виду три его последние книги [2004, 2006, 2006], которые использовались политиками-демократами в качестве пособий по коммуникации и получили самый широкий резонанс далеко за пределами научных кругов).

При дескриптивном подходе к дискурс-анализу политической метафоры превалирует стремление описать и объяснить феномены, избегая при этом собственной (особенно связанной с политическими убеждениями субъекта исследования) идеологической оценки, что, конечно, связано не с отсутствием гражданской позиции, а с представлениями о критериях научной объективности исследования.

В политической метафорологии дескриптивный дискурс-анализ представлен многими направлениями. Среди них дискурсивная теория демократизации, суть которой состоит в том, что истоки демократических преобразований в обществе следует искать в дискурсивных инновациях, а не в изменении социальных или экономических условий. В рамках этой теории метафоре отводится роль каузального фактора общественно-политических изменений [Андерсон 2006; Anderson 2001].

Синтез эвристик исследования метафорики и методов дискурсивного анализа социальных структур по А. Вендту осуществил П. Друлак [Drulak 2006]. Базовая идея подхода состоит в том, что дискурсивные структуры являются отражением структур социальных. Исследователь проанализировал метафоры, которые использовали лидеры 28 европейских стран в дебатах о составе и структуре Европейского Союза. Выделив метафоры самого абстрактного уровня, П. Друлак выявил, что лидеры стран ЕС предпочитают наделять надгосударственное объединение чертами единого государства, а лидеры стран-кандидатов предпочитают видеть в ЕС сбалансированное объединение государств.

Важное место в политической метафорологии занимает комбинаторная теория кризисной коммуникации (CCC-theory) Х. де Ландшер и ее единомышленников. Некогда Х. де Ландшер доказала на примере анализа голландского политического дискурса, что существует зависимость между частотностью метафор и общественными кризисами [De Landtsheer 1992]. В очередном исследовании Х. де Ландшер и Д. Вертессен [Vertessen, De Landtsheer 2005], сопоставив метафорику бельгийского предвыборного дискурса с метафорикой дискурса в периоды между выборами, обнаружили, что показатель метафорического индекса увеличивается в предвыборный период. Подобные факты, по мысли авторов, еще раз подтверждают тезис о важной роли метафоры как средства воздействия на процесс принятия решений и инструмента преодоления проблемных ситуаций в политическом дискурсе.

Еще одно направление представлено исследованиями в русле постмодернистской теории дискурса. Теория постулирует всеобщую метафоричность всякой сигнификации, а анализ политического дискурса считается наиболее подходящим способом выявления этой онтологической метафоричности. Все «пустые означающие» (empty signifiers) политического дискурса конститутивно метафоричны, причем метафоричность проявляется в различной степени [Laclau 1996]. При таком подходе стирается граница между метафоричностью и «буквальностью» (метафорическим может считаться, например, лозунг «We can do it ourselves» – «Мы можем сами собой управлять»), а при анализе дискурса можно говорить только о степени метафоричности «пустых означающих» [Hansen 2005].

По мнению В. Моттьер [Mottier 2005], адекватный анализ проблемы взаимодействия метафоры и властных отношений необходимо основывать на синтезе герменевтического подхода с эвристиками дискурсивного анализа М. Фуко, что позволит преодолеть крайности слишком широкого деконструктивизма и слишком узкого когнитивизма.

На современном этапе идущая от Ф. де Соссюра структуралистская традиция анализа языковой системы сменяется активным внедрением в лингвистические исследования теории дискурс-анализа, вовлечением в методологический аппарат по-

литической метафорологии широкий экстралингвистический контекст. В современной лингвистике структуралистский подход к метафоре сохраняет свою значимость (см. [Москвин 2006]), однако его эвристики ограничиваются системно-языковыми вопросами и мало подходят для анализа дискурса, для изучения того, как люди на самом деле говорят и пишут, а именно данный аспект приобретает в современном обществе все большую актуальность. По справедливому замечанию Е. С. Кубряковой, «дискурсивная деятельность носит отчетливо выраженный специализированный характер, т. е. не может быть описанной вне указания на «среду» ее функционирования» [Кубрякова 2004: 526].

Вместе с тем важно отметить, что современная политическая метафорология не отказалась от всего лучшего, что было в традиционных учениях о метафоре. Более того, феномен функционирования метафоры в политической коммуникации активно изучался с середины прошлого века, а идеи, положенные в основу современных подходов к дискурсу-анализу, в той или иной степени разрабатывались в работах по политической метафоре в русле исследований по риторике и прагматике (см. [Будаев, Чудинов 2006]).

3. Политическая метафора и лингвокультурология

Лингвокультурология – направление современной лингвистики, возникшее на стыке языкознания и культурологии. Лингвокультурологический подход помогает решать одну из актуальных проблем политической метафорологии, заключающуюся в выявлении закономерностей метафорического моделирования картины мира в политических дискурсах различных государств. С одной стороны, многочисленные исследования фиксируют общие кросскультурные черты политической метафористики. «Современные средства массовой информации составляют уже своеобразный интердискурс, в котором различия отдельных... языков – вещь чисто поверхностная. При обсуждении современных событий мировая пресса мгновенно подхватывает сказанное кем-то удачное выражение, оно разносится по изданиям и языкам... Мы смотрим на мир (или нам предлагается смотреть) очень схоже» [Шмелева 2001: 5].

С другой стороны, следует согласиться с тем, что «наиболее фундаментальные культурные ценности согласованы с метафорической структурой основных понятий данной культуры» [Лакофф, Джонсон 1990: 404]. Аналогичные мысли неоднократно высказывали и отечественные специалисты (Ю. Д. Апресян, А. Н. Баранов, Е. М. Верещагин, В. Г. Гак, Ю. Н. Караулов, В. Г. Костомаров, Е. С. Кубрякова, Б. А. Успенский и др.).

Ряд примеров лингвокультурологической специфики метафорического осмысления политики находим в монографии Б. Льюиса «Язык ислама» [Lewis 1988]. Если на Западе глав государств часто сравнивают с капитаном или рулевым корабля, то метафоры лидерства в исламе связаны с искусством верховой езды. Мусульманский лидер никогда не стоял за штурвалом, но часто сидел в седле и держал ноги в стремях. Также его власть никогда не ассоциировалась с образом солнца, потому что испепеляющее солнце не радует жителей Востока. Мусульманский лидер закрывает подданных благодатной тенью, спасающей от палящего солнца, и одновременно сам является «тенью Бога на земле». Если мы обратимся к метафорам стран Запада и России, то обнаружим, что в них метафора монарха как солнца довольно традиционна. Достаточно вспомнить французского Короля Солнце (Людовика XIV) или собирательный образ древнерусского князя Владимира Красное Солнышко.

Интересны наблюдения Б. Льюиса по поводу ориентационных метафор. На Ближнем Востоке властные отношения в большей степени представляются в горизонтальных, нежели вертикальных понятиях. Человек во власти не бывает внизу или вверху, но внутри или снаружи, рядом или далеко. В исламском обществе власть и статус больше зависят от близости к правителю, чем от ранга во властной иерархии. Правители Ближнего Востока чаще предпочитали дистанцироваться от критически настроенного окружения, чем понижать их в ранге, или отправляли неугодных в ссылку, вместо того чтобы бросить их в подземелье. Разумеется, речь не идет о бунтарях и явных мятежниках, с которыми и на Западе и на Востоке власть имущие поступали примерно одинаково.

Достаточно рельефно специфика политических метафор Востока проявляются в гендерных стереотипах исламских госу-

дарств [Будаев 2006]. Межкультурное сопоставление политической метафорики Запада и Востока позволяет сделать вывод о том, что картина политической действительности часто структурируется в соответствии с противопоставлением мужского и женского начал, но оценочные смыслы варьируются в политическом дискурсе гетерогенных культурных сообществ.

Причины культурного своеобразия национальных метафор довольно прозрачны. Их оценочные смыслы связаны с геоклиматическими условиями того ареала, на котором формируется культура, с традициями, предписывающими соответствующие стереотипы поведения, и другими факторами, имеющими многовековую историю. Вместе с тем система политических метафор даже в самом традиционном обществе не представляет собой раз и навсегда заданную систему концептуальных координат для осмысления реальности. Изменения в инвентаре политических метафор определенной культуры связаны как с внутренними потребностями, так и с инокультурным влиянием.

Примеры лингвокультурологической специфики политической метафоры приводит Дж. Вэй, рассматривая традиционную китайскую цветовую символику и ее взаимодействие с новообразованиями в метафорике. По данным исследователя, в современном тайваньском политическом дискурсе получила широкое распространение метафора шляпы как символа власти. При этом большое значение имеет ее цвет: красный цвет связан со взяточничеством, золотой – с финансовыми скандалами, черный – с культивированием nepотизма, желтый – с прелюбодеянием. Таким образом, политик, который, например, «носит красную шляпу», косвенно обвиняется автором метафоры в коррупции [Wei 2001: 75–77].

Межкультурное своеобразие в концептуальных картинах мира может быть связано с особенностями ситуативной интерпретации определенных политических событий. В этом отношении наиболее известна интернет-публикация Дж. Лакоффа, в которой рассмотрен контраст между метафорическим осмыслением кризиса в Персидском заливе в США и арабских странах [Lakoff 1991].

Межкультурные различия в актуализации политических метафор прослеживаются не только при анализе традиционной специфики национальной картины мира, но и при исследовании частотности или продуктивности метафорических моделей, характерных для всех сопоставляемых дискурсов. Например, израильские исследователи А. Абади и Я. Сакердоти [Abadi, Sacerdoti 2001], сравнив метафоры израильского и американского политических дискурсов, обнаружили, что метафорическая модель со сферой-источником «Война» более продуктивна и частотна в израильском дискурсе, в то время как спортивные метафоры более распространены в дискурсе США. Авторы объясняют полученные результаты тем, что жизнь рядовых израильтян в большей степени связана с армией, чем жизнь американцев. Постоянные арабо-израильские конфронтации находят выражение во всепроникающей милитаризации израильского общества. Наоборот, в Израиле отсутствует характерный для США «культ спорта». В частности, количество популярных в США видов спорта значительно превосходит аналогичные показатели в Израиле.

Лингвокультурологический ракурс рассмотрения политической метафоры позволяет показать, что национальная метафорика в одних своих аспектах отражает национальную культуру и национальный менталитет, в других – типична для определенного культурного пространства (Запад, Россия, Восток, Африка и др.), а в-третьих – имеет общечеловеческий характер. Продолжение лингвокультурологического исследования метафорики, задействованной в политическом дискурсе, позволит лучше разграничить закономерности, общие для всего цивилизованного мира или какой-то его части, и специфические признаки того или иного национального политического дискурса.

4. Политическая метафора, психология и нейронаука. Осознание того факта, что метафора первично ментальный, а не языковой феномен, все чаще инициирует обращение ученых к психолингвистическим и психоаналитическим методикам при анализе политической коммуникации. Такие исследования часто направлены на изучение политической метафоры не как средства убеждения, а как отражения сознательных или бессозна-

тельных представлений коммуникантов о политической реальности.

Среди исследований политической метафорики, находящих основания в теориях глубинной психологии, выделяется монография С. Кина [Keen 1988]. Опираясь на методологию юнгианской школы психоанализа, автор обратился к анализу архетипа тени в политической агитации и пропаганде. С. Кин показывает, что на агитационных плакатах и в политических карикатурах XX века противоборствующие стороны во всех крупных военных конфликтах изображали друг друга с помощью дегуманизирующих метафор, среди которых наиболее распространены образы насильника, зверя, рептилии, насекомого, микроба, смерти, безликой орды и врага Бога.

С позиций психоанализа М. Аугустинос и С. Пенни [Augoustinou, Penny 2001] рассмотрели вопрос о том, как австралийские политики представляют проблему примирения между аборигенным и неаборигенным населением Австралии. Проанализировав 12 выступлений политиков (6 аборигенов и 6 неаборигенов), удалось показать, что в основе осмысления проблемы лежит архетипический метафорический образ совместного путешествия.

Свои собственные эвристики в рамках этой методологической группы предлагает психолингвистика. Психолингвистические методы исследования метафорики позволяют получать данные об особенностях метафорического конструирования мира политики рядовыми гражданами, что недоступно при традиционном анализе политдискурса, материалом для которого обычно становятся тексты, созданные журналистами, политиками или их спичрайтерами. Методы психолингвистики особенно важны при решении вопроса об эффективности использования метафор. Анализ политического или медийного дискурса позволяет только гипотетически говорить о воздействующей силе метафоры, а для получения достоверных данных необходимо обратиться непосредственно к сознанию адресата коммуникации.

В качестве примера можно привести исследование Я. Босмана и Л. Хагендорна [Bosman, Hagendoorn 1991]. В первой части поставленного ими эксперимента изучалась эффек-

тивность метафорических и буквальных политических сообщений. Испытуемые читали неметафорическое и метафорическое описание политики шовинистической партии, а потом письменно заполняли опросные листы, в которых отвечали на вопросы о возможных путях противодействия подобной политике. Обрабатав результаты, Я. Босман и Л. Хагендорн пришли к выводу, что, хотя метафоры и оказывают влияние на идеи испытуемых, буквальные выражения не менее эффективны.

Помимо анкетирования ученые активно используют метод интервью. Преимущество этого метода связано с тем, что исследователь получает материал для анализа в ходе естественного общения с коммуникантом, а не из заранее подготовленных текстов. Подобная методика применяется в работах Д. Херадштейта, Г. Бонхэма, Т. Оберлехнера, В. Майер-Шенбергера [Heradstveit, Bonham 2005; Oberlechner, Mayer-Schönberger 2002].

В ряде исследований политическая метафорология обогащается эвристиками нейролингвистических теорий. Ярким примером может служить нейрокогнитивная теория метафоры, образовавшаяся на стыке нейронной теории языка, теории первичных и сложных метафор и теории концептуальной метафоры. Нейронная теория языка направлена на выявление нейробиологических детерминант когниции и с общенаучных позиций ее становление – вполне закономерный этап в развитии метафорологии как комплексного междисциплинарного направления в изучении человеческого мышления. Необходимость такого развития теории Дж. Лакофф и М. Джонсон связывают с тем, что «когнитивные эффекты на верхнем уровне когниции возможны благодаря нейробиологии на ее нижнем уровне» [Lakoff, Johnson 1999: 570]. Если в когнитивной лингвистике исследователи обычно ограничивались анализом корреляций языковых и когнитивных явлений, то в нейронной теории языка ощущается значительный естественнонаучный уклон. При таком подходе в качестве недостающего звена между когнитивной метафорой и метафорическим выражением рассматривается уровень моделируемых коннекционистских сетей, соотносимых с нейронной архитектурой человеческого мозга.

Нейрокогнитивный подход к изучению метафоры начинает активно развиваться в конце 1990-х годов, когда ряд лингвистов Калифорнийского университета и ученых из института компьютерной науки в Беркли объединяют свои усилия. Важным результатом интеграции этих усилий стало понимание того, что язык, когнитивные процессы и сенсомоторная деятельность связаны с активизацией одних и тех же участков нейронной сети. Например, при восприятии метафор движения в мозге человека осуществляется ментальная симуляция физического действия, результаты которой проецируются обратно на сферу-мишень, привнося инференции, вытекающие из ментальной симуляции моторной деятельности [Там же: 583].

Практическим применением этой теории стали разработки компьютерных программ, моделирующих семантические сети коннекционистского типа. Одну из таких программ С. Нараянан применил к анализу концептуальных метафор движения, задействованных при осмыслении политики и экономики в американской прессе [Narayanan 1999].

Исследования политической метафорики с использованием психолингвистических и нейропсихологических методов позволяют посмотреть на феномен политической метафоры с новых позиций и скорректировать предположения, принимаемые при других методологических подходах без верификации.

5. Политическая метафора и общественные науки. Метафора на протяжении долгого времени оставалась предметом исследования филологов и философов, но в последнее время этот феномен все чаще вызывает интерес у представителей широкого круга общественных дисциплин: историков, социологов, политологов. В исследованиях подобного рода метафора не является первоочередным предметом исследования, вместе с тем в общественных науках анализ метафор становится распространенным методом познания социально-политической действительности. Исследователи фиксируют организующую роль метафор в постижении социально-политической реальности, метафорическую природу политической картины мира.

В частности, исследование политической метафоры – распространенное явление в политологических публикациях [Бляхер, Говорухин 2006; Потапчук 2006; Межуев 2006; Canêdo 1997;

Rayner 1984; Smith 2002; Terchek 1999]. Примечательно, что политологи часто не ставят перед собой задачу исследовать метафоры, но в результате научных изысканий обращаются к метафоре. Например, занимаясь политологической проблемой, которая, на первый взгляд, непосредственно не связана с метафорой («Идеология в структуре политического процесса»), С. В. Куньщиков делает вывод о том, что «идеология «работает» в политическом процессе не непосредственно, а через систему идеологических метафор, эффективность которых заключается в способности адекватно выражать ценностно-значимые для социальных групп смыслы политической деятельности» [Куньщиков 2006: 10].

В диссертации Б. Н. Халитова [2006] предпринимается опыт анализа «языковой войны» не только как публицистической метафоры, описывающей столкновение интересов каталонской и кастильской языковых групп в начале 1990-х годов, но и в качестве теоретико-политического концепта, когнитивного инструмента. Функция метафорического концепта проявляется в описании политического феномена и объяснении его причин.

Примером социологического исследования метафоры может служить докторская диссертация Л. А. Паутовой [2007], в которой с помощью целого ряда методик выявляется спектр метафор, актуализируемых в современной российском обществе при осмыслении концепта «стабильность».

Отметим, что во многих исследованиях политолого-социологического цикла получение научного знания основывается не столько на корпусном анализе собственно лингвистических явлений, сколько на аналитических размышлениях исследователя и порой на наблюдения философов и социологов в области взаимодействия общественных процессов и политического мышления. В качестве примера может привести работу Я. Эзрахи [Ezrahi 1995], который, начиная от трудов Ж. Ж. Руссо, Н. Макиавелли, Т. Гоббса, Р. Дарендорфа и заканчивая современным социолого-политологическим дискурсом, прослеживает эволюцию метафоры механизма и театра как способов осмысления общества и политики. По мнению исследователя, эти две метафоры претерпевают своеобразное сращение,

свидетельством «объективной составляющей» этих исследований, обусловленной сущностными закономерностями функционирования политической метафоры. Вместе с тем каждая из методологических граней политической метафорологии позволяет увидеть предмет анализа в несколько ином свете и приблизить исследователей к решению вопросов о сложном взаимодействии сознания, языка и культуры.

2.2. МЕТОДИКА ОТБОРА МАТЕРИАЛА ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ

Появление все новых и новых публикаций по проблемам концептуальной метафоры в ее применении к изучению политического дискурса, обращение исследователей ко все новым и новым дискурсивным источникам метафор, активизация использования метафор в политической коммуникации – все это требует всестороннего осмысления теории и методики изучения концептуальных метафор. В частности, важно рассмотреть вопрос о том, КАК и по КАКИМ ИСТОЧНИКАМ современные ученые собирают метафоры для изучения, КАКОЙ ОБЪЕМ материала позволяет им сделать соответствующие выводы, КАКИЕ МЕТОДЫ И ПРИЕМЫ исследования политической метафоры наиболее активно используются в диссертационных исследованиях, выполненных как в начале XXI века, так и на более ранних этапах изучения политической метафоры.

Максимально достоверные результаты могут быть получены при использовании корпусной методологии. В соответствии с современными представлениями, лингвистическим (текстовым) корпусом называется совокупность текстов, которые прошли необходимую компьютерную обработку: размечены по определенной схеме и обеспечены поисковой системой, позволяющей легко выявлять те или иные лингвистические феномены [Баранов 2001; Национальный корпус русского языка 2005; Плунгян 2005; Будаев 2010; Нахимова 2011; Corpus Linguistics 2005 и др.]. Соответственно корпус метафор понимается как определенным образом отобранная группа метафор, извлеченная по определенным правилам из разнообразных источников и сведенная воедино для того, чтобы лингвисты могли их изучать, выявляя объективно существующие закономерности (в том числе количественные).

Как справедливо отмечает В. А. Плунгян, «в своей исследовательской работе лингвисты зависят прежде всего от количества и качества собранного материала. У многих еще свежи в памяти те времена, когда примеры выписывались из текста и заносились на карточки. Сейчас карточки ушли в прошлое»

[Плунгян 2005: 7]. Справедливости ради надо отметить, что времена «когда примеры выписывались на карточки» не просто все еще «свежи в памяти», но даже не до конца и уж во всяком случае не у всех исследователей «ушли в прошлое». Поэтому в данном обзоре ведущим признаком корпусного подхода считается не сам по себе факт использования или неиспользования компьютерной техники, а изучение относительно объемного корпуса метафор, на основании которого можно делать обоснованные выводы, в том числе и статистические.

Целесообразность использования корпусной или некорпусной методики в значительной степени определяется задачами исследования. При некорпусном подходе на первый план выходит изучение общих закономерностей того или иного явления или даже сам факт обнаружения данного явления (например, метафор с определенной сферой-источником или прагматическим потенциалом).

Ярким примером некорпусного подхода в метафорологии является знаменитая монография Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем», авторы которой прямо заявляют об отсутствии строго определенной выборки и даже о том, что многие примеры были заимствованы ими у других специалистов или просто сконструированы [Дж. Лакофф, М. Джонсон 2004: 16]. Главным для авторов данного исследования является не фиксация той или иной фразы в определенных документированных источниках, а только сам факт возможности существования этой фразы, ее соответствие общим законам английского языка. В еще меньшей степени Дж. Лакофф и М. Джонсон обращают внимание на частотность и другие количественные показатели рассматриваемых ими метафорических моделей. На первых этапах развития едва ли не любой лингвистической теории намечаются лишь перспективы исследования, выявляются только самые общие закономерности, а подобные исследования едва ли могут быть корпусными.

При корпусном подходе читатель должен иметь отчетливое представление о качественных и количественных характеристиках рассматриваемого корпуса и методике его создания. Такой подход особенно важен на этапе углубления и детализации той или иной теории, поскольку после выявления наиболее

общих закономерностей и перспектив исследования актуальным становится скрупулезное описание конкретных метафорических моделей с точным определением их количественных параметров.

Подробный анализ разнонаправленной эволюции корпусной лингвистики во второй половине XX – начале XXI века представлен в ряде специальных работ [Баранов 2001; Национальный корпус русского языка 2005; Charteris-Black 2004; Corpus Linguistics 2005; Dipper 2008; Heid 2008; Leech 1991; Rissanen 2008 и др.].

Как показано в обзоре Е. А. Нахимовой [2013], при исследовании языка массовой коммуникации учитываются следующие виды корпусов:

- специализированные корпуса, в которых представлены только тексты, принадлежащие к определенному стилю, сфере коммуникации, автору (группе авторов), дискурсу, и сбалансированные корпуса, где представлены источники, относящиеся к различным функциональным стилям, жанрам, дискурсам, которые используются для получения выводов о языке в целом;

- полнотекстовые, включающие полные тексты, и неполнотекстовые (отрывочные) корпуса, включающие только определенное количество слов из текста и тем самым обеспечивающие количественное равенство долей из разных текстов;

- открытые (пополняемые) корпуса и закрытые (неполняемые) корпуса;

- представительские (специально созданные для исследования) и оппортунистические (созданные для иных исследований, но приспособленные для данного исследования); например, для корпусных исследований нередко используют интернет-архивы СМИ).

Использование корпуса позволяет, с одной стороны, привлечь для исследования максимально объемный материал, а с другой – статистически точно описать особенности тех или иных феноменов в составе корпуса, отчетливо разделить типичное и единичное, малочастотное и, возможно, случайное.

В наиболее полном виде корпусная методология при исследовании политических метафор была использована в докторской диссертации и монографиях Э. В. Будаева [Будаев 2008, 2011, 2012]. Названное исследование по существу един-

ственное, в котором использован колоссальный по своему объему корпус и в котором методология корпусной лингвистики представлена в максимально полном виде. Как отмечает сам исследователь, источником конкретных данных для его работы «послужили два корпуса данных (“Корпус А” и “Корпус Б”). В качестве материала для синхронического исследования использовался “Корпус А”, состоящий из текстов как печатных, так и электронных британских и российских СМИ (2000–2007 года), содержащих метафорические словоупотребления, актуализированные для осмысления постсоветской действительности России, Грузии и стран Балтии. Всего было рассмотрено 6600 метафорических словоупотреблений (одинаковое количество в российских и британских источниках). Материалом для диахронического исследования послужил “Корпус Б”, включающий в себя тексты из 228 федеральных и региональных российских периодических изданий за 8 лет (2000–2007 года) общим числом 67 200 текстов» [Будаев 2010: 7]. Позднее этот корпус был использован в монографии и докторской диссертации Е. А. Нахимовой, которая рассматривала прецедентные имена собственные, многие варианты использования которых сближаются с метафорами [Нахимова 2011а, 2011в]. Материалы всех других отечественных исследований во много раз скромнее.

Если ориентироваться именно на компьютерную методику создания и обработки корпуса, то следует согласиться с тем, что корпусная лингвистика как научное направление родилась в шестидесятых годах прошлого века под воздействием развития информационно-компьютерных технологий. Однако сама по себе идея создания больших корпусов текстов, на основе которых можно проводить лингвистические исследования, возникла значительно раньше. По существу, одним из видов таких корпусов могут считаться словарные картотеки, на основе которых создаются толковые и иные словари.

В последние годы специалисты все больше осознают, что важны не столько максимально объемный состав корпуса метафор, сколько точные критерии выделения данного корпуса на основе правильно выбранного источника. Вместе с тем по-прежнему актуальным остается и вопрос о том, какое именно

количество метафор должно быть в корпусе, на основе которого можно достаточно точно судить о специфике использования метафор в том или ином дискурсе. Поэтому несомненный интерес представляет своего рода обобщение принципов и методов создания корпусов, используемых в исследованиях политической метафористики.

Представляется, что создание корпуса важно не только в качестве «метода, подчеркивающего значимость реальных фактов языка, но и в качестве теории, позволяющей по-новому взглянуть на природу ранее сформулированных положений» [Н. Б. Гвишиани, О. Ю. Герви 2001: 49]. Вместе с тем предъявление корпуса (особенно достаточно объемного) – это важный показатель достоверности проведенного исследования. Сам объем корпуса позволяет избежать скоропалительных суждений, основанных на преувеличении роли явлений, малохарактерных для политической коммуникации. Положения и выводы, основанные на изучении большого фактического материала, воспринимаются как вполне объективные.

Опыт показывает, что в отечественной политической лингвистике корпусные параметры наиболее последовательно предъявляются в диссертационных исследованиях. В настоящем обзоре представлены материалы, отражающие корпуса 40 диссертаций по политической метафористике, написанных после 2000 года. Около половины этих исследований проведены в Екатеринбурге, остальные в Москве, Санкт-Петербурге, Барнауле, Омске, Иркутске, Твери, Тюмени и Челябинске. Отметим, что авторы только двух из указанных диссертаций эксплицитно заявляют о корпусной методологии своего исследования [Будаев 2011; Санцевич 2004], и лишь немногие авторы [Красильникова 2005; Стрельников 2005; Перескокова 2006] последовательно используют компьютерные технологии сбора и изучения политических метафор. Отметим, однако, что в последние годы количество исследователей, последовательно ориентированных на компьютерные технологии, заметно повышается [Каган 2012; Мохова 2011; Белов 2011; Никифорова 2010 и др.].

В отечественной политической лингвистике при характеристике арсенала (корпуса) метафор, как правило, дается характеристика его следующих параметров.

1. Источники отбора материала. Во всех 40 диссертациях среди источников указана пресса, причем в 22 диссертациях это единственный источник. Среди других источников указываются Интернет (18 диссертаций), телевидение (4 диссертации), радио (2 диссертации), публикации сборников официальных документов, в том числе выступлений в парламенте (4 диссертации). Во многих случаях дается перечень конкретных источников (например, названия конкретных газет или телеканалов и даже использованных статей или телепередач).

2. Период времени, к которому относится выборка. Обычно указываются начальный и конечный годы выборки. Темпоральные границы выборки нередко обозначаются конкретными политическими событиями, к которым относятся материалы выборки. Например, в диссертациях, посвященных анализу метафор одной избирательной кампании, выборка обычно ограничена одним годом [Каслова 2003; Стрельников 2005 и др.]. Очень часто диссертации охватывают период в два – четыре года [Ряпосова 2002; Федосеев 2004; Солопова 2006; Шехтман 2006; Коптякова 2009; Белов 2011 и др.]. Пятилетний срок охвачен в шести диссертациях [Красильникова 2005; Феденева 1998; Чудакова 2005 и др.], а шести-семилетний – в восьми [Будаев 2006; Вершинина 2002; Колотнина 2002; Соколовская 2002; Телешева 2006; Шаова 2005 и др.]. Темпоральный отрезок от 11 до 15 лет охватывают диссертации, ориентированные на какой-то значительный этап в жизни государства [Санцевич 2004; Керимов 2005; Перескокова 2006 и др.]. Представляется, что такие диссертации также относятся к числу исследований, ориентированных на конкретный синхронный срез, авторы которых не ставят задачу изучить историческую динамику соответствующих процессов. К этому же типу можно отнести докторское исследование М. Р. Желтухиной, автор которого пишет, что выборка относится к концу XX – началу XXI века [Желтухина 2004]. Итак – абсолютное большинство диссертаций по проблемам политической метафорологии отражают относительно небольшие темпоральные отрезки (от 1 до 12 лет), что в среднем составляет примерно 5 лет.

Значительно больше темпоральные границы материала, охватывающего весь XX век [Ерилова 2003], и даже XIX и XX

века [Никонова 2004]. Такие исследования представляют материал для очень серьезных выводов по исторической динамике метафорических моделей. Методика исследования исторической динамики метафор будет детально рассмотрена в следующей главе.

3. Понятийная или семантическая сфера – источник метафорической экспансии. В диссертациях есть указания на следующие сферы: «Животные, растения и человек» [Вершинина 2002], «Артефакты» [Керимов 2005], «Техника» [Никонова 2004], «Спорт и театр» [Шехтман 2006], «Неживая природа» [Чудакова 2005], «Война», «Криминал», «Животные» [Ряпосова 2002], «Болезнь» [Телешева 2006], «Музыка» [Камышева 2009], «Неживая природа» [Ольховикова 2009]. В других диссертациях нет сведений о конкретных смысловых сферах-источниках рассматриваемых метафор, а ограничение корпуса проводится по другим параметрам (сферы-мишени, дискурс, авторство и др.). По нашим подсчетам, на систематизацию метафор по сфере-источнику метафорической экспансии ориентировано примерно треть рассмотренных диссертаций.

4. Понятийная или семантическая сфера-мишень метафорической экспансии. В рассмотренных диссертациях есть указания на следующее сферы-мишени: экономика [Колотнина 2001], СМИ, [Перескокова 2006], кандидаты в президенты [Стрельников 2005; Мохова 2011], прошлое, настоящее и будущее [Солопова 2006] олигархи, СМИ, политики и политические партии [Красильникова 2005], Россия [Керимов 2005; Шаова 2005], внешняя политика [Белов 2011], атомная энергетика [Никифорова 2010], проблемы экологии [Красильникова 2005]. Во многих других диссертациях сфера-мишень не ограничивается или указывается максимально широко (политический дискурс). Итак, большинство (более 60 %) рассмотренных диссертаций ориентировано на систематизацию метафор по сфере мишени метафорической экспансии.

5. Сплошной или целенаправленный характер выборки. В первом случае учитываются все представленные в соответствующих текстах метафоры, а во втором – используются те или иные ограничения при отборе метафор. Например, из выборки исключаются «стертые» или максимально частотные метафоры.

Достоинство сплошной выборки – точность статистики, однако при таком подходе приходится рассматривать слишком много однообразных примеров. Главное преимущество второго подхода – возможность поиска и специального анализа наиболее ярких метафор. В большинстве проанализированных нами диссертаций нет точных указаний на сплошной или целенаправленный характер выборки.

6. Тип дискурса и авторство текстов. Может анализироваться собственно политический дискурс, медиаполитический дискурс и политический дискурс в его широком понимании. В первом случае учитываются только тексты, созданные политиками, во втором – анализируются только тексты, опубликованные в СМИ (они созданы преимущественно журналистами), а в третьем – тексты, относящиеся как к медиаполитическому, так и к собственно политическому дискурсу. Так к собственно политическому дискурсу относятся уже упомянутые исследования С. Л. Ериловой, Р. Д. Керимова, Т. Б. Соколовской, А. С. Белова, соответственно, только медиадискурс отражен в диссертациях А. А. Касловой, Е. В. Колотниной, О. А. Ольховиковой, А. Ю. Перескоковой, А. Б. Ряпосовой, Н. А. Санцевич, А. А. Стрельникова, И. В. Телешевой, А. А. Федосеева, Ю. Б. Феденевой, Н. М. Чудаковой, О. А. Шаовой и др.

7. Материалы других диссертаций относятся к политическому дискурсу в его широком понимании. В некоторых случаях при отборе материала учитывается также речевой жанр текста (например, Т. Б. Соколовская изучала только метафоры, использованные в интервью, С. Л. Ерилова рассматривала только метафоры в устных публичных выступлениях). В ряде диссертаций за основу для отбора и дифференциации взяты политические взгляды автора (например, в диссертации Т. С. Вершиной автономно изучается метафорический дискурс правых и левых политических лидеров). В диссертации Е. К. Моховой рассмотрены только тексты, созданные президентами США, Франции и Венесуэлы, дискурс политических лидеров привлекает внимание и многих других отечественных и зарубежных исследователей.

8. Событийно-дискурсивный фокус. В этом случае объем выборки тематически ограничивается текстами, которые по-

священы определенным политическим, экономическим или иным событиям и проблемам. В диссертации Ю. Б. Феденевой это крупнейшие политические события в России конца прошлого века (путч, референдум и выборы президента), несколько диссертаций посвящено метафорам в предвыборной агитации (А. А. Каслова, А. Б. Ряпосова, А. М. Стрельников, А. А. Федосеев). В словарях, созданных А. Н. Барановым и Ю. Н. Карауловым, отражен дискурс перестройки [Баранов 1991; Караулов 1994]. В нашей монографии представлен дискурс «ельцинского десятилетия» [Чудинов 2001]. Другие авторы изучают метафоры, связанные с экономическим кризисом и иными экономическими процессами [Колотнина 2002; Салатова 2013]. Диссертация О. А. Солоповой посвящена метафорическому представлению прошлого, настоящего и будущего.

9. Методы исследования корпуса. В 34 диссертациях говорится о когнитивном методе изучения политических метафор и, соответственно, даются ссылки на труды Дж. Лакоффа и М. Джонсона. В некоторых диссертациях сообщается об использовании традиционных методик и лингвоантропологического метода (М. Н. Никонова), еще в двух диссертациях сообщается об использовании комплекса методов: герменевтического, семантико-стилистического, интерпретационного (С. Л. Ерилова), описательного и стилистического (Т. Б. Соколовская). Показательно, что это соотношение значительно отличается от зарубежной политической метафорологии, в которой максимально используются три метода – когнитивный, риторический и дискурсивный [Будаев, Чудинов 2006: 48 и след.]. В первом случае первостепенное внимание авторов направлено на метафору как когнитивный феномен национального, социумного или группового сознания, во втором – внимание авторов сосредоточено на собственно лингвистических аспектах, а в третьем – на том воздействии, которое метафора оказывает на адресата.

10. Количественные характеристики корпуса. Объем корпуса может быть обозначен в виде указаний на количество рассмотренных страниц (32579 страниц в диссертации М. Р. Желтухиной), на количество проанализированных текстов (Т. С. Вершинина – 348, А. А. Каслова – 950, Р. Д. Керимов – 800, Н. А. Красильникова – 200, А. Б. Ряпосова – 1000,

Т. Б. Соколовская – 141, О. А. Солопова – 847, А. М. Стрельников – 827, Н. М. Чудакова – 1000, О. А. Шаова – 1743, Н. Г. Шехтман – 820), а также на количество исследованных метафор (С. Л. Ерилова – 3110, А. А. Каслова – 4120, Е. В. Колотнина – более 2000, Н. А. Красильникова – 1500, М. Н. Никонова – 5000, А. М. Стрельников – 3042, Н. М. Чудакова – 2300). Итак, авторы диссертации исследуют в среднем около трех тысяч метафор и/или 780 текстов. Такой объем материала позволяет сделать достаточно объективные выводы.

11. Национальный дискурс. Исключительно российский дискурс был исследован в диссертациях Л. Е. Весниной, Т. С. Вершиной, М. Н. Никоновой, А. Б. Ряпосовой, Т. Б. Соколовской, А. А. Федосеева, Ю. Б. Феденевой и Н. М. Чудаковой. Немецкий политический дискурс был рассмотрен в диссертации Р. Д. Керимова, французский – в диссертации О. А. Шаовой. Сопоставительные исследования представлены в диссертациях С. Д. Ериловой (Россия, США, Франция), М. Р. Желтухиной (Россия и Германия), А. А. Касловой (Россия и США), Е. В. Колотниной (Россия и Англия), Н. А. Красильниковой (Россия, США и Англия), А. Ю. Перескоковой (США и Россия), Н. А. Санцевич (Германия и Россия), А. А. Солоповой (Россия и Великобритания), А. М. Стрельникова (Россия и США), И. В. Телешевой (Россия, США и Великобритания), Н. Г. Шехтман (Россия и США), Л. К. Никифоровой (Россия, Германия и Франция), Е. К. Моховой (США, Франция и Венесуэла). В целом можно заметить, что в рассмотренном корпусе заметно преобладают сопоставительные исследования.

12. Соотношение критического и дискриптивного анализа. В данном случае критический анализ – это не просто описание метафор, но и их оценка с точки зрения нормативности, прагматического потенциала, возможности служить средством манипуляции. Вообще-то такая методика более характерна для зарубежной лингвистики. Ярким примером в этом могут служить работы Ван Дейка, Рут Водак, Джорджа Лакоффа. Так, Дж. Лакофф детально рассмотрел, как американские политики при помощи метафор смогли внушить своему народу, что война

с Ираком – это необходимость. В России подобные публикации встречаются крайне редко, для нашей традиции более характерен дискурсивный подход. В этом случае считается, что задача лингвиста – это беспристрастное описание метафор, а поэтому он не должен давать им политическую или какую-то иную оценку.

Сопоставление принципов и методик отбора материалов позволяет обнаружить интересные закономерности, характерные для диссертационных исследований политических метафор в отечественной лингвистике.

1. Изучение политической метафоры в последние годы стало одним из активно развивающихся направлений политической лингвистики.

2. Современные диссертационные исследования политической метафоры, как правило, имеют корпусный характер.

3. Источником для отбора материала для исследования чаще всего является пресса, несколько реже используются материалы Интернета, радио, телевидения, официальные публикации политических текстов (стенограммы, программы партий и др.).

4. В среднем автор диссертации анализирует около 3 тысяч метафор, но приходилось встречать диссертации, где рассмотрено от 1200 до 5000 метафор. Отмечу также, что среднее количество рассмотренных текстов – 780.

5. В большинстве современных исследований когнитивной метафоры используется когнитивная методика, несколько реже используется семантико-стилистическое описание.

6. В диссертациях чаще всего рассматривается современный дискурс, средний временной отрезок – около 5 лет.

7. Примерно половина защищенных диссертаций посвящена изучению одного национального дискурса, тогда как в других диссертациях проводится сопоставление двух, реже трех национальных дискурсов.

Вместе с тем следует специально подчеркнуть, что авторы диссертаций ставили перед собой различные задачи, а поэтому представленные в настоящем обзоре данные сами по себе ни в коей мере не могут служить основанием для положительной или отрицательной оценки достоверности исследова-

ния. Само по себе количество не играет решающей роли, поскольку главное – это качественный анализ, обеспечивающий достоверность исследования. Вместе с тем в данном случае уместно вспомнить знаменитые строки Александра Трифоновича Твардовского: «Речь ни о том... Но все же, все же, все же...». Представляется, что уже в ближайшие годы корпусная методология займет ведущее место в исследованиях по политической метафорологии, что позволит во много раз увеличить количество рассмотренных метафор, а вместе с тем и объективность полученных результатов.

2.3. ПРИНЦИПЫ УРАЛЬСКОЙ ШКОЛЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРОЛОГИИ

В последние десятилетия стремительно растет количество публикаций, посвященных политической метафоре, которая еще недавно воспринималась как одно из многих средств «украшения» ораторской речи, а сейчас рассматривается как ведущий способ мышления и инструмент аргументации, обладающий сильным прагматическим эффектом. Исследование метафорического арсенала позволяет выявить подсознательные установки и стремления политического лидера, является ярким показателем особенностей национального самосознания и уровня политического развития общества. Показательно, что учение о метафоре в последние десятилетия оказалось в центре интересов таких различных наук, как психология, философия, логика, теория коммуникации, культурология, когнитивистика и этнология.

Политическая метафорология как теория и практика исследования метафор в политической коммуникации возникла в процессе взаимодействия двух ведущих направлений современного языкознания – метафорологии и политической лингвистики. Сближение этих направлений обусловлено как бурным развитием исследований, посвященных политической коммуникации, так и переосмыслением самого понятия метафоры, новым пониманием ее роли в организации ментальных процессов и языковой картины социальных отношений. В современной науке формируется представление о политической метафоре как об инструменте для осознания, моделирования и оценки политических процессов, как средстве воздействия на социальное сознание.

Метафоры, используемые при обсуждении политической жизни общества, все чаще привлекают внимание специалистов, которые стремятся выяснить, как и почему рождаются эти метафоры, в какой мере они отражают социальную психологию, политические процессы и личностные качества их участников. Использование метафор нередко оказывается для политического лидера удачным способом «выразить многое, сказав немного», тонко влиять на настроения в обществе, представлять обществу новые идеи и одновременно вызывать интерес к своим выраже-

ниям. Изучение метафорического репертуара того или иного политика помогает лучше понять подсознательные механизмы его деятельности и подлинное отношение к той или иной проблеме. Активизация метафор в социальной коммуникации может служить признаком приближающихся общественных потрясений и одновременно свидетельствовать о направлениях движения политического сознания.

Появление все новых и новых модификаций теории метафоры в ее применении к изучению политического дискурса, обращение исследователей ко все новым и новым дискурсивным источникам метафор, активизация использования метафор в политической коммуникации – все это требует всестороннего осмысления истории и современного состояния названного научного направления, закономерностей эволюции и взаимодействия с другими научными школами, а также перспектив исследования политической метафоры.

История науки позволяет обнаружить два основных направления в изучении теории политической метафоры – когнитивное и риторическое (лексико-стилистическое).

Риторическое направление в американской политической лингвистике получило широкое признание в середине прошлого века. Основные идеи, методы и эвристики данного направления проанализированы в специальном обзоре [Будаев, Чудинов 2008].

Становление когнитивного подхода к политической метафорологии связано с разработкой Дж. Лакоффом и М. Джонсоном теории концептуальной метафоры [Lakoff, Johnson 1980]. Согласно этой теории, в основе метафоризации лежит процесс взаимодействия между структурами знаний двух концептуальных доменов – сферы-источника и сферы-мишени. В результате однонаправленной метафорической проекции из сферы-источника в сферу-мишень элементы сферы-источника структурируют концептуальную сферу-мишень. Базовым источником знаний, составляющих концептуальные домены, является опыт непосредственного взаимодействия человека с окружающим миром, причем диахронически первичным является физический опыт, организующий категоризацию действительности в виде простых когнитивных структур – «схем образов». Метафо-

рическая проекция осуществляется не только между отдельными элементами двух структур знаний, но и между целыми структурами концептуальных доменов. Предположение о том, что при метафорической проекции в сфере-мишени частично сохраняется структура сферы-источника, получило название гипотезы инвариантности [Lakoff 1990; Turner 1990]. Благодаря этому свойству становятся возможными метафорические следствия, которые в метафорическом выражении эксплицитно не выражены, но выводятся на основе фреймового знания. Таким образом, когнитивная топология сферы-источника в некоторой степени определяет способ осмысления сферы-мишени и может служить основой для принятия решений и действия.

Важным этапом в истории когнитивной политической метафорологии стало появление знаменитой интернет-публикации Дж. Лакоффа «Metaphor and War. The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf» [1991], в которой автор не только с необычной для филолога страстностью разоблачал способы метафорического оправдания готовящейся войны Соединенных Штатов и их союзников против Ирака, но и в полной мере продемонстрировал свою методологию изучения концептуальной политической метафоры, одним из этапов которой является сопоставление метафорического представления одного и того же феномена в политических дискурсах разных народов. Представляется, что именно эта публикация стала тем рубежом, с которого начинается именно современный этап в изучении политической метафорики.

В конце прошлого столетия рассматриваемая теория и соответствующая ей практика исследования концептуальных политических метафор получает широкое признание. В самых разных странах мира были созданы тысячи публикаций, авторы которых обосновывают свой подход ссылками на теорию Дж. Лакоффа. Когнитивная парадигма заняла доминирующие позиции в современной зарубежной политической метафорологии, что проявляется не только в преобладании когнитивных исследований. Во многих современных публикациях, относящихся к традиционному, риторическому направлению, исследователи не используют терминологию когнитивной науки, но, разрабатывая прагматические аспекты политической метафорики, рас-

сма­три­ва­ют мета­фо­ру и как зна­чи­мый ин­стру­мент ре­че­во­го воз­дей­ствия, и как фе­но­мен, от­ра­жа­ю­щий важ­ные ха­рак­те­ри­сти­ки об­щес­твен­но­го соз­на­ния. Ина­че го­во­ря, в по­след­ние го­ды ис­сле­до­ва­те­ли по­ли­ти­че­ской мета­фо­ры, не дек­ла­ри­ру­ю­щие свои сим­па­тии к ко­гни­тивиз­му, все ча­ще об­ра­ща­ют­ся к ана­ли­зу мета­фо­ры как ко­гни­тив­но­го фе­но­ме­на, ис­поль­зуют ме­то­ди­ку и эври­сти­ки ко­гни­тив­ной те­о­рии мета­фо­ры. Де­таль­ное опи­са­ние ве­ду­щих на­прав­ле­ний за­ру­бе­ж­ной по­ли­ти­че­ской мета­фо­ро­ло­гии пред­став­ле­но в мо­но­гра­фии «За­ру­бе­ж­ная по­ли­ти­че­ская мета­фо­ро­ло­гия» [Бу­да­ев, Чу­ди­нов 2008].

Ос­нов­ные эта­пы и на­прав­ле­ния ста­нов­ле­ния и раз­ви­тия рос­сий­ской по­ли­ти­че­ской лин­г­ви­сти­ки в це­лом и по­ли­ти­че­ской мета­фо­ро­ло­гии как ее важ­но­го раз­де­ла бы­ли вы­де­ле­ны на­ми в учеб­ни­ке «По­ли­ти­че­ская лин­г­ви­сти­ка» [Чу­ди­нов 2013, чет­вер­тое из­да­ние]. В Со­вет­ском Со­ю­зе мета­фо­ра и дру­гие об­раз­ные сред­ства рас­сма­три­ва­лись пре­иму­щес­твен­но в ра­мках пуб­ли­ка­ций по те­о­рии и прак­ти­ке оратор­ско­го ис­кус­ства, при ос­веще­нии дея­тель­но­сти средств мас­со­вой ин­фор­ма­ции, в ис­сле­до­ва­ниях по во­про­сам агита­ции и про­па­ган­ды. Особое вни­ма­ние в этих пуб­ли­ка­циях уде­ля­лось ха­рак­те­ри­сти­ке ком­му­ни­ка­тив­но­го ма­стер­ства ком­му­ни­сти­че­ских ли­де­ров.

Ко­гни­тив­ное ис­сле­до­ва­ние рос­сий­ских по­ли­ти­че­ских мета­фор на­ча­то А. Н. Ба­ра­новым и Ю. Н. Ка­рау­ло­вым при соз­да­нии сло­варей рус­ских по­ли­ти­че­ских мета­фор [Ба­ра­нов, Ка­рау­лов 1991, 1994]. В ос­но­ве этих сло­варей ле­жит дес­крип­тор­ная те­о­рия мета­фо­ры, в ра­мках ко­то­рой про­цесс мета­фо­ри­за­ции опи­сы­ва­ется как функ­ция ото­бра­же­ния эле­мен­тов об­ла­сти-ис­точ­ни­ка в эле­мен­ты об­ла­сти це­ли.

К на­сто­я­ще­му вре­ме­ни по­ли­ти­че­ская мета­фо­ро­ло­гия ак­тив­но изу­ча­ется и пред­ставите­лями дру­гих отечес­твен­ных на­уч­ных школ, среди ко­то­рых вы­де­ля­ют­ся вол­го­град­ская, пе­тер­бург­ская, си­бир­ская, во­рон­еж­ская. Для каж­дой из них ха­рак­тер­ны спе­ци­фиче­ские чер­ты. Так, ис­сле­до­ва­ния вол­го­град­ских уче­ных (В. И. Ка­расик, Е. И. Шей­гал, Г. Г. Слыш­кин и др.) обыч­но свя­за­ны с лин­г­во­куль­ту­ро­ло­гиче­ским на­прав­ле­нием в лин­г­ви­сти­ке, для уче­ных из Санкт-Пе­тер­бур­га (Т. Г. Скре­бцо­ва и др.) ха­рак­тер­но стрем­ле­ние точно сле­до­вать ус­та­нов­кам клас­сиче­ской аме­ри­кан­ской ко­гни­тив­ной лин­г­ви­сти­ки, ори­ги­наль­

ные направления политической метафорологии развиваются в Воронеже, Томске, Кемерово и Иркутске.

Уральская школа политической метафорологии основана на теории метафорического моделирования, которая детально охарактеризована в монографии «Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000)» [Чудинов 2001]. В соответствии с этой теорией метафорическая модель понимается как существующая и/или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между понятийными сферами, которую можно представить определенной формулой: «X – это Y». Например, ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ – это ВОЙНА; ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ – это ПУТЕШЕСТВИЕ; ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ – это ДЕНЬГИ. Отношение между компонентами формулы понимается не как прямое отождествление, а как подобие: «X подобен Y», ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ подобна ВОЙНЕ. В соответствии с названной формулой система фреймов (слотов, концептов) одной ментальной сферы (сферы-источника) служит основой для моделирования ментальной системы другой сферы (сферы-магнита). При таком моделировании в сфере-магните обычно сохраняется не только структура исходной области, но и эмотивный потенциал, характерный для концептов сферы-источника, что создает широкие возможности воздействия на эмоционально-волевою сферу адресата в процессе коммуникативной деятельности.

Опыт изучения политической метафоры, накопленный уральской школой политической метафорологии, позволил сформулировать следующие принципы исследования.

1. Примат когнитивного подхода, преодоление ограничений, связанных со структурным, исключительно лингвистическим подходом к исследуемому материалу:

- в едином континууме анализируются не только собственно лексические единицы, но и фразеологизмы (и их компоненты), а также другие воспроизводимые единицы;

- в едином континууме анализируются не только собственно метафоры, но и другие тропы (метафорический эпитет, метонимия, метаморфоза, сравнение, ирония, гипербола, литота и т. п.),

а также случаи образного использования имени собственного [см. Нахимова 2010; Нахимова 2012];

- в едином континууме анализируются элементы, относящиеся к различным частям речи, к различным уровням языка.

2. Примат дискурсивного подхода. При таком подходе, в отличие от исследователей, обращающихся преимущественно к материалам лексикографии, преобладает изучение метафор в дискурсе, в тесной взаимосвязи с условиями их возникновения и функционирования, с учетом авторских интенций и прагматических характеристик, на широком социально-политическом фоне.

3. Обращение к единому пространству языковых и речевых метафор. В отличие от специалистов, которые обращаются преимущественно к ярким, образным метафорам (И. М. Кобозева), для уральской школы характерен анализ единого континуума «живых» и «мертвых» метафор (в других терминах – метафор языковых и речевых, узуальных и окказиональных, стертых и художественных, генетических и образных). Вместе с тем в ряде случаев возможно ранжирование метафор, их индексация по степени образности (например, по методике Ш. де Ландшер).

4. Примат антропологического подхода:

- анализ в качестве сфер-источников и сфер-мишеней метафоризации не строгих логических категорий, а когнитивных пространств с учетом принципа семейного сходства и выделением категорий базового уровня, лучшего (типичного) образца, центра, ядра, ближней и дальней и периферии;

- анализ в качестве сфер-источников и сфер-мишеней метафоризации не научных классов и разрядов, а национальной когнитивной картины мира (например, в китайской картине мира помидор, ананасы и черешня – это фрукты, тогда как в представлении многих других народов фрукты – это только плоды фруктовых деревьев).

5. Предпочтение сопоставительным исследованиям, результатом чего стало многообразное сопоставление метафорических картин мира в различных государствах, которые обобщены в специальных обзорах [Чудинов 2003; Будаев, Чудинов 2008; Будаев 2012; Плотникова, Доценко 2012]. Вместе с тем подобное сопоставление в рамках нашей научной школы не рас-

смачивается как ведущее. Как справедливо отмечает Э. В. Будаев, «основные ракурсы дискурсивного сопоставления политических метафор объединяются в четыре группы:

– этнокультурное сопоставление, направленное на поиск универсального и культурно-специфического в политических метафорах разных этнокультурных сообществ;

– социально-дискурсивное сопоставление, включающее в себя идеологическое, идиолектное и гендерное сопоставление;

– диахроническое сопоставление, охватывающее вопросы исторического развития системы политических метафор;

– мультимодальное сопоставление, предметом которого являются семиотические закономерности функционирования невербальной метафорики и ее взаимосвязи с вербальным пластом политических образов» [Будаев 2010: 11–12]. Не менее важно и то, какими объектами сопоставительного когнитивного анализа в политической метафорологии являются три группы когнитивных структур:

1) сферы – источники метафорической экспансии;

2) сферы – мишени метафорической экспансии;

3) базисные когнитивные структуры [Там же: 11].

6. Экспланаторность. Стремление не просто описать факты, но дать им объяснение. Как подчеркивала Е. С. Кубрякова, новая теория, новые подходы не менее важны, чем новые факты. В этой связи следует вспомнить принцип дополнительности, который сформулировал датский физик Нильс Бор. Суть этого принципа состоит в следующем: если две теории противоречат друг другу, то это еще не означает, что одна из этих теорий является ложной. Каждая из этих теорий хороша на своем месте, для объяснения своей группы фактов.

7. Экспансионизм. Тенденция к расширению сферы лингвистических изысканий. Со времен Соссюра было принято отчетливо дифференцировать лингвистические и экстралингвистические факторы, разграничивать внутренний и внешний аспекты языка. При когнитивном подходе это противопоставление неактуально, что предопределяет повышенный интерес к этническим, социальным, возрастным и гендерным особенностям метафор. Показательны в этом отношении выполненные в Екатеринбурге диссертации, посвященные специфике метафориче-

ской картины мира в дискурсах сторонников феминизма, экологических движений, контркультурных движений и др.

8. Мультидисциплинарность. Постулат о когнитивном обязательстве (по Лакоффу). Этот постулат предполагает возможность (и требование) верификации (проверки) данных одной когнитивной науки при помощи методов и результатов другой когнитивной науки или хотя бы других направлений науки. Например, степень восприятия метафоры можно проверить с использованием данных нейролингвистики (нейрофизиологии). Человеческий мозг и – шире – человеческое тело определенным образом реагирует на метафору. Особенно на яркую, необычную, доставляющую эстетическое удовольствие. И эту особую реакцию можно зафиксировать при помощи специальных приборов. Очень перспективно и использование методов психолингвистики при изучении метафорических моделей и конкретных метафор. Использование различных методов для изучения одного и того же объекта способно принести новые результаты. Все это предполагает множественность методик когнитивного исследования, отказ от попытки выделить одну ПРАВИЛЬНУЮ или хотя бы ОПТИМАЛЬНУЮ методику исследования и описания.

9. Интуитивизм. Методологической основой традиционной западной лингвистики был рационализм, идущий от Гоббса, Вольтера, Декарта и Локка. Методологической основой советской лингвистики был марксистский рационализм, восходящий к Канту и Фейербаху. В эпоху постмодернизма методологией гуманитарных наук все больше становится интуитивизм.

Интуиция – это один из важных путей познания мира. Современная лингвистика возникла как некий бунт интуитивистов против рационалистов. Традиционная наука считала единственно научным рациональное мышление. Все остальные виды мышления объявлялись ненаучными или, по меньшей мере, вспомогательными по отношению к рациональному мышлению. Мы считаем, что интуиция, образное мышление – это отнюдь не суррогатные формы мышления, а важнейшие пути познания истины. Особенно это относится к мышлению в ситуациях недостаточной информации. Интуицию особенно часто используют там, где разум бессилён. Мы не можем точно знать, какие имен-

но процессы проходят в коре головного мозга. Мы можем только догадываться о них, создавать их модели.

Современная лингвистика провозглашает принципиальные различия между мышлением в гуманитарных и естественных науках. Пусть физики мыслят рационально и не верят интуиции. Возможно, это правильно для физики. Но не надо распространять их способы мышления на гуманитарные науки. Нельзя одни формы мышления признавать главными, а другие – второстепенными. Красивая теория не нуждается в иных доказательствах.

Об этом хорошо сказала Е. С. Кубрякова: пришло время отказаться от суммативных концепций и заменить их концепциями более творческого характера. Пришло время «обратиться к динамическим концепциям, отдающим дань самым сложным концепциям человеческого разума – воображению, интуиции, абстрактному мышлению и инференции» [Кубрякова 2002: 6].

10. Признание неразрывной связи языковой деятельности и когниции, человека и его языка. В советской лингвистике это называли «единство языка и мышление». Идея по существу не новая, об отношениях между языком и мышлением спорят уже сотни лет. Но очень важны следствия из этого постулата. Когнитивный подход к языку подразумевает анализ лингвистических фактов в их связи с организацией понятийной системы. Языковые структуры рассматриваются сквозь призму общих знаний человека о мире и в тесной зависимости от психологических, коммуникативных и культурных факторов.

11. Интерпретационная модель познания как основа лингвокогнитивных исследований. Мир таков, каким мы его ощущаем, и эти представления отражены в метафорах. Человек не только познает объективно существующий мир, но и сам его конструирует, в том числе с использованием самых разнообразных метафор. Назначение языка – это сортировка и обобщение информации, подведение ее под ту или иную категорию.

Наша научная школа продолжает развиваться, и мы надеемся на появление новых исследований, новых идей, новых методов и приемов изучения политического дискурса, важное место в котором занимает политическая метафора.

ГЛАВА 3. ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА ПОЛИТИЧЕСКИХ МЕТАФОР

Основная задача данной главы – рассмотрение исторических закономерностей развития метафорических моделей. В связи с этим сначала рассматривается история соответствующей научной проблемы, затем выявляются закономерности исторической динамики российских политических метафор, далее анализируются доминантные для того или иного дискурса метафорические модели и наконец формулируются общие закономерности развития метафорических систем.

3.1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА В ИСТОРИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ²

Специальные исследования показывают, что абсолютное большинство исследований политической метафоры выполняется на материале современного дискурса. Вместе с тем эпизодически появляются публикации, в которых рассматриваются метафоры, характерные для иных политических периодов. Так, в диссертации Л. А. Шадаевой [2004] детально проанализирован корпус текстов речей и высказываний А. Линкольна за период с 1832 по 1865 год. Автор выяснил, что картина мира А. Линкольна может быть представлена в ряде стереотипов, среди которых выделяются архитектурная метафора и метафоры Библии. Для знаменитого президента метафора служит важнейшим средством аргументации, она представляет собой языковой инструмент создания А. Линкольном ведущих речевых стратегий.

О. Н. Кондратьева [2003] обращается в своей статье к политическим метафорам, которые использовались почти пять столетий назад в переписке царя Ивана Грозного с князем Андреем Курбским. Это исследование показало, что еще в публицистике XVI века активно использовались зооморфные метафоры с ярко выраженным агрессивным прагматическим потенциа-

² Данный параграф подготовлен на основе соответствующего параграфа монографии «Метафора в политической коммуникации» [Будаев, Чудинов 2008].

лом. В диссертации А. А. Пшенкина рассмотрены закономерности метафорического представления образа СССР и России в американском политическом дискурсе со второй половины XX века до начала нового столетия, автор выделяет при этом два основных исторических периода – советский и постсоветский. Данное исследование ярко демонстрирует, что при создании образа если не друга, то хотя бы партнера используются совсем иные метафоры, чем образы, которыми использовались при характеристике «империи зла»: это касается не только репертуара моделей, но и конкретных фреймов, слотов и концептов. Вместе с тем автор показывает, что многие способы метафорического представления остаются стабильными, и стереотипы в американском политическом дискурсе изменяются крайне медленно [Пшенкин 2006]. Различия нередко касаются даже не самих метафор, а их прагматического потенциала. Так, метафоры со сферой-источником «бизнес» обычно несут позитивную эмоциональную окраску, для американцев относиться к политике как к бизнесу – это значит относиться к ней максимально серьезно. В России образы «торгашей и спекулянтов» обычно призваны возбудить негативные эмоции, русские предпочитают говорить о принципах, о высокой морали и справедливости [Пшенкин 2006; Чудинов 2003].

В статье З. Ковечеса [Kövecses 1994] проанализированы метафоры в книге французского политолога Алексиса де Токвиля «Демократия в Америке» (1835). Традиционно считалось, что А. де Токвиль положительно относился к американской демократии. Вместе с тем З. Ковечес отмечает, что, несмотря на внешне позитивную оценку, политолог многое не одобрял, о чем свидетельствует доминантная метафора А. де Токвиля – АМЕРИКАНСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ – это СТРАСТНЫЙ ЧЕЛОВЕК.

Ряд исследований посвящен изучению политической метафорики середины XX века в Латинской Америке. Так, в исследовании Д. Софера рассмотрены метафоры в корпусе писем колумбийцев своему президенту за период 1944–1958 годов [Sofer 2003], а в статье Д. Берхо проанализирована аргентинская политическая метафорика 1936–1952 годов [Berho 2000].

На фоне публикаций по метафорическому представлению современной иммиграции в США выделяется статья Дж. О'Брайена [O'Brien 2003]. Исследователь проанализировал метафоры в дебатах начала XX века, посвященных вопросу об ограничении иммиграции в США. Как оказалось, еще в начале XX века для концептуализации иммиграции использовались образы природных стихий, войны, животных, трудноперевариваемой пищи – образы, которые фиксируют современные американские исследователи той же сферы-мишени в современной политической коммуникации [Hardy 2003; Refaie 2001; Santa Ana 1999, 2002; Valk 2001].

Такой ракурс рассмотрения позволяет получить ответы на вопросы о динамике метафорических систем и проследить, как эволюционирует система политических метафор в связи с изменением политической ситуации. В наиболее общем виде исследователь политической метафорики в исторической перспективе может столкнуться с двумя взаимодополняющими свойствами системы политических метафор: *архетипичностью* и *вариативностью*.

Первое свойство выражается в том, что система политических метафор имеет устойчивое ядро, не меняется со временем и воспроизводится в политической коммуникации на протяжении многих веков. Статичность политической метафорики послужила основой для первых опытов по теории политических метафор в XX веке, но нередко это свойство абсолютизировалось в духе культурно-временного универсализма. Согласно такой точке зрения, и в Древней Греции, и в средневековой Европе, и в любой стране современного мира политические метафоры остаются неизменными, отражают устойчивые детерминанты человеческого сознания или архетипы коллективного бессознательно. Применительно к политическим метафорам эта точка зрения была последовательно сформулирована М. Осборном и его единомышленниками в теории архетипичных метафор [Osborn 1967a; Osborn 1967b; Osborn, Ehninger 1962].

Действительно, многие метафоры фиксируются исследователями в разных культурах и в разные времена. К примеру, метафоры болезней на протяжении долгого времени используются в разных обществах для представления Чужого, угрожающего

здоровью общественного организма. Так, Дж. Харрис [Harris 1998] показал, что в эпоху королевы Елизаветы и короля Якова I были очень распространены метафоры болезни Англии, а причины этих болезней общество усматривало в «чужеродных телах»: евреях, ведьмах, католиках. Подобные метафоры обнаруживаются и сто лет спустя в риторике Адольфа Гитлера [Perry 1983; Rash 2005], и в современном политическом дискурсе, в котором морбиальные метафоры – значимое средство осмысления действительности и дискредитации политических оппонентов во многих странах [Каслова 2002; Муране 2002; Санцевич 2003; Феденева 1998; Чудинов 2001; Шмелева 2001; Adamson et al 1998; Luoma-aho 2002 и др.]. Конечно, сфера-мишень для морбиальных метафор варьируется в различные эпохи. Если в эпоху королевы Елизаветы католики могли метафорически представляться причинами заболеваний, то до реформы Генриха IV или в период правления Марии Кровавой вряд ли, но аргументативный потенциал сферы-источника активно используется в разные исторические эпохи и в разных странах.

По мере накопления практических исследований становилось очевидным, что политическая метафорика обладает диахронической вариативностью. В 1977 году М. Осборн, основатель теории о неизменных архетипичных метафорах, опубликовал работу, в которой пересмотрел категоричность некоторых своих постулатов [Osborn 1977]. М. Осборн пришел к выводу, что, несмотря на то что архетипичные метафоры используются во всех культурах и во все времена, развитие культуры, науки и техники может воздействовать на их частотность. Изучив 56 политических выступлений XIX–XX веков, он обнаружил, что технологический прогресс может уменьшать распространенность архетипичных метафор. Например, в XX веке резко уменьшилось количество метафорических образов, связанных с водой, в то время как в XIX веке речные и океанские метафоры были очень распространены (что подтверждается и другими исследователями [см., напр.: Miller 2003]).

Архетипичность политической метафорики получила оформленный характер в теории концептуальной метафоры, согласно которой механизмы метафоризации бессознательны и определяются физическим опытом взаимодействия человека с

окружающим миром. Таким образом, важным основанием для метафорического универсализма стала анатомо-физиологическая общность представителей *homo sapiens*, до некоторой степени предопределяющая закономерности мышления. Вместе с тем критики теории концептуальной метафоры нередко забывают, что, согласно теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона, концептуальные метафоры согласованы с основными концептами той или иной культуры, что в принципе не только преодолевает недостатки культурного универсализма, но и не исключает диахронической вариативности политической метафорики.

Вариативность системы политических метафор имеет два ракурса рассмотрения.

1. Корреляции между изменением политической ситуации и количеством метафор в политическом дискурсе.

2. Доминирование отдельных метафор и метафорических моделей в различные исторические периоды.

Отправной точкой для первого направления послужила работа Х. де Ландшер [Landsheer 1991], в которой с помощью методов контент-анализа было доказано, что между частотностью метафор и общественными кризисами существует взаимозависимость. В ходе исследования голландского политического дискурса Х. де Ландшер удалось показать, что количество метафор увеличивается в периоды общественно-политических кризисов. Эти наблюдения послужили подтверждением того, что метафора является важным средством разрешения проблемной ситуации, и впоследствии легли в основу комбинаторной теории кризисной коммуникации (ССС-theory).

В очередном исследовании Х. де Ландшер и Д. Вертессен [Vertessen, De Landsheer 2005], сопоставив метафорику бельгийского предвыборного дискурса с метафорикой дискурса в периоды между выборами, обнаружили, что показатель метафорического индекса (включающего такие критерии, как частотность, прагматический потенциал сферы-источника и др.) увеличивается в предвыборный период.

Исследования в этом направлении проводились и в российской лингвистике. Еще в конце прошлого века А. Н. Баранов во вводной статье к «Словарю русских политических метафор» [Баранов, Караулов 1994] отмечал, что метафоричность полити-

ческого дискурса существенно возросла в период перестройки и снизилась в постперестроечный период. В более поздней работе А. Н. Баранов с помощью методов контент-анализа подтверждает положение о том, что метафора является важным инструментом формирования множества альтернатив разрешения проблемной ситуации [Баранов 2003]. Исследователь доказывает связь параметров креативности и относительной частоты употребления метафор в политическом дискурсе с общественно-политическим кризисом на примере лингвистического мониторинга политических метафор периода августовского кризиса 1998 года.

Второе направление в изучении вариативности политической метафорики определяется тем, что ученого интересует не степень метафоричности политического дискурса, а конкретные понятийные сферы, доминирующие метафоры той или иной эпохи, их динамика в связи с изменением политической ситуации. Так, в уже упоминавшемся исследовании Х. де Ландшер [Landsheer 1991] было доказано, что в периоды экономических кризисов увеличивается количество метафор смерти и болезни, а при экономическом росте превалируют метафоры природы.

Как показывают исследования этого направления, даже самые устойчивые и укорененные понятийные области претерпевают с течением времени изменения: доминируют или отходят на второй план. Например, А. Харви [Harvey 1999] проследил историю политической метафоры ГОСУДАРСТВО – это ОРГАНИЗМ и показал, что подобное осмысление государства – одна из древнейших метафор человечества. Развертывание антропоморфной метафорической модели обнаруживается уже в древних священных текстах. В Ригведе описывается, что священство произошло изо рта проточеловека, воины – из его рук, пастухи – из бедер, земледельцы – из ступней. В Ветхом Завете пророк Даниил, трактуя пророческий сон Навуходоносора, использует метафору человеческого тела. Прагматический потенциал политической антропоморфной метафоры использовался и в Древнем мире, и в текстах периода Средних веков, и в Новое время. Например, Иоанн Солсберийский предлагал следующую метафорическую картину государства: принц – голова; органы управления – сердце; судьи – глаза, уши и язык; солдаты – руки;

крестьяне – ступни ног; сборщики налогов – желудок. Метафору ГОСУДАРСТВО – это ОРГАНИЗМ использовали Ф. Сидней, Б. Барнс, Ф. Бэкон, Т. Гоббс и другие мыслители, и все-таки в эру индустриальной революции антропоморфную метафору значительно потеснили метафоры механизма.

Благодаря усилиям российских лингвистов достаточно отчетливо прослеживается динамика советско-российской политической метафорики второй половины прошлого века. В тридцатые – пятидесятые годы доминировали метафоры войны, во времена Л. И. Брежнева военные метафоры уступили место метафорам родства, архитектурные метафоры – отличительный признак эпохи перестройки [Баранов 1991; Караулов 1994]. Позднее было показано, что метафоры из сфер-источников «Театр», «Секс» и «Криминальный мир» – яркая примета периода президентства Б. Н. Ельцина [Чудинов 2001]. В российском политическом дискурсе начала XXI века особенно заметна активизация метафор из сферы-источника «Монархия» [Каслова 2003; Чудинов 2003]. При этом метафорическая модель «Россия – это монархия» оказалась очень продуктивна не только в российской прессе, но и в СМИ Германии [Санцевич 2003], Великобритании [Будаев 2004], Франции [Шаова 2005].

Смена метафорики особенно заметна в периоды общественно-политических преобразований. В этом отношении заслуживает внимания работа американского ученого Р. Д. Андерсона, направленные на анализ динамики политической метафорики в период демократизации общества. В публикации «The Discursive Origins of Russian Democratic Politics» автор излагает дискурсивную теорию демократизации, суть которой состоит в том, что истоки демократических преобразований в обществе следует искать в дискурсивных инновациях (под дискурсом автор понимает совокупность процедур по созданию и интерпретации текстов, под текстом – единичное коммуникативное событие), а не в изменении социальных или экономических условий. По Р. Д. Андерсону, при смене авторитарного дискурса власти демократическим дискурсом в массовом сознании разрушается представление о кастовом единстве политиков и их «отделенности» от народа. Дискурс новой политической элиты элиминирует характерное для авторитарного дискурса

наделение власти положительными признаками, сближается с «языком народа», но проявляет значительную вариативность, отражающую вариативность политических идей в демократическом обществе. Всякий текст (демократический или авторитарный) обладает информативным и «соотносительным» значением. Когда люди воспринимают тексты политической элиты, они не только узнают о том, что политики хотят им сообщить о мире, но и о том, как элита соотносит себя с народом (включает себя в социальную общность с населением или отдаляется от народа). Для подтверждения этой теории Р. Д. Андерсон обращается к анализу советско-российских политических метафор. Материалом для анализа послужили тексты политических выступлений членов политбюро 1966–1985 годов (авторитарный период), выступления членов политбюро в год первых общенародных выборов (1989 год) (переходный период) и тексты, принадлежащие известным политикам различной политической ориентации периода 1991–1993 годов (демократический период). Р. Д. Андерсон исследовал частотность нескольких групп метафор, по которым можно судить о том, как коммунистическая элита соотносит себя с остальным населением СССР. Среди них метафоры размера (*большой, крупный, великий, широкий, титанический, гигантский, высокий* и т. п.), метафоры патернализма и субординации (*воспитание, задача, работник, строительство, образец*). Р. Д. Андерсон пришел к выводу, что частотность этих метафор уменьшалась по мере того, как население начинало самостоятельно выбирать представителей власти. В новых условиях на смену «вертикальным» метафорам пришли «горизонтальные» метафоры. Примерами последних могут служить такие метафоры, как *диалог* (в авторитарный период метафора использовалась только по отношению к международной политике), *спектр*, цветовые метафоры, ориентационные метафоры горизонтального расположения (*левые, правые, сторонники, противники*). К примеру, с появлением ориентационных метафор *левый* и *правый* у населения появилась свобода политического выбора, возможность «горизонтальной» самоидентификации с политиками тех или иных убеждений, что, по мнению исследователя, служит свидетельством демократизации общества. Основываясь на этих данных, Р. Д. Андерсон приходит к выво-

ду, что характерные для дискурса авторитарного периода метафоры гигантомании и патернализма присущи монархическому и диктаторскому дискурсу вообще, в силу чего пространственные метафоры субординации можно считать универсальным индикатором недемократичности общества. Исследователь провел важный для своего главного теоретического вывода историко-политологический анализ, показывая, что процессы демократизации общества наблюдаются как в странах, испытывающих большие экономические трудности, так и в экономически высокоразвитых странах. Особенно подчеркивается, что смена политических метафор предшествует процессу демократизации, из чего делается вывод о том, что метафоры обладают каузальной силой. Чтобы опровергнуть это положение, отмечает автор, необходимо продемонстрировать общество, в котором процессу демократизации не предшествовали бы изменения в системе политических метафор, или найти третий фактор, всегда предвосхищающий изменение системы метафор и процесс демократизации, чего никому пока не удалось сделать.

Если использовать терминологию теории концептуальной метафоры, Р. Д. Андерсон исследовал ориентационные метафоры. Примером анализа динамики структурных метафор в период перехода к демократии может служить монография Збигнева Хейнтзе, в которой помимо исследования изменений в польском политическом языке конца 20 века рассматриваются закономерности эволюции политических метафор в их связи с изменениями в польском обществе [Heintze 2001].

Как указывает З. Хейнтзе, накануне демократических преобразований в Польше отмечается резкая милитаризация языка коммунистической пропаганды. Множество метафор из военной сферы явилось реакцией коммунистической элиты на активизацию демократического движения, стало средством формирования образа коварного врага, с которым народ и коммунистическая партия должны вести войну. Метафоры войны не исчезли и после прихода к власти Л. Валенсы. Поляки продолжали свергать «последний бастион коммунизма», «захватывать позиции», предпринимать «тактические действия» и «торпедировать законопроекты», но уже не в такой степени, как раньше. Желание борьбы ослабло, а общество стремилось заменить все опусто-

шающую войну на здоровое соперничество, чему в немалой степени способствовал переход к многопартийной системе.

Политическую систему в первые годы переходного периода З. Хейнтзе называет системой «многопартийной раздробленности». В те времена даже появился анекдот: «где два поляка – там три политические партии». Такое положение дел стало поводом для упорной борьбы, напоминающей о дарвинистской борьбе за существование, целью которой было попасть в парламент и удержаться в нем. Ситуация изменилась с введением 5 %-го барьера, что заставило партии объединяться и ограничило число политических объединений. Открытая враждебность и непримиримость пошли на убыль, и политики стали искать не врагов, а союзников, начали объединять силы и вспомнили о «компромиссе» и «консенсусе». Соответственно в политическом дискурсе этого периода отмечается преобладание метафор разумного соперничества, особенно метафор, связанных со спортом и игрой.

Отдельный интерес вызывает исследование динамики политической метафоры в рамках одной исходной понятийной сферы. Так, А. Мусолфф [Musolff 2000] прослеживает «эволюцию» метафоры ЕВРОПА – ЭТО ДОМ (строение) за последнее десятилетие XX века на материале английских и немецких газет. Автор выделяет два периода в развитии метафоры дома. 1989–1997 годы – это оптимистический период, когда *разрабатывались смелые архитектурные проекты, укреплялся фундамент, возводились столбы*. По мере роста противоречий в 1997–2001 годах начинают доминировать скептические или пессимистические метафоры: в евродоме начинается *реконструкция, на строительной площадке царит хаос*, иногда евродом даже превращается в *горящее здание без пожарного выхода*. Сравнивая метафоры второго периода, автор отмечает, что немцы были менее склонны к актуализации негативных сценариев (*необходим более реалистичный взгляд на строительство*), в то время как англичане чаще отражали в метафоре дома пессимистические смыслы (немцы – *оккупанты евродома* или *рабочие, считающие себя архитекторами*).

Динамика политических метафор прослеживается и на примере более короткого временного интервала. Ирландские

лингвисты Х. Келли-Холмс и В. О'Реган [Kelly-Holmes, O'Regan 2004] рассмотрели концептуальные метафоры в немецкой прессе как способ делегитимизации ирландских референдумов 2000 и 2001 годов. Как известно, в 2000 году в Ницце было достигнуто соглашение об институциональных изменениях, необходимых для принятия новых стран в ЕС. Ирландия – единственная страна ЕС, в конституцию которой нужно было внести поправки, чтобы ратифицировать этот договор. Ирландское правительство считало вопрос решенным, однако на первом референдуме ирландский народ проголосовал против изменения конституции, что не замедлило отразиться в метафорах немецкой прессы. До проведения референдума ирландско-немецкие отношения носили позитивный характер и метафорически представлялись в немецкой прессе как любовные отношения. После референдума метафоры любовных отношений исчезли, но появились негативные криминальные образы.

В исследовании Н. М. Чудаковой убедительно показано, что существенные изменения в экономической, политической и культурной жизни страны закономерно приводят к обновлению метафор со сферой-источником «Неживая природа». Так, в 70-е годы (период антагонистических отношений между социалистическим и капиталистическим лагерями, состояния «холодной войны», войны в Афганистане) в подобных метафорах прослеживалась отчетливая градация образов по признаку «свой – чужой». В первые постсоветские годы (августовский путч, распад СССР, подавление оппозиции в Москве) природоморфные метафоры имели ярко выраженный негативный характер. В начале XXI века появилась тенденция к увеличению доли позитивно окрашенных природных метафор (*русло, река, движение по дороге, атмосфера* и др.), что, по мнению автора, связано с повышенным вниманием к традиционным фундаментальным ценностям русского народа [Чудакова 2005].

Как показывает данный обзор, исследование политической метафорики в исторической перспективе свидетельствует о наличии двух свойств системы политических метафор: архетипичности и вариативности. Вариативность системы политических метафор проявляется в динамике уровня метафоричности политического дискурса и в изменении доминирующих метафо-

рических моделей в определенные исторические эпохи и другие временные интервалы.

Обобщенные сведения о соотношении исследований, которые посвящены изучению современных метафор, и исследований, в которых рассмотрены метафоры, характерные для иных исторических периодов, представлены в следующей таблице.

Политическая метафора в историческом дискурсе

	начало XXI века	вторая пол. XX века	первая пол. XX века	XIX век и ранее	историческая динамика
Россия	31 (51,6 %)	25 (41,6 %)	1 (1,6 %)	1 (1,6 %)	2 (3,3 %)
Сев. Америка	9 (22,5 %)	25 (62,5 %)	3 (7,5 %)	3 (7,5 %)	3 (7,5 %)
Цен- тральная и Запад- ная Европа	17 (31,5 %)	36 (66,6 %)	2 (3,7 %)	1 (1,9 %)	5 (9,3 %)
Прочие	2 (18,2 %)	7 (63,6 %)	–	1 (9,1 %)	1 (9,1 %)
Итого	59 (35,8 %)	93 (56,4 %)	6 (3,6 %)	6 (3,6 %)	11 (6,6 %)

Представленная таблица позволяет сделать следующие выводы о внимании исследователей политической метафоры к различным историческим этапам развития политического дискурса.

1. Абсолютное большинство исследований политической метафоры во всех мегарегионах проведено на материале политического дискурса второй половины XX – начала XXI века, причем российские исследователи отличаются повышенным вниманием к метафорам самых последних лет.

2. В России, Северной Америке, Центральной и Западной Европе эпизодически появляются публикации, посвященные метафорам, которые использовались много десятилетий и столетий тому назад.

3. Проблемами исторической динамики развития политической метафоры в наибольшей степени интересуются специалисты из Центральной и Западной Европы.

Наиболее крупным вкладом в разработку теории и практики исторической метафорологии стало исследование Э. В. Будаева, который теоретически разграничил диахронический и ретроспективный анализ. По мнению исследователя, «предметом диахронического анализа является процесс изме-

нения политической метафорики во времени. Цель диахронического анализа заключается в фиксировании темпоральных изменений (или констатации отсутствия таковых) в изучаемых явлениях. Ретроспективный анализ направлен на анализ политической метафорики в определенный исторический период без учета ее динамики» [Будаев 2011: 218].

В рассматриваемой монографии используется методика равномерной фрагментации с комбинированным шагом. При таком подходе применяется разный шаг фрагментации к одному и тому же материалу, а затем сопоставляются результаты исследований и делаются выводы не только об особенностях диахронического функционирования политической метафорики, но и о достоинствах и недостатках двух, казалось бы, равнозначных подходов. Таким образом, сопоставляются два аспекта: с одной стороны, собственно диахронический, с другой – методологический.

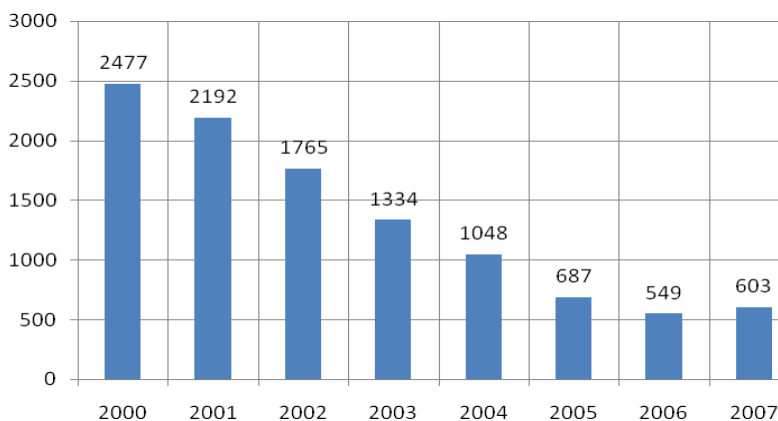
Э. В. Будаев подчеркивает, что существует два основных подхода к отбору метафор для анализа при равномерной фрагментации политического дискурса. Первый подход связан с исследованиями Х. Де Ландшер, предложившей присваивать метафорам каждой понятийной сферы определенный индекс метафорической силы и вычислять уровень метафоричности по определенной формуле. Менее механистическим представляется вариант, использованный Ф. Боерсом [Boers 1997] при анализе метафор англоязычного экономического дискурса. Исследователь выбрал одну понятийную сферу-источник (ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ТЕЛО), а потом проследил ее активность и динамику на протяжении нескольких лет.

Данный подход использован и монографии Э. В. Будаева, который рассмотрел метафоричность из сферы-источника БОЛЕЗНЬ. Для анализа использовался электронный корпус российской прессы, включающий в себя тексты статей из 228 периодических изданий за 8 лет общим числом около 1 500 000 статей. Как показывают результаты анализа, уровень морбиальной метафоричности планомерно снижается от 2000 года к 2006 году, а в 2007 году отмечается незначительный рост. Эти данные коррелируют с представлениями граждан России об улучшении социально-экономической ситуации, наблюдаемом в годы президентства В. В. Путина. Если в 90-е годы метафорическая модель

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ – это БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ относилась к доминантным метафорическим моделям, то в начале XXI века наблюдается значительное ослабление концептуальных векторов нежелательного развития ситуации. Показательна следующая схема.

Гистограмма

Распределение метафорики со сферой-источником БОЛЕЗНЬ при шаге фрагментации, равном одному году.

При более детальном анализе, когда были рассмотрены изменения при шаге фрагментации «сезон» (зима, весна, лето, осень), оказалось, что тенденция к «метафорическому затишью» схематически менее заметна, однако полученные результаты позволили обнаружить не менее важную закономерность. Колебание уровня метафорики имеет циклический характер, при этом нижняя точка амплитуды колебаний, как правило, приходится на летние месяцы, а верхняя точка колебаний в зависимости от года – на зимние, весенние или осенние периоды. Подобное распределение может быть связано с традиционными для России представлениями о холодном времени года как о периоде болезней, ослабления организма, в то время как лето обычно ассоциируется с восполнением жизненных сил и здоровья. Эти

представления восходят к целому ряду факторов, связанных с особенностями экстралингвистических реалий медицинского и климатического характера, и сознательно или бессознательно проявляются в метафорике политического дискурса.

В целом рассматриваемое исследование Э. В. Будаева показало, что использование равномерной фрагментации с применением одного шага обладает большой гносеологической ценностью для когнитивно-дискурсивного анализа. Вместе с тем комбинированная методика равномерной фрагментации, применяемая в рамках одного исследования, в котором условия отбора и анализа материала ограничены едиными правилами, позволяет повысить эвристичность исследования и показать, что динамика метафорических систем – сложный процесс, суммирующий закономерности многочисленных когнитивно и дискурсивно зависимых факторов.

3.2. МЕТАФОРИЧЕСКИЕ БУРИ И ШТИЛИ В ПОТСОВЕТСКОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРИКЕ³

Исследование исторического развития политической метафоры – одно из интенсивно развивающихся направлений когнитивной лингвистики. Исследование базисных метафор – это своего рода ключ к выявлению особенностей национального сознания на определенном этапе развития общества. Соответственно, наблюдения над динамикой базисных метафор, сопоставление закономерностей образного представления действительности позволяет выделить наиболее существенные общие и особенные признаки в национальном сознании различных народов с учетом специфики исторического развития соответствующего общества.

Каждая историческая эпоха приносит новую систему концептуальных политических метафор. Периоды метафорических «бурь» сменяются метафорическими «затишьями», после которых начинается «извержение» новых метафорических «вулканов». В рамках каждой эпохи выделяются свои доминантные метафорические модели. Так, специальные наблюдения показывают, что в отечественной политической публицистике 30–50-х годов прошлого века были особенно активны метафоры с исходными семантическими сферами «война» и «механизм». В сознание общества настойчиво внедрялось представление о том, что советский человек – это вооруженный коммунистической теорией винтик в настраиваемом инженерами человеческих душ механизме, который предназначен для боев и походов. При управлении этим механизмом партийный аппарат должен крепко держать руль, правильно использовать политические рычаги и приводные ремни, вовремя нажимать педали и знать потайные пружины. Для поддержания работоспособности рассматриваемого механизма (то есть советского человека – строителя коммунизма и борца с мировым империализмом) в определенных случаях приходится закручивать гайки, менять заржавевшие и устарев-

³ Основные материалы данного раздела были подготовлены и впервые опубликованы в 2008 году в виде статьи «Российская политическая метафора в начале XXI века» [Чудинов 2008].

шие детали, производить ремонт двигателя, коробки передач и иных быстро изнашивающихся частей машины.

В несколько ином варианте рассматриваемой модели можно отдельного человека рассматривать не как винтик, а как автономный механизм, которому даны «стальные руки-крылья» и «вместо сердца – пламенный мотор». Машина, у которой нет органов чувств (каковым в традиционной наивной картине мира считалось сердце), нуждается только в заправке, перезарядке и профилактическом ремонте в специальных мастерских. Если механизм в полном порядке, то его можно бросать в бой или направлять на стройки народного хозяйства. При планировании необходимо учитывать, что такой механизм не вечен, при чрезмерном напряжении он может выйти из строя или даже сгореть, но всегда существует возможность замены отработавшей свое машины. Рассмотренные концептуальные метафоры показывают, что формируемое под жестким идеологическим прессом тоталитарное мышление закономерно сказывалось даже на образном представлении человека и окружающего его мира.

Каждая новая эпоха приносит изменения в систему базисных метафор. Ведущая концептуальная метафора эпохи Л. И. Брежнева – это большая семья братских народов (партий), каждый рядовой член которой должен испытывать сыновьи чувства в ответ на отеческую (и одновременно материнскую, одним словом – родительскую) заботу коммунистической партии и советского правительства.

Другой важный для Советского Союза метафорический образ – это сначала строительство (нового общества, коммунизма и даже отдельного человека), а затем (уже на закате социалистического государства) – их перестройка. Следующий этап развития российской метафорической системы – это возведение общеевропейского дома, а заодно и евроремонт своей «избы» (в этом отношении показательно название созданного Виктором Черномырдиным политического движения «Наш дом – Россия»).

Эпоха Б. Н. Ельцина в значительной мере определялась театральной метафорой: на политической сцене по заранее подготовленным сценариям и под руководством опытных режиссеров разыгрывались комедии, трагедии и фарсы, в которых играли свои роли актеры (иногда по подсказкам суфлеров).

Особое внимание зрителей привлекали иностранные гастролеры. Иногда восторг у публики вызывали и провинциальные артисты (например, из Ставрополя, Екатеринбурга и Нижнего Новгорода), исполнявшие главные роли в Большом театре. Но основные события разыгрывались за кулисами или, наоборот, на больших площадях, где в массовых зрелищах иногда использовались даже танки (вовсе не бутафорские). Трансляцию подобных шоу вели все телеканалы, подробнейшие рецензии публиковались в газетах. Все это вызывало интерес даже у зарубежных зрителей, хотя они не в полной мере могли понять и оценить российское искусство.

Прагматический потенциал этой метафорической модели определяется ярким концептуальным вектором неискренности, искусственности, ненатуральности, имитации реальности: субъекты политической деятельности не живут подлинной жизнью, а вопреки своей воле исполняют чьи-то предназначения.

Вместе с тем необходимо отметить, что в политической жизни последнего десятилетия XX века наряду с отмеченным выше метафорическим вектором имитации реальности важную роль играет метафорический вектор опасности и агрессивности. А этот вектор реализуется в совсем иных метафорических моделях. По нашим наблюдениям, к числу доминантных метафорических моделей, характерных для 90-х годов прошлого столетия, следует отнести прежде всего концептуальные метафоры с исходными понятийными сферами «Криминал», «Война», «Болезнь», «Мир животных». Все это отражает типовые социальные представления о жестокости новой эпохи, где человек человеку уже не «друг, товарищ и брат», а волк, враг, менеджер, пахан, пугана, источник инфекции или конкурент.

Заканчивая монографию, посвященную политическим метафорам эпохи Б. Н. Ельцина, я писал в 2000 году, что в рассматриваемый период «получили развитие метафорические модели (и их отдельные фреймы, слоты) с концептуальными векторами жестокости, агрессивности и соперничества (война, криминал, спорт и др.), отклонения от естественного порядка вещей (болезнь, криминал, сексуальные извращения и др.). Показательно, что подобные же прагматические смыслы оказались наиболее востребованными и у других моделей; это, в частности, ха-

рактарно для современной зооморфной метафоры, а также для традиционно “неагрессивных” метафор “дома”, “пути” и “мира растений”. Еще одна группа сильных концептуальных векторов современной российской политической метафоры – это неправдоподобие происходящего, неискренность политиков, излишняя карнавальность находящихся в центре общественного внимания событий, несамостоятельность публичных политиков, наличие каких-то тайных “сценаристов”, “режиссеров” и “тренеров” в политической жизни страны (театральная, игровая и спортивная метафоры)» [Чудинов 2001: 225].

Далее отмечалось, что «начинается новая эпоха, и страна ждет совершенно новых концептуальных метафор» и выражалась надежда на то, что «уже в ближайшем будущем будут созданы необходимые средства для взвешенного описания социальной реальности, что политические гиперболы окончательно выйдут из моды». Было высказано предположение, что «в новой метафоре будет меньше образов, проникнутых концептуальными векторами тревожности, опасности, агрессивности, неискренности и двоемыслия», а «с изменением системы концептуальных метафор наши граждане перестанут ощущать себя пешками, винтиками, лохами, солдатами, подопытными кроликами, актерами, пассажирами тонущего корабля или захваченного террористами самолета» [Там же]. С тех пор как был сделан этот вывод, прошло почти восемь лет, заканчивается период президентства В. В. Путина, и пришло время проанализировать, насколько изменились за эти годы российские политические метафоры и насколько оправдались высказанные предположения.

Целенаправленный анализ функционирующих в политической сфере метафорических моделей способствует выявлению тенденций развития политического дискурса и помогает определить степень влияния изменений социально-экономического характера на преобразование и функционирование политического языка.

В современной политической метафорологии [Benoit 2001; Charteris-Black 2004a, 2004b; Chilton 1996; Goatly 2007; Landt-sheer 1991; Lakoff 1991, Musolff 2004; Zinken 2002, 2004; Андерсон 2006; Баранов 2003, 2004; Баранов, Караулов 1991, 1994; Будаев 2007; Будаев, Чудинов 2008; Кобозева 2001; Чудинов 2001,

2003, 2007 и др.] обнаружено несколько закономерностей, которые по причине их регулярной повторяемости в самых различных политических дискурсах и общепризнанности можно представить как своего рода аксиомы, которые уже не нуждаются в каких-то доказательствах и определяют методологию соответствующего научного направления.

1. Национальная система политических метафор постоянно развивается в условиях диалектического взаимодействия тенденции к обновлению метафорического арсенала и тенденции к его традиционности. В зависимости от дискурсивных условий на том или ином этапе развития, каждая из названных тенденций может оказаться преобладающей.

2. Национальная система политических метафор характеризуется, с одной стороны, тенденцией к сохранению своей культурной самобытности, а с другой – тенденцией к взаимодействию с системами политических метафор, характерными для иных государств. В зависимости от дискурсивных условий на том или ином этапе развития, каждая из названных тенденций может оказаться преобладающей.

3. Динамика развития национальной системы политических метафор неравномерна: периоды интенсивного развития («метафорические бури») сменяются периодами относительной стабильности («метафорического затишья», «метафорического штиля»).

4. «Метафорические бури» обычно совпадают по времени с периодами политических потрясений (и даже знаменуют собой будущие политические преобразования), а «метафорическое затишье» обычно характерно для периодов политической стабильности.

5. Сферы-мишени политической метафоры более динамичны, чем ее сферы-источники. Политические реалии, привлекающие повышенное внимание общества, быстро становятся центрами метафорического притяжения: постоянно возникают новые и новые метафоры для их обозначения.

6. «Метафорические бури» характеризуются не столько появлением новых метафорических моделей, сколько активизацией уже существующих, то есть вовлечением все новых и новых концептов, детальным развертыванием метафорических моделей, созданием ярких и свежих метафорических образов.

Метафоры в такие периоды часто становятся предметом обсуждения политиков и широкой общественности, используются в качестве аргументов в полемике.

7. «Метафорическое затишье» характеризуется традиционностью используемых метафор, которые становятся привычными, «стертыми», вызывают меньше эмоций. Это ведет к сокращению частотности использования соответствующих моделей и почти полному прекращению употребления отдельных метафор.

8. Максимальную метафорическую активность при обсуждении политической жизни проявляют крайне левая и крайне правая оппозиция, тогда как центристы и политики, принадлежащие к правящим партиям, как правило, избегают чрезмерной метафорической агрессивности.

9. Метафорическое «затишье» обычно начинается в коммуникации правящей партии, а метафорические «бури» – в выступлениях радикальной непарламентской оппозиции. Переход от «метафорической бури» к «метафорическому затишью» – это продолжительный процесс: невозможно мгновенное изменение политико-метафорической «погоды».

10. Метафорическое «затишье» редко бывает полным «штилем»: развитие общества предопределяет появление новых метафор, но крайне сложно определить, какие из этих метафор найдут широкий отклик (вызовут метафорическую бурю), и когда это произойдет.

Наблюдения над закономерностями метафорического моделирования в российском политическом дискурсе начала XXI века позволили выделить в динамике политической метафоры две стадии. На первой из них (2000–2004 годы) во многом сохранялись тенденции, характерные для предшествующего десятилетия, когда ведущую роль играли метафорические модели с агрессивным прагматическим потенциалом (ведущие сферы-источники – «Война», «Криминал», «Мир животных») и векторами неискренности и нереальности («Театр», отчасти – «Спорт»). Особенно это было характерно для дискурса оппозиции. Однако эти метафоры все чаще воспринимались как стандартные, стершиеся, устаревшие, а поэтому не производили на избирателей прежнего впечатления.

На второй стадии (2005–2010 годы) все более активными становятся традиционные для русского национального сознания природоморфные метафоры. Увеличилось количество антропоморфной метафорики, привносящей в осмысление современной российской действительности естественную перспективу развития. На смену милитарным метафорам все чаще приходят спортивные образы, которые отличаются меньшей агрессивностью, что свидетельствует о стремлении общества заменить все опустошающую войну на стабильность и здоровое соперничество. Все реже и реже стали использоваться криминальные метафоры, которые выступали как доминантные в период «бандитского» капитализма. Все меньше появляется по-настоящему «свежих» метафор, все реже эти метафоры становятся предметом политических дискуссий. На данной стадии значительно сокращается некритическое заимствование метафор из зарубежной прессы.

Вместе с тем среди относительно новых метафорических образов следует выделить активизацию колористических метафор («цветные» революции) и особенно все более многообразное развертывание традиционного для национального сознания образа медведя как символа России и правящей в ней партии. Все активнее в российской политической коммуникации отражается стремление к национальной и культурной преемственности и самобытности.

Судя по всему, российская национальная система политических метафор переходит к этапу стабилизации и возвращения к национальным традициям. Метафорическая «буря» сменилась метафорическим затишьем. В соответствии с общей закономерностью политическая стабильность находит отражение в сфере политических метафор.

Важно отметить, что стабилизация внутривнутриполитической ситуации в стране все чаще вытесняет негативную метафористику в область внешней политики. Если в допутинском дискурсе государственные лидеры обращались за «консультациями» к западным «менеджерам» политических реформ и «учителям» демократии, то на пресс-конференции в Мюнхене (2008 год) В. В. Путин напомнил о *«неразорвавшихся снарядах» холодной войны*. Несколько ранее, накануне парламентских выборов, президент осудил тех, кто «шкалит у иностранных посольств», и

посоветовал иностранным энтузиастам не совать *«сопливый нос» в российские дела*. Весьма жесткие метафорические заявления раздаются и в связи проблемами провозглашения независимости Косово. Показателен также следующий контекст: *Существует много разных штампов, оставшихся с прежних времен, еще с холодной войны. Они как мухи летают по всей Европе, по всему миру, жужжат над ухом, пугают людей. А на самом деле действительность иная. Я хочу, чтобы вы приехали в Россию и убедились в этом, чтобы чемпионат мира опроверг стереотипы* (В. В. Путин – Интервью. 03.12.2010).

На этом фоне значительный интерес вызывают «бытовые метафоры», к числу которых относится, в частности, совет президента России зарубежным оппонентам перестать учить нас демократии, и переключиться на обучение кулинарному искусству собственных жен. Яркое впечатление произвели и слова Президента о том, что он восемь лет подряд *«пахал, как раб на галере»*. На своей последней «президентской» пресс-конференции («Аргументы и факты». 27.02.2008) В.В.Путин позволил себе использовать метафорические образы, которые не вполне типичны для действующего руководителя государства, но весьма характерны для идиостиля названного политического лидера. Ср. также: *«Кроме всего прочего, у нас личная химия, я уму доверяю. Такому человеку не стыдно и не страшно передать основные рычаги управления страной»*. *«Если они (руководители государства) будут слюни и сопли пускать все время и плакать, что плохо, что мы ничего не сможем, что мы такие “кривые”, – так и будет»*. Метафорически обозначаются также меры, которые дипломаты обычно называют «асимметричным ответом» на действия политического оппонента: *«Мы не будем “обезьянничать”*. *Но у нас есть домашние заготовки, и мы знаем, что будем делать»*.

Наблюдения показывают, что Д. А. Медведев избегает сильных метафорических образов, которые могут вызвать неоднозначные оценки. Так, в его выступлении на Пятом экономическом форуме в Красноярске (февраль, 2008 год) используются только стертые, потерявшие образность метафоры: *«искоренить практику неправосудных решений»*, *«предлагаю сделать первый и уже опробованный нами шаг»*, *«деньги должны прийти к врачу»* («Российская газета». 21.02.2008). Преемник действующего

президента позиционирует себя не как открыватель принципиально новых горизонтов, а как продолжатель уже начатого дела. Формулирование конкретных планов и задач требует не ярких метафор, а точных определений и детальной характеристики путей решения.

Нетрудно заметить, что традиционная метафорическая активность Г. А. Зюганова и В. В. Жириновского воспринимается избирателями как едва ли не устаревшая, сохраняющая образ мышления прошлых лет и не отражающая современных реалий. Так, в программном предвыборном обращении Г. А. Зюганова «Будущее зависит от нас!» («Российская газета». 20.02.2008) присутствуют всем давно знакомые образы. Ср.: *«Народу навязывают новых царей, визирей и вельмож. Тасуется одна и та же колода, состоящая из личных друзей и царедворцев, охочих до власти и денег»*. Даже опытный специалист не сразу определит, когда были сказаны эти слова: в 2008 году или еще в прошлом веке. Читатель отмечает знакомые метафорические модели и давно известные идеи.

Похожее впечатление создается и от других метафорических высказываний коммунистического лидера: *«Нам предлагают карманный парламент... Властная вертикаль – не более чем карикатура на демократию... Наша цель – отодвинуть страну от края пропасти... Экономика сидит на нефтегазовой игле...»*. Все эти образы были весьма продуктивны в 90-е годы и сейчас уже не вызывают у электората прежнего эмоционального отклика, когда яркие метафоры вели народ на митинги и демонстрации. Современные выступления Г. А. Зюганова способны привести его сторонников только на избирательные участки.

Не привлекают внимания избирателей и предвыборные метафорические выражения В. В. Жириновского, которые слишком похожи на его образы из его выступлений прежних десятилетий. Так, в своем предвыборном обращении «Успокою всех!» («Комсомольская правда». 09.02.2007) лидер либеральных демократов напомнил о *«пятой колонне»* врагов России, возмущался *«продажностью чиновников»* и говорил о своем стремлении *«побороть коррупцию»*. Он подчеркнул, что *«для резкого снижения уровня коррупции надо убирать поле для ее взращивания»*. Далее ветеран парламентской оппозиции сказал о

том, что *«тяжелая промышленность должна находиться в руках государства»* и напомнил о необходимости обезопасить *«политическую элиту от шараханья то влево, то вправо»*. В. В. Жириновский говорил также о том, что *«никакие национальные проекты не дадут результата, пока мы не очистимся от пагубных последствий перестройки и шоковой терапии»*, вспомнил о *«грабительской приватизации»* и о том, что сторонники Дмитрия Медведева *«сбиваются в колхоз»*. Лидер либеральных демократов вспомнил также о проблемах науки и метафорически использовал имена великих российских ученых: *«Кто будет решать проблему нехватки энергоносителей, развития нанотехнологий? Сегодня есть новые курчатовы, новые королевы, новые цюлковские. Надо дать им возможность работать»*.

Содержащийся в рассматриваемом выступлении набор давно знакомых коммерческих, милитарных, морбиальных, криминальных, фитоморфных и антропоморфных метафор вовсе не производит впечатления «метафорического извержения», способного повести людей на митинги, демонстрации и баррикады.

Как известно, тиражирование метафор, ярко воспринимаемых в прошлую эпоху, и минимальное количество новых образов – это типичные признаки метафорического затишья, которое всегда сопровождает периоды политической стабильности. Об этом же говорит снижение агрессивности метафорического словоупотребления: показательно, что лидер президентской гонки совершенно отказался от полемики, в рамках которой традиционно идет метафорическая война. Не проявляют значительной метафорической активности и другие кандидаты на пост главы государства. В отличие от прошлого (ельцинского) десятилетия метафоры участников предвыборной борьбы по существу не обсуждаются в СМИ и не служат предметом судебных разбирательств. Политическая коммуникация становится все более скучной и уже не вызывает прежнего интереса. Современные метафоры способны привести людей на избирательные участки, но уже не в состоянии вывести их на митинги и демонстрации, поднять на штурм Белого Дома или телестудии. Показательно, что метафоры заканчивающего свою работу президента вызывают у отечественных и зарубежных журналистов значительно

больший интерес, чем образы, которые создают новые претенденты на высшую власть в государстве.

Разумеется, ни лингвисты, ни кто-либо иной не могут повлиять на активность рассмотренных или каких-либо иных метафорических моделей, а также способствовать активизации метафорической бури или наступлению метафорического затишья. Метафорический образ отражает бессознательное мировосприятие социума, формирующееся под влиянием национальных традиций и «духа времени». Но языковеды обязаны зафиксировать существующую в национальном сознании на определенном этапе развития общества систему базисных метафор и попытаться сделать выводы об истоках и перспективах той или иной модели, а также рассмотреть факторы, способствующие активизации метафорических бурь или служащие признаками их затухания. Начавшееся метафорическое затишье – это еще одно свидетельство наступления в России периода политической стабильности.

Как уже было сказано выше, материалы данного раздела были впервые опубликованы в 2008 году. За прошедшие годы метафорика системной оппозиции и метафорика правящей партии практически не изменились. Вместе с тем началась метафорическая буря в дискурсе несистемной оппозиции, которая еще ждет своего исследования.

3.3. ДОМИНАНТНОСТЬ КАК ДИСКУРСИВНОЕ СВОЙСТВО МЕТАФОРИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

Термин «доминантные метафорические модели» был предложен в 2001 году «для обозначения наиболее ярких, максимально отражающих специфику соответствующего исторического этапа моделей», далее подчеркивалось, что это можно использовать и «для характеристики отдельных фреймов, слотов и иных компонентов той или иной (необязательно доминантной) модели» [Чудинов 2001: 178]. В процитированной монографии повышенное внимание было уделено историческому развитию метафорических моделей, а поэтому при характеристике доминантных моделей отмечалось, что «доминантной следует считать модель, потенциал развертывания и частотность использования которой на данном этапе развития общества и языка значительно увеличиваются, что, конечно, привлекает внимание как специалистов, так и просто внимательных людей» [Там же]. В соответствии с этим определением в какой-то период признаки доминантной может иметь и относительно малопродуктивная модель (при условии относительного роста ее продуктивности и частотности). Например, в отечественном политическом дискурсе конца прошлого века значительно увеличилась продуктивность и частотность криминальной метафоры, и соответствующая модель в те годы стала доминантной, хотя по абсолютной частотности она по-прежнему уступала метафорическим моделям со сферами-источниками «Война», «Дом» и «Физиология человека».

Последующий опыт исследования метафорических моделей позволил уточнить некоторые представления о рассматриваемом феномене. В частности, проведенные исследования показали, что признак доминантности может характеризовать не только исторические этапы развития системы метафорических моделей, но и системы метафорических моделей, характерные для отдельных дискурсов.

Рассмотрим несколько случаев, когда доминантность метафорической модели обнаруживается только в рамках конкретного дискурса. Ведущим источником для сопоставления послужили исследования аспирантов кафедры риторики и

межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета.

В диссертации Светланы Яковлевны Колтышевой [Колтышева 2009] выявлены следующие наиболее частотные метафорические в российском и американском шоу-дискурсе: ШОУ-БИЗНЕС – это ПИЩА, ШОУ-БИЗНЕС – это МИР НЕЖИВОЙ ПРИРОДЫ, ШОУ-БИЗНЕС – это МИР ЖИВОЙ ПРИРОДЫ, ШОУ-БИЗНЕС – это РЕЛИГИЯ, ШОУ-БИЗНЕС – это ВОЙНА, ШОУ-БИЗНЕС – это ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ОРГАНИЗМ, ШОУ-БИЗНЕС – это ДОРОГА, ШОУ-БИЗНЕС – это СКАЗОЧНЫЙ МИР.

Большинство этих моделей активны и в политическом дискурсе, особенно модели со сферами-источниками «Мир природы», «Война», «Человеческий организм», «Дорога». Вместе с тем обнаружены доминантные модели, то есть такие модели, частотность которых в дискурсе шоу-бизнеса значительно превышает среднюю. Это модели со сферами-источниками «Сказочный мир», «Религия» и «Пища». Приведем несколько примеров. *Номера праздничных концертов, «голубых огоньков» глотали быстро и скопом, чтобы разжевать до мельчайших подробностей то, что шло на закуску. А на закуску шел – Магомаев* [Н. Дардыкина, МК № 292, 30.12.2002]. *Пугачеву любят по-щенячьи преданно, боготворят, аки Марию Магдалену. Петросян создал собственное королевство кривых зеркал* [www.mk.ru, 28.12.2011].

Итак, для дискурса российского шоу-бизнеса характерны три доминантные модели со сферами-источниками – «Сказка», «Религия» и «Пища». Причины их доминирования в общем-то понятны, но не о них сейчас речь.

Обратимся к диссертации Наталии Алексеевны Красильниковой, посвященной экологическому дискурсу [Красильникова 2005]. Автор показывает, что особенностью российского экологического дискурса является сосредоточенность на внутренней политике, а также табуированность *сексуальной* метафоры и широкая распространенность метафорического представления родной страны как *свалки*. Для англоязычных культур в равной степени характерно метафорическое представление мира сквозь

призму педагогических и экономических понятий, что несвойственно российской экологической лингвокультуре.

Специфика метафорического моделирования в экологической коммуникации обусловлена не только языковой средой, но и дискурсивными характеристиками. Уникальными чертами английского экологического дискурса являются постоянное обращение к историческим фактам, национальным традициям, частое использование прецедентных имен и ситуаций, а также индифферентность к метафоре *родства*. Особенность американского экологического дискурса – распространенность метафоры *кино*, меньшая частотность *морбиальной* и отсутствие *монархической* метафоры.

Можно отметить и причины доминантности моделей в национальных дискурсах. Почему русские постоянно обозначают родную страну, а американцы и британцы не используют этот образ? Дело в том, что в этих странах нет проблемы ввоза радиоактивных отходов, а вот Россия получает доход от переработки и хранения этих отходов. Почему в американском экологическом дискурсе распространены метафоры со сферой-источником «кино»? Да потому что в Америке подобные метафоры активно используются в самых различных дискурсах.

В диссертации Татьяны Андреевны Шабановой [Шабанова, 2013] проанализированы метафоры российских и американских феминисток. Выяснилось, что активистки названного движения при обозначении мужчин регулярно используются доминантные модели ОНИ – АГРЕССОРЫ, ОНИ – ЖИВОТНЫЕ. В российском феминистском дискурсе самые активные зоонимы – это *собака, кобель, скотина, конь, жеребец, теленок, осел, козел, зверь, животное*.

Любимые метафоры американских феминисток *pig (свинья), parasite (паразит), leech (пиявка), bloodsucker (кровопийца), tick (клец), flea (блоха), louse (вошь), cockroach* и *termite (термит)*. Обратите внимание: метафоры очень похожи...

Феминистский дискурс включает представления о двух мирах – мужском и женском, которые враждебны друг другу и находятся в отношениях перманентной войны. По представлениям феминистов, женщины должны давать постоянный отпор мужской агрессии, и этот отпор столь же закономерен, как вой-

на с врагами родной страны или борьба с преступниками. Ср.: *Надо осознать то, что против женщин идет многовековая война. Оккупанты хозяйничают на оккупированной территории, убивая ее жителей, а жители придумывают, как объяснить оккупантам, что так делать нельзя* (HTTP://FEMINISTKI.LIVEJOURNAL.COM, 29.03.2012). *Твой парень фашист – твоя губа каждый день разбита* (HTTP://FEMINISTKI.LIVEJOURNAL.COM, 02.12.2011). *Разгорается сражение между нашей целостностью и давлением шантажиста, и, как в любой другой войне, в ней много потерь* (HTTP://ACCION-POSITIVA.UCOZ.ES, 25.04.2011).

Яркий отличительный признак российских феминистских текстов – представление мужчины в виде ребенка. В подобных случаях иронически используются следующие номинативные единицы: *ребенок, мальчик, подросток, дитя, младенец, юноша*. Ср.: *Семья такая умильная, папа – большой ребенок и мечтатель, который хорошо находит с сыном общий язык, а мама – большой реалист, посему тянет на себе весь быт* (HTTP://FEMINISTKI.LIVEJOURNAL.COM, 08.07.2009). *Посмотришь: мальчики-подростки. Где бы им взять остров сокровищ. А мужикам – в районе полтинника* (HTTP://FEMINISTKI.LIVEJOURNAL.COM, 21.04.2011).

В подобных случаях мужчина изображается как ребенок с присущим ему уровнем психического, эмоционального и интеллектуального развития. Специфическая черта американского феминизма – представление мужчин в виде больных.

Отличительная черта американского феминистского дискурса – активное использование морбиальных метафор. Мужчины – это *шизофреники, безумцы, сумасшедшие*, они страдают от *опухоли мозга, чумы, инфекций*. Общение с ними приводит к *раку, диарее, отравлению* и иным печальным последствиям.

В целом можно заметить более высокую степень агрессивности американских феминистских метафор. В частности, характерное для России представление мужчины в образе несмышленного ребенка несет меньший агональный заряд, чем типичное для США представление мужчины в виде Сатаны, шизофреника или наркомана. Возможно, русские женщины изна-

начально запрограммированы на то, чтобы больше прощать, понимать и принимать.

К числу универсальных моделей представления женщин в феминистском дискурсе США и России относятся милитарные модели (МЫ – ЖЕРТВЫ, МЫ – ВОИНЫ).

Сегодня я уже говорил, что доминантность может быть характерна не только для модели, но и для отдельного фрейма. Хочу отметить, что фрейм «Жертва» – самый доминантный в этом дискурсе. И американские и российские феминистки постоянно представляют себя в виде жертвы войны или криминала.

В российских феминистских метафорах активно используются наименования домашних животных и птиц: *корова, свинья, кошка, крольчиха, лошадь, собака, бык, кошка, гусыня, курица* и др. Ср.: *Ее тело – это одновременно и декоративно-сексуальный объект и тело рабочей лошади. Ее сознание – это сознание жены, матери, добытчика и интеллектуала* ([HTTP://FEMINISTKI.LIVEJOURNAL.COM](http://feministki.livejournal.com), 18.02.2011). *Ну как же, а то же я не настоящая женщина, если не на каблуках – значит, с походкой курицы или гусыни.* ([HTTP://ACCION-POSITIVA.UCOZ.ES](http://accion-positiva.ucoz.es), 10.02.2012).

Еще одна преимущественно российская модель связана с представлением женщин как товара для потребления. В представлении феминистов, мужчины воспринимают женщину как товар, который можно оценить, продать или купить. Ср.: *Вы обязаны подчеркивать свою сексуальность бесконечным числом способов, а если вы этого не делаете – вы не настоящая женщина и/или дешевка, бракованный, никому не нужный товар* ([HTTP://RU-BRAFREE.LIVEJOURNAL.COM](http://ru-brafree.livejournal.com), 26.04.2011). *В России бабы – дешевый товар. И женщина понимает, что с чужим ребенком уже будет никому не нужна.* ([HTTP://FEMINISTKI.LIVEJOURNAL.COM](http://feministki.livejournal.com), 06.07.2008).

Если товар отвечает предъявляемым к нему мужским требованиям, то *спрос* на него растет, *ставки повышаются*, и товар попадает в категорию *ценных*. Ср.: *Она все время на рынке. Она объект, который должен быть конкурентноспособен на этом рынке* ([WWW.FEMINISM.RU.ORG](http://www.feminismru.org), 23.08.2011). *Женщина одновременно ценная вещь и лицо, ответственное за её хранение* ([HTTP://KANNSEIN.LIVEJOURNAL.COM](http://kannsein.livejournal.com), 14.05.2011). Широкая распространенность метафорического представления жен-

щины как товара потребления (экономическая модель) и животного (зооморфная модель) отличает феминистский дискурс России и оказывается непродуктивной в соответствующем дискурсе Америки. Для американской культуры характерно метафорическое представление женщин с использованием религиозной модели (МЫ – БОГИНИ, МЫ – АНГЕЛЫ). Соответственно мужчина – это дьявол, сатана или Люцифер.

Итак, исследование доминантных метафорических моделей позволяет сделать важные выводы о взаимодействии метафорического моделирования с национальной культурой, с политической ситуацией в государстве, со специфической организацией того или иного дискурса.

ГЛАВА 4. ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРОЛОГИЯ И ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Исследования по политической метафорологии – составная часть обширного научного направления, которое чаще всего называют политической лингвистика (в близком смысле используются также термины политическая филология, лингвистическая политология). Именно эти общие проблемы в их взаимосвязи с политической метафорологией оказались в центре данной главы. В ее разделах последовательно рассмотрены особенности метафорического образа родной страны в современном российском политическом дискурсе, вопрос о русской национальной картине мира и ее метафорическом представлении и проблема авторства и адресности политического текста.

4.1. МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ОБРАЗ РОССИИ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Специалисты уже неоднократно отмечали, что современная российская политическая коммуникация отличается чрезмерной грубостью и агрессивностью, а также использованием таких слов и образов, которые в былые времена считались нехарактерными для речи воспитанных людей [Васильев 2003; Ряпосова 2003; Чудинов 2003; Шапошников 1998; Шейгал 2000 и др.]. Названные качества нередко пытаются объяснить недавно дарованной свободой слова и необходимостью демократического развития страны или же утратой духовности и несвоевременностью отмены цензуры, заодно с которой во многих изданиях упразднили и должности литературных редакторов и корректоров. Показательно, что самые грубые инвективы наши политики и журналисты нередко адресуют родной стране, в любви к которой они не менее последовательно клянутся. Возможно, именно в этом и проявляется специфика нашего национального патриотизма и свободолюбия.

Национальные стереотипы восприятия родной страны – это важная психолингвистическая проблема, которую в нашем отече-

стве нередко пытаются перевести в проблему психиатрическую (вспомним печальную судьбу П. Я. Чаадаева и целого ряда советских диссидентов) и уголовно-правовую (примером может послужить борьба И. В. Сталина с «безродными космополитами»). В последние годы практика политической психиатрии и судов над инакомыслящими вышла из активного употребления, что, несомненно, прибавило смелости ряду политиков и журналистов, стремящихся метафорически осмыслить образ России. Плоды этого осмысления представляют значительный интерес для политической лингвистики и лингвистической политологии.

Специальные исследования показывают, что, в отличие от большинства других народов, для которых характерно восприятие «своего» как хорошего, нормального, а «чужого» – как плохого и аномального, русскому человеку в оценке родины и своего народа присуща неумеренная критичность и решительность в негативной оценке [Кобозева 1995; Петренко 2000; Шаова 2005 и др.]. По словам Н. Бердяева, «русские почти стыдятся того, что они русские; им чужда национальная гордость» [Бердяев 1990: 15]. Эта чрезмерная самокритичность ярко проявляется и в рассматриваемых ниже метафорических характеристиках России.

Современная когнитивистика рассматривает метафору как основную ментальную операцию, как способ познания, структурирования, оценки и объяснения мира. Человек не только выражает свои мысли при помощи метафор, но и мыслит метафорами, познает при помощи метафор тот мир, в котором он живет, а также стремится в процессе коммуникативной деятельности преобразовать существующую в сознании адресата языковую картину мира. Соответственно метафоричность – это естественный путь политического мышления, а вовсе не уклонение от главной дороги к познанию и объяснению мира [Лакофф, Джонсон 2004; Кубрякова 2004 и др.]. Система концептуальных метафор, существующая в том или ином политическом дискурсе, – это не зависящее от чьей-либо воли свидетельство состояния национальной ментальности, своего рода «зеркало» политического сознания [Чудинов 2003].

По справедливому замечанию В. Н. Базылева, «адекватность языка общественной политической мысли, непременно содержащего философские, религиозные и политические ингредиенты, обеспечивается не умением «вызвать все до конца», а умением убедить, склонить читателя или слушателя на свою сторону. Почти неразличимые переходы от логических доказательств к аксиоматике всепобеждающей веры – важнейший дифференциальный признак общественной политической мысли» [Базылев 2005: 5]. Политическая метафора – одно из наиболее эффективных средств, обеспечивающих прагматический потенциал политической коммуникации. Уже сам факт использования метафоры преобразует рациональное доказательство в суггестивный инструмент, в средство эмоционального воздействия на адресата [Чудинов 2001]. Показательно, что метафорический характер имеет большинство ключевых слов и фраз, определяющих ту или иную парадигму политического мышления. Опытный политик стремится предстать перед избирателями в роли источника ярких политических метафор, образующих смысловую и эмоциональный фон его социальной концепции.

Каждая конкретная метафора отражает мировосприятие одного человека, нередко метафорическая конструкция передает только сиюминутное настроение автора. Если же рассматриваемую метафору сопоставить с множеством других, если выделить доминантные для современного политического дискурса метафорические модели, если сравнить системы политических метафор в различных языках, то, возможно, удастся обнаружить какие-то общие закономерности в метафорической картине политического мира, существующей на данном этапе развития в национальном сознании. Так маленькая частица становится органичной частью большой картины.

Материалом для настоящего исследования стали метафорические определения современной России, предложенные широко известными российскими политиками и журналистами и опубликованные в ведущих российских газетах. Подобные определения весьма значимы для осознания специфики современного этапа развития нашего национального самосознания.

При рассмотрении метафорических высказываний была поставлена задача выделить основные сферы – источники метафорической экспансии и охарактеризовать ведущие смысловые векторы этих высказываний.

1. Метафоры, восходящие в сфере «Мир животных». Подобные метафоры традиционны для русского национального самосознания: родная страна с давних пор представлялась нашим соотечественникам в образах сильного медведя, царственного орла, мчащейся вперед тройки. Однако в последние годы активизировались метафоры с противоположными концептуальными векторами. Ср.:

Родина вообще, я считаю, скотина. Долго играть в безответную любовь я не могу... Да, я не патриот. Я достаточно давно начал играть в эту игру, и вправе устать от нее, вправе перестать себя уговаривать, что дерьмо пахнет благовониями (А. Невзоров. Московский комсомолец).

Я придумала теорию хромого верблюда. Хромой верблюд – это Россия. Америка – сильный верблюд, идущий впереди. Нужно караван повернуть и тогда хромой верблюд станет первым (И. Хакамада. Комсомольская правда).

2. Современные политики часто задумываются, где, на каком этапе развития находится родная страна. К сожалению, результаты такого осмысления неутешительны. Ср.:

По-моему, президент тоже подозревает, что порядок в экономике может ее удушить. Путин получил страну, чуть-чуть подвытащенную Ельциным из полной задницы. Чем больше мы берем государственности, тем скорее вернемся обратно! (А. Невзоров. Аргументы и факты).

Страна напоминает сейчас дом, переживающий тяжелое похмелье, дом, в котором пропили, растеряли почти все границы, порты, ресурсы (Э. А. Панфилова. Комсомольская правда).

Все сегодня спорят, куда должна идти Россия. А я говорю: никуда она не может идти, она – в инвалидном кресле (Г. Явлинский. Яблоко).

3. «Болезнь». Многие современные специалисты отмечают, что родная страна тяжело больна, что она близка к летальному исходу. Ср.:

Российская внешняя политика если и больна, то больна вместе со всей страной. Диагноз – дистрофия, слабость военных и финансовых ресурсов (Т. Нетреба. Аргументы и факты).

Президент должен брать на себя ответственность и быть во главе демократических процессов, которые должны вывести страну из тех тупиков, в которых она находится. Страну надо менять, лечить, иногда прибегая к хирургии, иногда – к медленному врачеванию, но людям хочется здесь и сейчас поскорее (М. Розовский. Аргументы и факты).

Наша страна тонет. Одни бросились в реку и пытаются спасти, а другой стоит на берегу в белом фраке с сигарой и говорит: «Неправильно спасаете» (Б. Немцов. Аргументы и факты).

В конце концов суть реформ может быть только одна: более быстрое, более решительное движение к здоровому смыслу, к рынку. Иными словами, более быстрый выход из того сумасшедшего дома, в котором мы все пока живем (Н. Шмелев. Московские новости).

4. «Мир криминала». Размышляя о состоянии родной страны, современные политики и журналисты часто ищут аналоги в мире криминала. Ср.:

В России сейчас ГУЛАГ. ГУЛАГ преступности (А. Тулеев. Комсомольская правда).

Наше государство превратилось в большую финансовую пирамиду (Л. Кошечев. Наша газета. 2000).

Страна превратилась в криминальное государство, где преступники со всего мира отмывают свои деньги и чувствуют себя безнаказанно (С. Караганов. Известия).

5. «Неодушевленный предмет». Современную Россию нередко сравнивают с тем или иным механизмом, работа которого не вполне устраивает людей. Чаще всего это неисправный автомобиль. Ср.:

Россия превратилась в машину без тормозов. На ней можно ехать куда-нибудь? (Андрон Кончаловский. Аргументы и факты).

Россия – это не гоночная машина: покатался и вылез. А страну потом трясет как в лихорадке (В. Черномырдин. Аргументы и факты).

Вместе с тем отечественные политики и журналисты стремятся найти и другие средства для образного представления родной страны. Ср.:

Перед выборами вы говорили, что Путин – обруч, который скрепляет распадающуюся бочку. С тех пор эта оценка изменилась?

Изменилась оценка бочки. Я не уверен, что ее так уж надо скреплять. Когда говорят о возрождении России, я немножко холодею. Какую именно Россию возрождать? Не было ни одного века, ни одного десятилетия, когда бы Россия не занималась пожиранием своих граждан (В. Цепляев. Интервью с А. Невзоровым «Порядок – наш главный враг». Аргументы и факты).

В современном политическом дискурсе для метафорического представления современной России используются и образы из многих иных сфер-источников. Приведем несколько характерных примеров.

Россия – это Содом, потому что правильный порядок не просто нарушен, но перевернут вверх дном. Торжествует inferнальное зло, и нет праведника, который восстал бы против него (Д. Тукмаков. Завтра).

Во всем мире Россию воспринимают, как черт знает какую страну (Ж.Алферов. Аргументы и факты).

Наша страна рабская по сути, а рабы в отсутствие хозяина никогда не бунтуют (В. Новодворская. Комсомольская правда).

Силовики могут пойти к окончательному созданию **банановой республики** – когда власть и собственность контролируют несколько кланов, а большинство граждан будут жить в нищете (Г. Явлинский. Аргументы и факты).

Представленный выше материал показывает, что рассматриваемый тип метафорических определений характерен для дискурса как левых, так и правых политических лидеров, но наиболее охотно подобные образы используют политические экстремисты.

Рассмотренные концептуальные метафоры ярко отражают естественную для каждого подлинного патриота боль за состояние родной страны. Эти метафоры свидетельствуют о желании привлечь внимание к наиболее жгучим проблемам, о стремлении к переменам в политической жизни. Вместе с тем необходимо еще раз подчеркнуть, что подобные метафоры отражают не реальное положение дел в России, а его отражение в политическом дискурсе. Как известно, реальность и ее осознание в социальной ментальности далеко не всегда соответствуют друг другу, и в данном случае зеркало политической метафоры многократно увеличивает все реально существующие проблемы (как уменьшали их средства массовой информации в период застоя).

Политический язык новой России еще только создается, пока далеко не все в нем отвечает реальным потребностям общества. Нет сомнений в том, что уже в ближайшем будущем будут созданы необходимые средства для взвешенного описания социальной реальности, что политические гиперболы окончательно выйдут из моды. Все более заметны признаки того, что общественное сознание уже устало от однообразных образов военной, криминальной, бестиальной и морбиальной сфер и ждет совершенно новых концептуальных метафор. Это позволяет надеяться на то, что новый российский политический дискурс будет отличаться актуализацией совсем других метафорических моделей и лингвисты нового поколения отметят как свойство русской ментальности такие образы, как «Россия – мать», «Россия – цветущий сад», «Россия – Дом торжества закона и справедливости», «Россия – летящая птица или мчащаяся вперед тройка». Это будут метафоры общества, уверенного в себе, раз-

вивающегося и вместе с тем не забывающего о фундаментальных национальных ценностях и приоритетах. А пока мы слишком часто имеем дело с такими метафорами, которые рассматривались выше.

4.2. ДИСКУССИЯ О РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Абсолютный универсализм и крайний релятивизм⁴

Австралийский лингвист польского происхождения Анна Вежбицкая и швейцарский языковед французского происхождения Патрик Серио принадлежат к числу зарубежных русистов, исследования которых пользуются максимальной популярностью в России. Ссылки на труды Анны Вежбицкой, многие из которых опубликованы на русском языке [Вежбицкая 1996, 2001, 2002, 2008], особенно характерны для исследований по проблемам компонентного анализа, лингвокультурологии, языковой картины мира, концептологии и синтаксиса. Ссылки на исследования Патрика Серио, в том числе опубликованные в России [Серио 1993, 1995, 1999, 2002, 2008, 2009], наиболее типичны для исследований по синтаксису, дискурсологии, политической коммуникации, социолингвистике, теории текста.

До недавнего времени отечественные языковеды не обращали значительного внимания на различия во взглядах П. Серио и А. Вежбицкой, однако положение кардинально изменилось после публикации полемических статей, в которых указанные специалисты выступают как непримиримые оппоненты. Статья Анны Вежбицкой «Имеет ли смысл говорить о “русской языковой картине мира”? (Патрик Серио утверждает, что нет)» была опубликована в широко известной книге «Динамические модели. Слово, предложение, текст. Сборник статей в честь Е. В. Падучевой» [Вежбицкая 2008]. Указанная статья, в свою очередь, представляет собой реакцию на остро полемическую публикацию Патрика Серио «Oxumore ou malentendu? le relativisme universaliste de la métalangue naturelle sémantique universelle d'Anna Wierzbicka» [Sériot 2004], перевод которой был позднее опубликован в нашем журнале «Политическая лингви-

⁴ В основу данного раздела была положена совместная публикация Е. Е. Аникина (бывший аспирант УрГПУ, ныне преподаватель Университета штата Южная Каролина (США) и А. П. Чудинова, которая впервые была опубликована в журнале «Политическая лингвистика» [Аникин, Чудинов 2011].

стика» [Серио 2011]. В указанной статье П. Серио рассматриваются теоретические истоки и методология исследований А. Вежбицкой. Эту методологию швейцарский ученый определяет как поразительное сочетание, казалось бы, несовместимых научных направлений – абсолютного универсализма и крайнего релятивизма (неогумбольдтианства).

Очень показательно уже само начало статьи профессора из Лозанны.

Гуманитарные науки, хорошо это или плохо, значительно отличаются от точных. Так, по мнению Томаса Куна, как только новая парадигма приходит на смену старой, старая парадигма более не имеет шанса на существование в рамках «нормальной науки». Известно, например, что гелиоцентрическая модель Коперника заменила геоцентрическую модель Птолемея.

В лингвистике, напротив, ничего подобного не происходит. Новая теория никогда не «фальсифицирует» старую. Скорее уместнее говорить о возникновении различных центров интересов, но не о перевороте во внутреннем устройстве унифицированной науки. Генеративная грамматика Хомского не привела к исчезновению сравнительно-исторической грамматики, обе грамматики могут благополучно сосуществовать на факультете общей лингвистики одного и того же университета. В качестве возможного общего предмета для дискуссий между приверженцами каждой из них можно было бы указать признание достижений каждой, но никак не утверждение окончательной научной истинности одной из них, предполагающее консенсус всего научного сообщества.

Представляется, что Патрик Серио нашел совершенно справедливые аргументы в пользу особенностей дискуссий в гуманитарных науках в их сопоставлении с дискуссиями, которые ведут специалисты по естественным наукам. Далее начинается собственно дискуссия, которая ведется со всей французской страстью и без существенной оглядки на традиции научных дискуссий в гуманитарных науках.

То, что в XXI веке по-прежнему можно верить в «национальный характер народов», может показаться неправдоподоб-

ным. Однако тот факт, что для его изучения чаще всего опираются на универсальную комбинаторику семантических атомов или «Алфавит человеческих мыслей» («Alphabetum Cogitationum humanorum») Лейбница, кажется еще более парадоксальным. Тот факт, что подобного рода спекуляции пользуются огромным успехом в Восточной Европе, причем не только у широкой публики, но и в научном дискурсе заслуженных и признанных лингвистов, заслуживает особого внимания.

В течение тридцати лет Анна Вежбицка – лингвист польского происхождения, работающий в Австралии, – пытается примирить между собой воззрения Лейбница и Гумбольдта посредством разработки теории «естественного семантического метаязыка», способного описать «мир смыслов» всех языков мира. Абсолютный универсализм на службе у крайнего релятивизма – эта поразительная гипотеза представляет собой основной объект данной работы при анализе эпистемологических основ, на которые опирается А. Вежбицка, в рамках более общей задачи выявления научных и идеологических посылок восточноевропейского дискурса о языке [Серио 2011].

В своей ответной публикации Анна Вежбицка стремится показать, что идеи Гумбольдта и его последователей кажутся ей значительно плодотворнее, чем методологический арсенал современной французской дискурсологии, на который опирается Патрик Серио. Главный предмет дискуссии обозначен уже в начальном абзаце глубоко полемичной статьи австралийского специалиста:

Имеет ли смысл думать, что русский язык несет в себе какую-то специфическую «картину мира» и что он отражает русскую культуру? Для многих лингвистов, и просто многих людей, ответ на эти вопросы очевиден: да, несет, да, отражает. Для некоторых других, однако, такой ответ не только не очевиден, а наоборот, глубоко ошибочен. В частности, так думает французский/швейцарский лингвист Патрик Серио [Вежбицкая 2008: 177].

Далее Анна Вежбицкая выражает свое отношение к тому, как П. Серио ведет полемику, к способам его аргументации, которые (это следует признать) не вполне типичны для лингвисти-

ческих дискуссий в нашей стране. Однако метафоры, сравнения и аллюзии австралийского профессора также не относятся к числу логически безупречных аргументов:

Тон, каким Серิโอ говорит о восточной Европе в целом и о России в частности, напоминает тот тон, каким президент Франции Ширак говорил о восточноевропейских странах, недавно принятых в Европейский союз («les nations mal élevées» – «дурно воспитанные нации»). Серิโอ не употребляет именно этих слов, но он намекает на что-то подобное, когда говорит, например, что «очень старая система ценностей немецкого романтизма массово представлена в консервативном мышлении, преобладающем в советской и постсоветской России», или когда он загадочно упоминает об «идеологических предпосылках дискурса о языке в восточной Европе». Такое «консервативное», «советское или постсоветское» и явно устаревшее мышление («дискурс о языке»), с темными идеологическими предпосылками, противопоставлено в статье Серิโอ настоящему современному мышлению явно авторитетных для него французских теоретиков, таких как Лакан (Lacan), Бурдьё (Bourdieu), Пешо (Pêcheux) [Вежбицкая 2008: 177].

Острая реакция Анны Вежбицкой вполне понятно, если учесть то, какие характеристики Патрик Серิโอ дает ее методологии, подходам к анализу языка, а также личным качествам оппонента. Ср.:

Мир А. Вежбицкой, полностью лишенный диалогизма, а также параметра социального взаимодействия, можно охарактеризовать как мир застывший и замороженный, как закрытый перечень культурных отображений, «лингвоспецифических ключевых понятий», как мир, в котором смысл является пленником. Кроме того, в нем также нет монологизма, поскольку за нас говорит язык. Как только означающее перестает быть независимым по отношению к означаемому, нельзя более говорить о существовании игры слов, поэзии, метафоры, оговорки или непонимания. Нельзя более говорить о существовании подлежащего, потому что больше нет ни высказывания, ни личной ответ-

ственности говорящего за свое высказывание, ни отображения сюжета в повествовании, ни конфликта, ни расхождений.

С помощью своей химеры о непосредственно значащем слове А. Вежбицка старается занять господствующее положение, представить себя единственным лингвистом, способным утолить нарциссическую боль, вызванную тем, что в языке есть что-то, чего мы не замечаем. По ее мнению, в языке нет недоступных нам закоулков, мы можем подвергнуть контролю все, что захотим, эксплицитовать имплицитное, сделать запутанное понятным, – все это благодаря ее семантическому метаязыку, который мерит все на свой аршин, будь то Нагорная проповедь [Wierzbicka 2001] или «деревянный язык» польской Коммунистической партии.

Если все-таки отвлечься от тона полемики, то нетрудно заметить, что А. Вежбицкая отстаивает представление о том, что русский язык отражает специфическую «картину мира» и что он отражает русскую культуру. В связи с этим А. Вежбицкая еще раз напоминает о том, что она в свое время предложила считать слова *душа*, *тоска*, *судьба* «ключевыми» для русской культуры [Wierzbicka 1990; Вежбицка 1996], и отмечает, что, несмотря на критику со стороны П. Серио, остается при своем мнении. Далее приводятся дополнительные аргументы.

*Имеет ли смысл говорить, что слова, подобные этим, «навязывают» некую картину мира носителям русского языка? Лично я бы сказала не «навязывают», а «подсказывают». Тщательные, серьезные исследования, такие как работа американского антрополога Дэйл Песмэн [Pesmen 2000], показывают, что, например, слово *душа* играет очень большую роль в речи всех, с кем она разговаривала в России в 1990–1994 годах. Как я пыталась показать в недавней работе, напечатанной в антропологическом журнале *Этос*, модель человека, связанная со словом *душа*, глубоко отличается от модели, связанной с английским понятием *mind*. Нет сомнения, что слово *mind* играет огромную роль в представлении о мире многих людей, для которых английский язык является родным. Особенно примечателен тот факт, что это слово играет большую роль в связанных с*

английским языком философии, психологии и лингвистике, и что многие ученые, жизнь которых протекает в сфере английского языка, не могут поверить, что *mind* – это не универсальное человеческое понятие, а конструкт одной культуры.

Можно ли сказать, что англосаксонская культура «навязывает» это понятие и связанную с ним модель всем говорящим по-английски? По моему мнению, все-таки нет: если очень стараться, можно говорить по-английски и не употребляя слово *mind*. Можно – но в действительности дело обстоит иначе: это слово употребляют очень широко и в разговорной речи, и даже в науке – психологии, философии и т. д., – не задумываясь говорят о человеке именно в терминах модели «*mind and body*», «*mind и тело*». В русском языке, как известно, существует широко употребляемое словосочетание *душа и тело* и нет сочетания *ум и тело*, в английском же языке существует *mind and body*, но почти нет *soul and body*. [Вежбицкая 2008: 179–181].

Представляется, что дискуссии по рассматриваемым проблемам будут продолжаться. Далеко не все специалисты согласны с мнением Анны Вежбицкой о том, что «в настоящее время общепринятым является положение о том, что каждый естественный язык по-своему членит мир, т. е. имеет свой специфичный способ его концептуализации. Это значит, что в основе каждого конкретного языка лежит особая модель, или картина мира, и говорящий обязан организовать содержание высказывания в соответствии с этой моделью» [Вежбицкая 2008: 186]. Аргументируя это положение, автор ссылается на мысли В. Гумбольдта, получившие позднее «свое крайнее выражение в рамках знаменитой гипотезы Сепира-Уорфа», а также на публикации Анны А. Зализняк, И. Б. Левониной, В. З. Санникова, Е. В. Урысон, А. Д. Шмелева, Е. С. Яковлевой и других современных российских специалистов. Весьма показательны и одно из заключительных положений, высказанных Анной Вежбицкой.

И все-таки, атаки вроде статьи Серюо, небесполезны: они должны напоминать исследователям «лингвистической картины мира» о том, как важны в этой области явные и хорошо обоснованные методологические принципы, поиски разного рода

лингвистических доводов, изучение частотности слов и вообще работа с корпусом, детальное исследование фразеологии, коллокаций, изучение опыта двуязычных и «двукультурных» людей, особенно «языковых мигрантов», и т. д. Прежде всего они должны помнить, как необходима для их исследований хорошо разработанная семантическая теория [Там же: 187].

Отметим также, что Анна Вежбицкая в своей ответной статье, по существу, проигнорировала основной вопрос Патрика Серิโอ: как и почему в ее концепции сочетаются «абсолютный универсализм (то есть теория семантических примитивов) и крайний релятивизм (неогумбольдтианство, то есть признание того, что язык влияет на национальную ментальность и картину мира). Вместо прямого ответа Анна Вежбицкая упрекает Патрика Серิโอ в искажении ее взглядов на семантические примитивы.

Я должна сказать, что мне очень трудно узнать свои собственные взгляды в изложении Серิโอ. Тот факт, что моя фамилия искажена в его статье одиннадцать (!) раз, весьма показателен: мои взгляды в его представлении искажены не менее часто. Приведу лишь несколько примеров таких искажений.

Итак, Серิโอ говорит, что количество единиц в наборе «семантических примитивов», постулируемых в моих работах, «колеблется» («oscille») между пятнадцатью и шестьюдесятью. На самом деле этот набор никогда не «колебался», а всегда возрастал согласно результатам эмпирических исследований (ср. [Goddard, Wierzbicka (eds) 1994; 2002]).

Серิโอ утверждает, что понятия «контроля» (contrôle) и «господства» (maîtrise), которые я якобы постоянно («constamment») употребляю и которые якобы являются опорой моей теории, сами никогда не подвергались толкованию. На самом деле эти термины никогда не появляются в моих толкованиях, и никакие утверждения на них не опираются.

Серิโอ утверждает, что «одна из основных идей А. Вежбицкой – любой форме соответствует какой-то смысл». Это неверно (ср. [Goddard, Wierzbicka (eds) 2002]). Идея (которую Серิโอ приписывает мне), что если у кого-нибудь нет в его языке слов (форм), чтобы что-то сказать, он не может этого

думать, тоже фантастична. Наоборот, я всегда утверждала, что каким-то образом и сказать и думать можно все, на любом языке, потому что все языки разделяют один и тот же набор семантических примитивов.

Надеемся, что публикация в нашем журнале «Политическая лингвистика» перевода статьи Патрика Серио поможет читателям лучше понять сущность его концепции, которая, как и теория А. Вежбицкой, имеет немало сторонников в самых различных научных сообществах. Представляется, что внимание специалистов еще долго будет притягивать обсуждение проблем реальности взаимодействия языка с мышлением и культурой соответствующего народа.

Не менее интересен и еще один круг вопросов, поставленных П. Серио. В какой мере традиционные черты русского характера и русской культуры проявляются в поведении «новых русских», отдыхающих в Куршевеле? Насколько для них значимы выделенные А. Вежбицкой «ключевые» концепты русской культуры – *душа, тоска, судьба*? И в какой мере они надеются на «*русское авось*» как еще один ключевой концепт нашей культуры? Было бы интересно также сравнить коммуникативные характеристики «новых русских» и «старых русских», которые по разным причинам приезжали во Францию из Российской империи или Советского Союза.

Полемика между П. Серио и А. Вежбицкой, по существу, продолжает давние дискуссии том, в какой мере национальный язык влияет на мышление и определяет особенности личностной картины мира. По мнению Э. В. Будаева, при анализе публикаций по политической метафорологии «выделяются две противоборствующие парадигмы: лингвокультурологическая парадигма и парадигма универсализма. Противопоставление названных парадигм основывается не столько на методах анализа, сколько на различиях в теоретическом видении целей этнокультурного сопоставления. Лингвокультурологическая парадигма призвана продемонстрировать, что национальная метафорика в одних своих аспектах отражает национальную культуру и национальный менталитет, в других – типична для определенного

цивилизационного пространства, а в-третьих – имеет общечеловеческий характер. Парадигма универсализма, опирающаяся на теорию воплощенного разума, теорию первичных метафор и нейронную теорию метафор, ставит целью не разграничение общего и специфичного, а поиск универсальных оснований политической метафористики в сочетании с нивелированием межкультурных различий» [Будаев 2010а: 12; 2010б: 22]. Разумеется, противоречия между парадигмой универсализма и лингвокультурологической парадигмой обнаруживаются не только в политической метафорологии.

Необходимо отметить, что критическое отношение к неогумбольдтианству, гипотезе лингвистической относительности Сэпира – Уорфа и иным концепциям, постулирующим зависимость мышления и поведения людей от их национального языка, характерно и для многих других зарубежных специалистов. Как показывает специальный обзор в журнале *Toronto Slavic Quarterly* (№ 32. Spring. 2010), поиск прямолинейных соответствий между национальным языком и национальным характером воспринимается как негативное явление, как политическая бестактность [Павлова, Безродный 2010: 75]. В связи с этим критически оцениваются работы как Анны Вежбицкой, так современных российских ученых, стремящихся выявить специфику русской языковой картины мира, охарактеризовать концепты, имеющие национальную специфику, и обнаружить «ключевые слова русской культуры». Это же относится к выводам Вежбицкой и ее последователей о русской иррациональности, неагентивности и фатализме, которые воспринимаются как преувеличенные, поверхностные, основанные на сложившихся стереотипах и покоящиеся на «контекстах услужливого характера» [Павлова, Безродный 2010: 76].

Заканчивая обзор дискуссии, считаем необходимым отметить, что мы (А. Чудинов и Е. Аникин) не считаем для себя возможным в полной мере принять точку зрения как П. Серию, так и А. Вежбицкой. Рациональное ядро содержится и в концепциях универсалистов, и в концепциях специалистов, которые акцентируют национальные особенности языковой картины мира. Первые напоминают о том, что люди – везде люди, и каждый разви-

тый язык создает возможности для оптимального выражения той или иной мысли. В соответствии со второй точкой зрения, национальный язык в значительной степени воздействует на мышление и, опираясь на анализ языка, можно выявить существенные особенности мышления людей, для которых этот язык является родным. Скорее всего, истина находится посередине, а учет использованных аргументов, использованных в процессе рассматриваемой полемики, будет способствовать формированию взвешенной и объективной точки зрения на рассматриваемые проблемы.

4.3. ДИСКУРСИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Вопрос об объеме понятия *политическая коммуникация* относится к числу дискуссионных: при узком подходе политической называется коммуникация, субъектом которой (автором текстов) являются политики (политические субъекты) [Шейгал 2004]. При широком подходе политическая коммуникация – это коммуникация, в которой политические субъекты выступают в качестве автора политического текста или его адресата [Чудинов 2006; Будаев 2010]. Различают следующие классификации политической коммуникации.

1. По характеру субъекта (автора, говорящего) выделяются следующие виды политической коммуникации:

- собственно политическая коммуникация (автор – политик);
- медийная политическая коммуникация (автор – журналист);
- непрофессиональная политическая коммуникация (автор – человек иной профессии, «избиратель», «представитель народа»).

2. По характеру адресата различаются следующие виды политической коммуникации:

- адресат-политик или политический субъект (государство, партия и др.);
- адресат, не относящийся к числу политических субъектов (читатель, зритель, «избиратель»).

Не менее важным является противопоставление индивидуального и массового адресата, а также обозначенного и необозначенного адресата. Как будет показано ниже, возможны случаи несовпадения обозначенного и реального адресата политического текста.

Еще одно важное противопоставление: тексты, обращенные к политическим единомышленникам, политическим оппонентам и «избирателям» (населению), которые не имеют единой политической позиции.

3. При сопоставлении устной и письменной речи выделяют:

- жанры устной речи (выступление на митинге, доклад, беседа, дебаты, речи (программа, листовка, газетная статья, письмо политическому интервью и др.);

– жанры письменной лидеру и др.).

4. При сопоставлении монологической и диалогической речи выделяют:

– монологические жанры (выступление на митинге, статья в газете);

– диалогические жанры (дискуссия, переговоры и др.).

5. По функциям различают:

– ритуальные жанры (инаугурационное обращение, приветственное слово и др.),

– ориентационные жанры (доклады, указы, договоры, соглашения);

– агональные жанры, содержащие призывы к борьбе (лозунг, листовка, выступление на митинге, речевка);

– информативные жанры (газетная информация, обращения граждан к политикам или в СМИ).

6. По объему информации среди жанров политической речи различают:

– малые жанры (лозунг, слоган, речевка);

– средние жанры (выступление на митинге или в парламенте, листовка, газетная статья и др.);

– крупные жанры (партийная программа, политический доклад, книга политической публицистики и др.).

7. По цели высказывания различают информативные, оценочные и императивные (призывающие к действию) жанры.

Информация, оценка и императив могут присутствовать в одном и том же тексте. Например, в агитационной предвыборной листовке обычно содержится информация о кандидате, его положительная оценка и призыв оказать ему доверие. Вместе с тем существуют тексты, в которых заметно преобладает один из названных выше жанровых признаков. Примером преимущественно информативного жанра могут служить автобиографические книги политических лидеров.

Всякий политический текст должен оцениваться только в дискурсе, то есть с учетом конкретных условий его создания и функционирования (Н. Д. Арутюнова, Е. С. Кубрякова). Особен-

но важны авторство текста и его адресность, время, место и цели его создания, стратегия и тактика автора.

Дискурсивные характеристики политических текстов изначально существенно отличаются от подобных характеристик иных текстов – научных, художественных, медицинских или педагогических. Рассмотрим ведущие дискурсивные характеристики в политической коммуникации.

Авторство политического текста. В истории литературы зафиксированы факты несоответствия официального автора текста и его подлинного создателя. Создатель текста, не желая выдавать или официально признавать свое авторство, может выступать под псевдонимом, представлять оригинальный текст как перевод, называть автором своего героя.

Известны и случаи, когда писатель (например, Александр Дюма) или человек, мечтающий о литературной славе, представляет себя как автора произведения, хотя в действительности он является только соавтором, редактором или заказчиком текста. Однако на современном этапе развития литературы в абсолютном большинстве случаев официальный автор текста и есть его подлинный создатель, права автора защищены законом, и человек, дорожающий своей репутацией, никогда не согласится поставить свою подпись под чужим текстом.

Случаи несоответствия между официальным автором текста и его реальным создателем известны и в научном дискурсе, хотя ученые значительно реже скрывают свое имя под псевдонимом или представляют свой текст без указания автора. Однако такие факты известны, и одним из ярких примеров могут служить первые публикации некоторых трудов М. М. Бахтина. Если не принимать во внимание криминальных ситуаций (например, заказные диссертации) и ситуаций полукриминальных (например, навязывание соавторства), то в современном научном дискурсе официальный автор, как правило, действительно является создателем текста.

Совершенно иные отношения между официальным автором текстом и его создателем существуют в политическом дискурсе, где **автором текста обычно считается тот, на кого ложится**

ответственность за этот текст. В штате крупного политического лидера, как правило, есть специалист по подготовке документов, в том числе по подготовке выступлений политика и иных подобных текстов. Политическое послание президента или другой важный документ по заданию руководителя может готовить большая группа специалистов. Однако озвучивая или подписывая текст, президент берет на себя ответственность за его содержание. Получателей текста интересует мнение президента, а не его помощников. И возможная критика содержащихся в документе положений и оценок, а также способов их выражения будет адресована президенту, а не его помощникам.

Многие политические документы формально вообще не имеют автора и обнародуются от имени государства или его структур, политических организации и движений (конституция страны, устав партии или ее программа). Соответственно, ответственность за содержание этих документов берут на себя правительство, парламент, политическая партия и другие подобные структуры. Формально анонимными (не имеющими официально указанного автора) часто являются листовки в поддержку кандидатов во время избирательной кампании, лозунги, используемые во время демонстраций, некоторые публикации в СМИ, однако у этих текстов тоже есть реальные создатели и заказчики.

В некоторых политических жанрах принято обозначать не только статусного автора текста, но и других участников его подготовки. Например, при публикации политических мемуаров указываются фамилии лиц, которые осуществляли «литературную обработку», «запись текста» или иным способом «помогали» автору. Но так делают не все. Например, Александр Коржаков, бывший телохранитель президента Б. Н. Ельцина, даже не упомянул в мемуарах своих помощников. А вот в книге «От первого лица. Разговоры с Владимиром Путиным» на второй странице указаны авторы – Н. Геворкян, А. Колесников, Н. Тимакова. Преобладающая часть текста в этом издании – это обстоятельные ответы В. В. Путина на вопросы, но он не представлен как автор и, следовательно, не несет ответственности за содержание книги.

- Итак, в политической коммуникации различают:
- тексты (с возможным соавторством);
 - авторские тексты без собственно обозначенного автора;
 - тексты со смещенным авторством.

Адресность политического текста. Организация текста в значительной степени зависит от его адресата. В истории литературы известны случаи, когда в качестве адресата художественного текста обозначался конкретный человек. Например, оды нередко адресовались властителям, философская проза нередко оформлялась как письма к другу или родственнику, а Д. Н. Мамин-Сибиряк создавал свои сказки для дочери. Однако современные художественные тексты, как правило, создаются в расчете на массового адресата или хотя бы на определенный круг читателей.

Научные тексты создаются в расчете на специалистов, способных их понять. Более широкому кругу читателей адресованы научно-популярные и научно-учебные тексты. Трудно представить реальный научный текст, который адресован лишь одному автору.

Для политической коммуникации наиболее характерен массовый и групповой адресат. На массового получателя информации ориентированы ритуальные жанры (инаугурационное обращение, радиообращение), ориентационные жанры (доклады, указы, соглашения) и агональные жанры (лозунг, рекламная речь). К числу жанров с групповым адресатом часто относятся обращения, листовки, выступления на митингах. Значительно реже встречаются политические тексты с индивидуальным адресатом: сюда относятся, например, телеграммы и письма граждан к политику, государственному лидеру или в средства массовой информации (к редактору, журналисту), а также ответы на эти обращения.

В зависимости от политической позиции адресата в политической коммуникации выделяются три основных разновидности адресата – политические единомышленники, политические оппоненты и «избиратели» (население), которые не имеют единой политической позиции.

Особое место в политической коммуникации занимают тексты со смещенным адресатом. В этом случае текст, формально адресованный одному адресату, реально предназначен для более широкой аудитории. Типичный пример подобного смещения – жанр «открытого письма». Уже сам факт обозначенной «открытости» свидетельствует о том, что текст предназначен не только тому, кто указан как адресат.

В зависимости от условий различают непосредственное обращение к адресату и коммуникацию с использованием средств массовой информации (печать, радио, телевидение и Интернет).

Итак, в политической коммуникации различают:

- тексты, ориентированные на индивидуального адресата;
- тексты, ориентированные на группового адресата;
- тексты, ориентированные на массового адресата;
- тексты со смещенным адресатом.

Общедоступность политической коммуникации и ее эзотеричность (понятность только специалистам). Политические тексты, казалось бы, должны быть максимально доступными для народа, политики постоянно говорят о своей близости к народу, о выражении его интересов. Чтобы народ поддерживал ту или иную политическую партию, речь ее лидеров должна быть понятна избирателям. Однако смысл многих политических текстов ясен только специалистам, которые понимают, не только, что сказал политик, но и то, как он это сказал и о чем он умолчал.

Например, политик призывает сократить налоги. Но это обычно означает сокращение государственных расходов, в том числе расходов на образование, охрану здоровья, строительство жилья и дорог.

И наоборот, если политик призывает увеличить зарплаты и пенсии, то придется увеличивать налоги.

Речь политика часто отличается смысловой неопределенностью высказывания. По словам знаменитого французского дипломата князя Талейрана, слова нужны дипломату для того, чтобы скрывать свои мысли. Этот афоризм относится и к политикам.

Политические лидеры во многих случаях вынуждены изъясняться в максимально обобщенной форме, употреблять слова и

выражения, которые различные адресаты понимают по-своему. Например, призывы М. С. Горбачева к перестройке были поддержаны подавляющим большинством населения страны, в том числе коммунистами во многом потому, что первоначально не были конкретизированы цели перестройки и пути ее осуществления. Если бы Горбачев сразу сказал, что цель перестройки – ликвидация коммунистической системы, то история могла бы сложиться совершенно иначе.

Существуют политические понятия и лозунги с максимально обобщенным содержанием. Так, призывы к свободе, демократии, социальной справедливости, патриотизму готовы поддержать все крупные политические партии в цивилизованных странах. Но многие из этих партий по-своему объясняют сущность политической свободы, демократии, социальной справедливости и патриотизма. Например, советские руководители уверяли весь мир (и, возможно, сами в это верили), что Советский Союз – это самая свободная страна в мире, но в выступлениях многих зарубежных лидеров говорилось о порабощенных народах России. Возможности различного понимания смысла одних и тех же слов создают условия сокрытия подлинного смысла политического текста.

Ритуальность и информативность политической коммуникации. По общему правилу, политические тексты должны быть максимально информативными, то есть реализующими коммуникативную функцию. Однако политическая коммуникация нередко оказывается ритуальной, то есть такой, для которой характерны фиксированность формы и отсутствие установки на новизну содержания.

Например, в Свердловской области ежегодно вручают губернаторские премии лучшим профессорам, доцентам и преподавателям. Всегда 12 премий: по гуманитарным, естественным, техническим и психолого-педагогическим наукам.

Ритуал один и тот же. Сначала вступительное слово губернатора, где он говорит об успехах вузов. Затем зачитывается текст указа. Далее помощник передает губернатору диплом, он вручает диплом профессору, красивая девушка дополнительно

преподносит цветы. Профессора фотографируют рядом с губернатором. Профессор благодарит губернатора и родной вуз. Заканчивая церемонию, губернатор приглашает на фуршет.

Основная задача ритуальной коммуникации – фиксация своей приверженности существующим правилам и подтверждение своей социальной роли. Губернатор заботится о науке. Ученые благодарны власти. Вполне возможно, что не все благодарны, но вручение премий – это не место для дискуссий. Это как тост на юбилее: о виновнике торжества говорим только хорошее. С этой точки зрения ритуал противопоставлен диалогу как свободному обмену мнениями.

В Советском Союзе существовали стабильные традиции проведения партийных мероприятий. Все знали, кто, что, когда и в какой форме должен сказать. А также кто и как должен отреагировать на слова выступающего (бурные аплодисменты, просто аплодисменты, выступления в прениях, последующая организация собраний для выражения поддержки и др.).

Современная политическая коммуникация часто бывает не менее ритуальной, но сейчас изменились ритуальные правила и роли. Современный ритуал – это исполнение ролей «патриота», «центриста», «рыночника», «ортодоксального коммуниста», «народного заступника», «поборника прав человека», активиста движения зеленых и др. Например, если намечается строительство нефтепровода для экспортных операций, то можно заранее предположить, что одни политики будут говорить о загубленной природе, другие – о распродаже сырьевых ресурсов и превращении России в сырьевой придаток Запада, третьи – о выгодах экономического сотрудничества, а четвертые – о том, что полученные за проданную нефть деньги все равно разделят бюрократы и олигархи, а народ останется обездоленным.

Ритуальность может проявляться в различной степени: существуют ситуации, когда политическая коммуникация абсолютна ритуальна, но во многих других случаях ритуальность минимальна, и коммуниканты стремятся сделать свое выступление нестандартным по форме и максимально информативным по содержанию.

Институциональность и личностный характер политической коммуникации. Разграничивают два ведущих вида дискурса: персональный (личностный) и институциональный. В первом случае говорящий выступает как личность, со всеми присущими ей индивидуальными характеристиками и особенностями.

Во втором случае говорящий выступает как представитель определенного социального института и как носитель определенного социального статуса. Это предопределяет соблюдение установленных статусно-ролевых и ситуационно-коммуникативных норм.

Политическая коммуникация преимущественно институциональна: это означает, что общение происходит не между конкретными людьми, а между представителем одного социального института (правительства, парламента, общественной организации, муниципалитета и т. п.) и представителем другого социального института или «гражданином», «избирателем».

В каждом социальном институте существует определенный стандарт поведения. Соответственно, принадлежность человека к каждому социальному институту предопределяет соблюдение им правил поведения, существующих для каждой формы политического коммуникативного взаимодействия (митинг, парламентская полемика, работа в парламентских комитетах, интервью, встреча с избирателями, поздравление, награждение и др.).

В институциональном общении, в отличие от личностного, жестко зафиксирован статус каждого коммуниканта (избиратель, депутат, представитель общественной неполитической организации, лидер партии и др.), его политическая роль (например, представитель правящей партии, представитель конструктивной или непримиримой оппозиции, государственный служащий определенного ранга).

Социальный институт предопределяет строгую систему целесообразно ориентированных стандартов поведения в тех или иных ситуациях, и эти стандарты имеют иной характер, чем при личностном общении. Например, если политическое обращение адресовано «Министру образования и науки Российской Федерации А. А. Фурсенко», то ответить на него в той или иной форме может не только сам министр, но и его заместитель, поскольку в

данном случае социальный статус важнее личностного. Совсем иначе обстоит дело в личностной коммуникации: на личное письмо родственников к Фурсенко в каких-то ситуациях от имени семьи может ответить жена или сын министра, но этого не будет делать его заместитель.

В каждом языке существуют специальные языковые средства, сигнализирующие об институциональном или личностном характере коммуникации, о ситуации и о социальных ролях коммуникантов. Например, в русской речи очень показателен выбор обращения: в зависимости от ситуации политический лидер обращается к «дорогим товарищам», к «господам», к «россиянам», к «соотечественникам» или к «уважаемым избирателям».

Уровень институциональности сокращается в жанрах, совмещающих признаки публицистического, личностного и политического дискурса, особенно в тех ситуациях, когда политические проблемы отражаются в средствах массовой информации с использованием специальных жанров (репортаж, фельетон, колонка обозревателя и др.). Вместе с тем во многих случаях даже политики стремятся сделать свое выступление более естественным, приближающимся по своим внешним признакам к бытовому диалогу. Примером может служить следующий фрагмент из парламентского выступления писателя-депутата Чингиза Айтматова:

«Вот здесь сидит мой друг Алесь. Я к Адамовичу обращаюсь. Мы с тобой, Алесь, старые друзья, мы с тобой понимаем друг друга с полуслова... Поэтому не время сейчас, Алесь дорогой, терзать собственные души и вводить какую-то смуту...»

Такое построение речи производит впечатление особой доверительности, искренности, позволяет сказать больше, чем это позволяет официальная обстановка.

Редукционизм и полнота информации в политическом тексте. Реальная политическая действительность редко может быть объективно охарактеризована с использованием только черных и белых красок. В деятельности любой партии можно найти как достижения, так и неудачи, среди партийных лидеров встречаются не только кристально чистые и чрезвычайно талантливые

люди, но и политики с изъянами в моральной, деловой или волевой сфере. В прошлом нашей страны были и блестящие победы, и обидные неудачи.

Однако в политической коммуникации, особенно в периоды обострения политической борьбы, нет места детальному объективному анализу. Особенно показательны тексты, созданные в периоды избирательных кампаний. Один и тот же кандидат в депутаты изображается то безупречным рыцарем со светлой головой и большим опытом, то преступником, рвущимся к власти в корыстных целях и не способным осознать, какую ответственность он пытается взвалить на свои слабые плечи. В одних публикациях советское прошлое нашей страны предстает как сплошной ГУЛАГ, а в других – как победный марш энтузиастов, руководимых мудрыми вождями. Рассматриваемую особенность политической коммуникации называют редукционизмом политического дискурса, бинарностью ценностных оппозиций или схематизацией политической коммуникации.

Редукционизм – естественная черта политической коммуникации. Политическая речь рассчитана на массового адресата, в идеале текст листовки, предвыборный слоган и другие подобные материалы должны быть понятны всем читателям. Между тем еще древние риторы говорили, что излишняя детализация способна затуманить суть проблемы, особенно в сознании малоподготовленного человека. Хорошо известно, что в науке и искусстве вопрос об истинности теорий и гениальности их создателей не должны решаться голосованием, особенно если в таком голосовании примут участие профаны. В политике судьбоносные для государства решения принимаются как раз путем всеобщих выборов, большинство участников которых не являются профессиональными политиками.

Степень редукционизма в значительной степени зависит от жанра текста, его автора, адресата и политической ситуации. Максимальная степень редукции характерна для малых жанров (слоган, тезисы, листовка, плакат); предполагается, что максимально взвешенным и многоаспектным изложение должно быть в аналитических материалах для внутрипартийного пользования.

Степень редуционизма выше в текстах, ориентированных на массового адресата, и ниже в текстах, предназначенных для специалистов. Редуционизм политической коммуникации особенно усиливается в периоды обострения политической борьбы. Замечено, что наиболее категоричны в своих высказываниях политики крайне левых и крайне правых взглядов.

Редуционизм проявляется в политической коммуникации самых различных стран, но, возможно, он особенно характерен для России. Академик Д. С. Лихачев справедливо отмечал такие черты русского менталитета, как тенденция к крайностям, к биполярному черно-белому мышлению, нелюбовь к компромиссам. В нашей политической жизни это проявляется в виде однозначных характеристик: свой или чужой, правильный или неверный, хорошо или плохо, патриотизм или космополитизм, а это лишает характеристики оттенков и нюансов.

Стандартность и экспрессивность в политической коммуникации. Еще полвека назад В. Г. Костомаров выделил как основную черту газетного языка постоянное взаимодействие экспрессии и стандарта [Костомаров 1971]. Подобное свойство характерно и для политической коммуникации.

Экспрессивность высказываний предполагает максимальное использование выразительных средств, что делает восприятие текста интересным для адресата, придает тексту эстетическую значимость. К числу выразительных средств относят разнообразные стилистические фигуры (антитеза, инверсия, эллипсис, сравнение и др.), средства экспрессивного синтаксиса, окказиональные слова, трансформация фразеологизмов и др. Сюда же относятся метафорические и метонимические обозначения, особенно в тех случаях, когда наблюдается яркая образность, необычность словоупотребления.

Стандартность высказываний обеспечивает их доступность для самого широкого круга читателей и слушателей. При восприятии текста с высокой степенью стандартности людям не надо тратить много усилий для уяснения смысла. В подобных текстах используется преимущественно общеупотребительная высокочастотная лексика; стандартность предполагает также преимуще-

ственное использование слов именно в тех значениях, которые зафиксированы толковыми словарями. К числу рассматриваемых средств относятся также «стертые», потерявшие образность метафоры, превратившиеся в штампы. Тексты, насыщенные подобными средствами и лишённые выразительности, часто воспринимаются как «серые, «безликие», малоинтересные.

Соотношение экспрессии и стандарта на разных этапах развития политической коммуникации может быть неодинаковым. Так, среди типичных признаков советского «новояза» называли его высокую стандартизованность и осторожное отношение к использованию выразительных средств. Для современного политического языка характерно противоположное соотношение экспрессии и стандарта: мы живём в период высокой степени экспрессивности политической коммуникации, это особенно относится к текстам, создаваемым левыми и правыми экстремистами.

Важно подчеркнуть, что сами по себе стандартизованность или экспрессивность политического текста не должны оцениваться как положительные или отрицательные качества: вполне стандартные выражения есть даже в только что процитированном тексте (*возрождение России, олицетворение идеи порядка* и др.), элементы экспрессивности присутствовали даже в докладах Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева. Разным может быть только соотношение между стандартностью и экспрессией, что зависит от политической эпохи, жанра, индивидуальности автора и множества других дискурсивных характеристик.

Диалогичность и монологичность политического текста. Современный политический текст часто строится и воспринимается как своего рода диалог с другими людьми, текстами и культурами. Автор развивает и детализирует высказанные ранее идеи, полемизирует с ними, даёт свою интерпретацию фактов. Политическая речь диалогична по своей природе, она ориентирована не столько на самовыражение, сколько на воздействие. Политик, в отличие от литератора, не может писать только «для избранных», «для интеллектуалов» и с презрением отвергать «чёрнь». Талантливый политик способен вступать в диалог со всеми слоями общества.

Существуют по меньшей мере три ведущих формы диалогичности. Первая из них – это собственно диалогичность, при которой в создании текста участвуют несколько говорящих. Если советские лидеры предпочитали монологический стиль общения и постоянно выступали с длительными речами и докладами, то современные политики значительно большее внимание уделяют речевому общению в виде бесед, интервью, пресс-конференций или дебатов со своими политическими оппонентами.

Вторая форма диалогичности – это диалоги «на расстоянии»: в этом случае политический лидер отвечает на заранее присланные вопросы или комментирует высказывания иных политиков, дает оценку существующим точкам зрения. Диалог становится более престижным, а поэтому диалогичные по форме фрагменты все чаще встречаются в устных и письменных монологических текстах (публицистических книгах, предвыборных программах и др.).

Третьей формой диалогичности политической речи является интертекстуальность, представляющая диалог культур во времени и пространстве. Современный политический текст часто оказывается насыщенным множеством скрытых и откровенных цитат, реминисценций, аллюзий, метафор; его полное восприятие возможно только в дискурсе, с использованием множества фоновых знаний из различных областей культуры. Использование в тексте прецедентных культурных знаков делают изложение более интеллектуальным, формируют новые смыслы, вводит текущие события в общеисторический и культурный контекст. Эти культурные знаки позволяют сделать сообщение более ярким, привлекающим внимание и одновременно ввести в изложение некоторые элементы языковой игры, предложить читателям для кого-то прозрачную, для кого-то достаточно сложную загадку.

Каждый прецедентный феномен в тексте – это знак бесконечного диалога различных сфер культуры, различных ее поколений. Одновременно это показатель интеллектуального уровня автора и его оценки возможностей адресата. Творческая индивидуальность автора, автономность текста проявляются в удачном отборе элементов интертекстуальности, в умелом отборе самых

компонентов из предшествующего опыта человечества для создания нового оригинального текста.

Явная и скрытая оценочность в политической коммуникации. Политическая коммуникация всегда несет в себе не только информацию, но и оценку рассматриваемых реалий. Это объясняется тем, что задача автора часто связана не столько с объективным описанием ситуации, сколько с убеждением адресата и побуждением его к политическим действиям. Ведущим средством этого побуждения служит оценка субъектов политической деятельности, политических институтов, ситуаций и действий.

Оценка в политическом дискурсе может проявляться в прямой или скрытой форме. Оценка дифференцируется по своему рода шкале: положительная оценка (в большей или меньшей степени), нейтральная оценка и отрицательная оценка (со множеством нюансов).

Агрессивность и толерантность в политической коммуникации. Политическую деятельность отличает постоянная диалектика агрессивности, решительной борьбы за свои идеи и толерантности, терпимости к идеям и поступкам политических единомышленников, союзников и соперников.

С одной стороны, политик не может действовать в одиночку, а следовательно, он должен быть терпимым к инакомыслию. С другой стороны, политическая деятельность – это всегда борьба с оппонентами за достижение и удержание власти. В тоталитарном обществе политических оппонентов уничтожают физически, лишают их гражданских прав и возможности заниматься политической деятельностью. В демократическом обществе политических соперников стремятся отстранить от власти путем их дискредитации в социальном сознании.

Агрессивность политической коммуникации резко возрастает в периоды, когда политическое решение должны принять широкие массы граждан (выборы, референдум, политические демонстрации и др.). Вместе с тем агрессивность заметно снижается, когда политические соперники вынуждены действовать совместно (например, при работе в парламенте, при необходи-

мости бороться со стихией или противостоять давлению из-за рубежа). Коммуникативная (вербальная и невербальная) агрессивность обычно растет параллельно с социальным напряжением в обществе.

В настоящей статье рассмотрены далеко не все типичные свойства политического дискурса, отличающего его от дискурса научного и художественного или бытового. Не меньший интерес представляет и сопоставление политического дискурса с иными видами дискурса (бытовым, педагогическим, медицинским, журналистским и т. п.). Все это свидетельствует о необходимости дальнейшего исследования специфики политической коммуникации в ее соотношении с иными типами коммуникации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Политическая лингвистика – одно из наиболее интенсивно развивающихся направлений современной филологии, что объясняется возрастающим интересом общества к использованию языка в сфере политической коммуникации. Использование когнитивно-дискурсивной методологии, для которой всегда был характерен мультидисциплинарный характер, позволяет обнаружить новые закономерности в организации и функционировании современного политического дискурса.

При определении составляющих метафорической модели было обнаружено, что для ее описания особенно важно охарактеризовать следующие признаки: сферу-источник и сферу-мишень метафорической экспансии, характер взаимосвязи указанных сфер, ведущие фреймы, слоты и сценарии, степень частотности и развернутости, основные концептуальные векторы и прагматический потенциал модели.

За основу для систематизации моделей можно взять как понятийную сферу – источник метафорической экспансии, так и понятийную сферу метафорического притяжения (сферу-мишень), но это будут совершенно различные классификации. Например, если анализировать понятийную сферу «Экономика» как источник политических метафор, то выделяются фреймы «Деньги (капитал) и товары», «Субъекты экономической деятельности», «Экономическая деятельность», «Экономическая оценка». Если же анализировать сферу «Экономика» как центр притяжения метафор, то обнаруживаются обширные разряды метафор, восходящих к понятийным сферам «Человеческий организм», «Мир животных», «Война», «Криминал» и др., в каждой из которых обнаруживается оригинальная система фреймов и слотов. При понятийной классификации сфер, служащих источниками метафорической экспансии в сферу «Политика», на первом этапе классификации выделяются четыре основные субсферы – «Человек», «Природа», «Артефакты», «Социум». При понятийном анализе сфер, служащих мишенями политической мета-

форы, обнаруживается, что метафорическая категоризация присуща всем областям политического мира.

Историческая динамика и вместе с тем относительная стабильность как, казалось бы, противоречивые признаки политической метафорики, обуславливают ее целостное развитие. Метафорические бури в политической коммуникации закономерно сменяются метафорическими затишьями, которые иногда напоминают штилы. Метафорические бури нередко связаны с изменением взаимоотношений между моделями, с доминированием той или иной модели в соответствующем дискурсе.

Методологическая база современной политической метафорологии максимально разнообразна, она существенно изменяется вместе с общими методологическими преобразованиями в гуманитарной науке и существенно различается в отдельных мегарегионах (Северная Америка, Западная и Центральная Европа, постсоветское пространство). В последние десятилетия в политической метафорологии все заметнее доминирование когнитивной методологии и дискурсивных методик, однако очень многие специалисты по-прежнему активно используют ресурсы риторического и системно-языкового методов. По-прежнему используются также методики, связанные с психолингвистикой, нейропсихологией и нейролингвистикой, лингвокультурологией, корпусной методологией и другими научными направлениями.

Политическая метафорология тесно связана с общими проблемами политической лингвистики и характерными для нее методами, принципами, приемами и эвристиками. Когнитивно-дискурсивный анализ показывает, что представленные в современном российском политическом дискурсе метафорические модели в одних своих аспектах отражают национальную культуру и национальный менталитет, в других – типичны для «западного» (европейско-американского) культурного пространства, а в третьих – имеют общечеловеческий характер. Эти метафоры, с одной стороны, традиционны, связаны с историей развития российского общества и русского языка, а с другой – тесно связаны с текущей политической ситуацией, погружены в дискурс.

Российская политическая метафорика в конце прошлого века последовательно создавала крайне негативный образ родной страны, в последние годы положение начало существенно изменяться. Вместе с тем анализ политической метафорики позволяет предсказать, что уже в ближайшее время метафорическое затишье может смениться новыми метафорическими бурями, которые станут предвестниками бурных политических процессов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Александрова О. В. Когнитивно-прагматические особенности построения дискурса в СМИ // Язык массовой информации как объект междисциплинарного исследования. – М., 2001.

Алексеева Л. М. Метафоры, которые мы выбираем: (Опыт описания индивидуальной концептосферы) // С любовью к языку: Сб. науч. тр. – Москва; Воронеж, 2002.

Алексеева Л. М., Мишланова С. Л. Медицинский дискурс: Теоретические основы и принципы анализа. – Пермь, 2002.

Амиров В. М. Агитационный предвыборный свертхтекст: Организация содержания и стратегии реализации: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2002.

Андерсон Р. Каузальная сила политической метафоры // Будаев Э. В., Чудинов А. П. Зарубежная политическая лингвистика: учеб. пособие. – М., 2007.

Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. – М., 1990.

Арутюнова Н. Д. Функциональные типы языковой метафоры // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1978. № 4.

Багичева Н. В. Россия – мать или мачеха? (Метафорическое моделирование образа Родины) // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2000. Т. 5.

Базылев В. Н. Национальная идентичность: фрагмент русской общественно-политической мысли // Известия Уральского государственного педагогического университета. Лингвистика. Выпуск 16. – Екатеринбург, 2005.

Базылев В. Н. Политик в интеллектуальном контексте эпохи // Политический дискурс в России–6: Материалы постоянно действующего семинара. – М., 2002.

Бакумова Е. В. Ролевая структура политического дискурса: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2002.

Бакумова Е. В. Социальные роли российских политиков // Вопросы филологии и лингводидактики. – Волгоград, 2001.

Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. – М., 2001.

Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора: Материалы к словарю. – М., 1991.

Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Словарь русских политических метафор. – М.: Помовский и партнеры, 1994.

Баранов А. Н. Политическая метафорика публицистического текста: Возможности лингвистического мониторинга // Язык массовой информации как объект междисциплинарного исследования. М., 2001.

Баранов А. Н. Политический дискурс: Прощание с ритуалом // Человек. 1997. № 6.

Баранов А. Н. Речевое воздействие и аргументация // Рекламный текст. Семиотика и лингвистика. – М., 2000.

Баранов А. Н. Языковые игры времен перестройки: (Феномен политического лозунга) // Русистика. 1993. № 2.

Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Постулаты когнитивной семантики // Известия АН. Сер. лит. и яз. 1997. Т. 56. № 1.

Баранов А. Н., Казакевич Е. Г. Парламентские дебаты: Традиции и новаторство. – М., 1991.

Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора: Материалы к словарю. – М., 1991.

Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Словарь русских политических метафор. – М., 1994.

Белова Е. Н. Структура и семантика аргументативного дискурса (на материале слушаний комитетов конгресса США): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 1995.

Белов Е. С. Метафоры внешнеполитического дискурса России и США : Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2011.

Бельчиков Ю.А. Из наблюдений над русским литературным языком эпохи Великой Отечественной войны // Филологические науки. 2000. № 6.

Бердяев Н. Судьба России. – М., 1990.

Болотова Е., Цинкен Й. Русская и немецкая Европа: Исследование структуры миров культурных представлений в русской и немецкой прессе // Язык массовой информации как объект междисциплинарного исследования. – М., 2001.

Будаев Э. В. Постсоветская действительность в метафорах российской и британской прессы. – Нижний Тагил, 2007.

Будаев Э. В. Основы когнитивно-дискурсивного анализа политической метафоры. – Нижний Тагил, 2012.

Будаев Э. В. Сопоставительная политическая метафорология: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Екатеринбург, 2011.

Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политическом интердискурсе. – Екатеринбург, 2006.

Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политической коммуникации. – М.: Флинта: Наука, 2008а.

Будаев Э. В., Чудинов А. П. Зарубежная политическая лингвистика. – М.: Флинта: Наука, 2008б.

Будаев Э. В., Чудинов А. П. Когнитивные и риторические истоки «Метафор, которыми мы живем» // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2006а. № 6. – Лингвистика. Вып. 3.

Будаев Э. В. Сопоставительная политическая метафорология: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Екатеринбург, 2010.

Будаев Э. В. Сопоставительная политическая метафорология. Монография. – Нижний Тагил, 2011.

Будаев Э. В., Чудинов А. П. Методологические грани политической метафорологии // Политическая лингвистика. – 2007. № 1.

Будаев Э. В. Политическая метафорология: ракурсы сопоставительного анализа // Политическая лингвистика. – 2010. № 1.

Вайнрих Х. Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987.

Ван Дейк Т. А. Критический анализ дискурса // Перевод и лингвистика текста. – М., 1994.

Васильев А. Д. Слово в телеэфире: Очерки новейшего словоупотребления в российском телевидении. – Красноярск, 2000.

Вежбицкая А. Язык, культура, познание. – М., 1996.

Вежбицкая А. Имеет ли смысл говорить о «русской языковой картине мира»? (Патрик Серियो утверждает, что нет) // Динамические модели. Слово, предложение, текст. Сборник статей в честь Е. В. Падучевой. – М.: Языки Славянских культур, 2008.

Вежбицка А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке // Русский язык в научном освещении. 2002. № 2 (4).

Вежбицка А. Понимание культур через посредство ключевых слов. – М., 2001.

Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. – Екатеринбург, 2002.

Вершинина Т. С. Зооморфная, фитоморфная и антропоморфная метафора в современном политическом дискурсе: Автореф. ... дис. канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2002.

Веснина Л. Е. Метафорическое моделирование миграции (по материалам российских печатных СМИ и данным ассоциативного эксперимента): Автореф. ... дис. канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2011.

Водак Р. Язык. Дискурс. Политика. – Волгоград, 1997.

Володина М. Н. Теория терминологической номинации. – М., 1997.

Володина М. Н. Язык массовой коммуникации – основное средство информационного воздействия на общественное сознание // Язык массовой информации как объект междисциплинарного исследования. – М., 2001.

Гвишиани Н. Б., Герви О. Ю. Корпусная лингвистика и грамматика речи // Вестник МГУ. Филология. – 2001. № 2.

Григорьева О. В. Метафорическое моделирование дихотомии «Свое – Чужое» в контркультурной рок-лирике США и СССР: Автореф. ... дис. канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2010.

Григорьева О. Н. Политический театр современной России (взгляд филолога) // Интернет-журнал «Полемика». Публикации Irex-Russia, 2001. № 9.

Григорьева О. Н. Цвет и запах власти: (Семантика ощущений в языке СМИ) // Язык массовой информации как объект междисциплинарного исследования. – М., 2001.

Гришаева Л. И. Россия в зеркале немецкой прессы: Путь к взаимопониманию народов? // XXI век без войны и насилия?!: материалы междунаро. науч. конференции. – Воронеж, 2002.

Гудков Д. Б. Тексты политического дискурса и национальный миф // Язык массовой информации как объект междисциплинарного исследования. – М., 2001.

Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. – М., 1989.

Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. – 1994. № 4.

Демьянков В. З. Событийность в языке средств массовой информации // Язык массовой информации как объект междисциплинарного исследования. – М., 2001.

Демьянков В. З. Политический дискурс как объект политологической филологии // Политическая наука / Отв. ред. и сост. В. И. Герасимов, М. В. Ильин. – М., 2002. № 3.

Ерилова С. Л. Метафоризация как способ смыслопорождения в политическом дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2003.

Желтухина М. Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – М., 2004.

Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. – М., 2005.

Кабаченко Е. Г. Метафорическое представление ведущих концептов педагогического дискурса: Автореф. ... дис. канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2007.

Каган Е. Б. Метафорические заголовки в российских, американских и британских СМИ: когнитивный, текстовый и психолингвистический аспекты: Автореф. ... дис. канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2013.

Какорина Е. В. Стилистический облик оппозиционной прессы // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – М., 1996.

Карасик В. И. Языковой круг: Личность, концепты, дискурс. – Волгоград, 2002.

Каслова А. А. Метафорическое моделирование в политическом нарративе «Федеральные выборы» в США и России (2000 г.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2003.

Керимов Р. Д. Артефактная концептуальная метафора в немецком политическом дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 2005.

Кобозева И. М. Семантические проблемы анализа политической метафоры // Вестник Московского университета. – Сер. 9. Филология. – 2001. № 6.

Колотнина Е. В. Метафорическое моделирование действительности в русском и английском экономическом дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2002.

Колтышева С. Я. Метафорическое моделирование образа шоу-бизнеса в российском и американском массмедийном дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2009.

Коптякова Е. Е. Образ Германии в российской и американской медиа-картинах мира: стереотипы и метафоры: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2009.

Костомаров В. Г. Русский язык на газетной полосе. – М., изд. МГУ, 1971.

Красильникова Н. А. Метафорическая репрезентация лингвокультурологической категории СВОИ – ЧУЖИЕ в экологическом дискурсе США, России и Англии: дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2005.

Кропотухина П. В. Фитоморфная метафора в современном политическом дискурсе России, США и Великобритании: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2011.

Кубрякова Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: Лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. 1994. № 4.

Кубрякова Е. С. О разных подходах к изучению СМИ // Язык массовой информации как объект междисциплинарного исследования. – М., 2001.

Кубрякова Е. С. Семантика в когнитивной лингвистике // Известия АН. Сер. лит. и яз. 1999. Т. 58. № 5–6.

Лайдинен Н. В. Образ России в зеркале общественного мнения // Социс. 2001. № 4.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М., 2004.

Михальская А. К. Язык российских СМИ как манипулирующая система // Язык массовой информации как объект междисциплинарного исследования. – М., 2001.

Мишланова С. Л. Метафора в медицинском дискурсе. – Пермь, 2002.

Мохова Е. К. Метафорическая репрезентация категории «Свои – Чужие» в президентском дискурсе Барака Обамы, Никола Саркози и Уго Чавеса: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2011.

Моисеева Т. В. Метафорическое моделирование образа России в американских СМИ и образа США в российских СМИ: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2007.

Нахимова Е. А. Аспекты когнитивного исследования имени собственного // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. № 2.

Нахимова Е. А. Историческая динамика прецедентных онимов: окказионализмы, неологизмы, архаизмы и историзмы // Политическая лингвистика. – 2012. № 1.

Никифорова Л. К. Метафорическая репрезентация «прошлого», «настоящего» и «будущего» атомной энергетики в политическом дискурсе России, Франции и Германии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2010.

Никонова М. Н. Антропологизация техницизмов в современном русском языке (к проблеме образа человека в русской языковой картине мира): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Омск, 2004.

Ольховикова Ю. А. Метафорические модели со сферой-источником «Неживая природа» в американском и немецком политическом дискурсе: Автореф. ... дис. канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2009.

Павлова А., Безродный М. Хитрушки и единорог: Образ русского языка от Ломоносова до Вежбицкой // Toronto Slavic Quarterly, № 32 – Spring, 2010.

Паршин П. Б. Исследовательские практики, предмет и методы политической лингвистики // Scripta linguisticae applicatae = Проблемы прикладной лингвистики. – М., 2001.

Паршин П. Б. Теоретические перевороты и методологический мятеж в лингвистике XX века // Вопросы языкознания. 1996. № 2.

Плунгян В. А. Зачем нужен национальный корпус русского языка? Неформальное введение // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. Результаты и перспективы. – М., 2005.

Перескокова А. Ю. Метафорическое моделирование образа российских и американских средств массовой информации: рефлексивный аспект: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2006.

Плаксина Е. Б. Метафорические заголовки во французской и русской прессе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2007.

Рассохина М. В. Метафора в языке социологической теории. – М., 2001.

Руженцева Н. Б. Дискредитирующие тактики в газетно-журнальном политическом дискурсе // Языковая игра как вид лингвокреативной деятельности. Формирование языковой личности в онтогенезе. – Екатеринбург, 2002.

Ряпосова А. Б. Метафорические модели с агрессивным прагматическим потенциалом в политическом нарративе «Российские федеральные выборы (1999–2000 гг.)»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2002.

Салатова Л. М. Метафорическое моделирование экономического кризиса 2008 года в массмедийных дискурсах России и США: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2013.

Серио П. Оксюморон или недопонимание? Универсалистский релятивизм универсального естественного семантического метаязыка Анны Вежбицкой // Политическая лингвистика. – 2011. № 1.

Серио П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса / Под общ. ред. П. Серио. – М., 1999.

Серио П. Лингвистика и биология. У истоков структурализма: биологическая дискуссия в России // Язык и наука 20 века. / Под ред. Ю. С. Степанова. – М., 1995.

Серио П. О языке власти: критический анализ // *Философия языка: в границах и вне границ* / Ю. С. Степанов, П. Серио, Д. И. Руденко и др. – Харьков, 1993. Т. 1.

Серио П. От любви к языку до смерти языка // *Политическая лингвистика*. – 2009. № 1 (27).

Серио П. Русский язык и анализ советского политического дискурса: анализ номинализаций // *Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса*. – М., 2002.

Серио П. Деревянный язык, язык другого и свой язык. Поиск настоящей речи в социалистической Европе 1980-х годов // *Политическая лингвистика*. – 2008. № 2 (25).

Салатова Л. М. Метафорическое моделирование экономического кризиса 2008 года в массмедийных дискурсах России и США: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2013.

Санцевич Н. А. Моделирование вариативности языковой картины мира на основе двуязычного корпуса публицистических текстов (метафоры и семантические оппозиции): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2004.

Седов А. Е. История генетики, запечатленная в метафорах ее языка // *Проблемы социолингвистики и многоязычия*. – М., 1997. Вып. 1.

Серебрянников В. В. Косовская и чеченская война в сознании России и Запада // *Социс*. 2000. № 10.

Скляревская Г. Н. Метафора в системе языка. – СПб., 1993.

Скляревская Г. Н. Языковая метафора в толковом словаре: Проблемы семантики: (На материале русского языка). – М., 1988. Ч. 1–2.

Сковородников А. П. Лингвистическая экология: Проблема становления // *Филологические науки*. – 1996. № 2.

Скребцова Т. Г. Когнитивная лингвистика. Курс лекций. – Санкт-Петербург, 2011.

Скребцова Т. Г. Метафоры современного российского внешнеполитического дискурса // *Respectus philologicus*. – 2002. № 1.

Соколовская Т. Б. Языковая личность политического лидера (на материале газет новейшего времени): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2002.

Солопова О. А. Метафорическое моделирование образов «прошлого», «настоящего» и «будущего» в дискурсе парламентских выборов России (2003 г.) и Великобритании (2001 г.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2006.

Степаненко А. В. Лингвокогнитивные особенности функционирования метафоры в политическом дискурсе: (На материале русского и немецкого языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2002.

Стрельников А. М. Метафорическая оценка политического лидера в дискурсе кампании по выборам президента в США и России: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2006.

Сурина А. В. Метафорическое моделирование российской действительности в мемуарах политических лидеров постсоветской эпохи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2007.

Телешева И. В. Когнитивное исследование морбиальной метафоры в современном политическом дискурсе Великобритании, России и США: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2006.

Теория метафоры: Сб. / Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой. – М., 1990.

Ульман С. Семантические универсалии // Новое в лингвистике. – М., 1970. Вып. 5.

Феденева Ю. Б. Моделирующая функция метафоры в агитационно-политических текстах 90-х гг. XX века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 1998.

Феденева Ю. Б., Чудинов А. П. Метафорическое моделирование в российском политическом дискурсе // Политический дискурс России-3: Материалы рабочего совещания. – М., 1999.

Федосеев А. А. Метафора как средство манипулирования сознанием в предвыборном агитационном дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2004.

Филинский А. А. Критический анализ политического дискурса предвыборных кампаний 1999–2000 гг.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2002.

Ченки А. Современные когнитивные подходы к семантике: Сходства и различия в теориях и целях // Вопросы языкознания. – 1996. № 2.

Чудакова Н. М. Концептуальная область «Неживая природа» как источник метафорической экспансии в дискурсе российских СМИ (2000–2004 гг.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2005.

Чернякова М. В. Реализация манипулятивного потенциала метафоры в российском и американском дискурсе войны в Ираке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2007.

Чудинов А. П. Заметки о риторическом мастерстве И. В. Сталина // Художественный текст: Структура, семантика, прагматика. – Екатеринбург, 1997.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). – Екатеринбург, 2001.

Чудинов А. П. Политическая лингвистика. – М.: Флинта: Наука, 2012.

Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. – Екатеринбург, 2003.

Чудинов А. П. Российская политическая метафорика в начале XXI века // Политическая лингвистика. – 2008. № 1

Шабанова Т. А. Метафорическое моделирование лингвокультурной категории СВОИ – ЧУЖИЕ в феминистском дискурсе США и России: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2013.

Шустрова Е. В. Метафора в афро-американском художественном дискурсе: дис. ... докт. филол. наук. – Воронеж, 2008.

Шаова О. А. Россия и Франция: национальные стереотипы и их метафорическая репрезентация (на материале французских и российских газет): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2005.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. – Москва, Волгоград, 2000.

Шехтман Н. Г. Сопоставительное исследование театральной и спортивной метафоры в российском и американском политическом дискурсе. – Екатеринбург, 2006.

Шмелев А. Д. Всегда ли научное изучение русского языка является проявлением «лингвонарциссизма» // Политическая лингвистика. – 2011. № 4.

Шмелева Т. В. Морбиальная оптика // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2001. Т. 7.

Abadi A., Sacerdoti Y. Source domains of metaphors in political discourse. A cross-cultural study: Israel and the U.S.A. // RASK. 2001. Oct., 15.

Anderson R. Metaphors of Dictatorship and Democracy: Change in the Russian Political Lexicon and the Transformation of Russian Politics // Slavic Review. 2001. Summer.

Augoustinos M., Penny S. L. Reconciliation: The Genesis of a New Social Representation // Papers on Social Representations. 2001. Vol. 10.

Benoit W. L. Framing through temporal metaphor: The «bridges» of Bob Dole and Bill Clinton in their 1996 acceptance addresses // Communication Studies. 2001. Vol. 52.

Baker P., McEnery T. A corpus-based approach to discourses of refugees and asylum seekers in UN and newspaper texts // Journal of Language and Politics. 2005. Vol. 4. № 2.

Belgian Journal of Linguistics / ed. by M. Dominicy, J. Blommaert, C. Bulcaen. 1997. Vol. 11. Political Linguistics.

Benoit W. L. Framing through temporal metaphor: The «bridges» of Bob Dole and Bill Clinton in their 1996 acceptance addresses // Communication Studies. 2001. Vol. 52.

Berhó D. L. Working Politics: Juan Domingo Perón's Creation of Positive Social Identity // Rocky Mountain Review of Language and Literature. 2000. Vol. 54. № 2.

Black M. More about metaphor // Metaphor and thought / Ed. A. Ortony. 2 ed. Cambridge, 1993.

Bosman J., Hagendoorn L. Effects of literal and metaphorical persuasive messages // Metaphor and Symbolic Activity. 1991. Vol. 6 (4).

Burkhardt A. Politolinguistik. Versuch einer Ortsbestimmung // Sprachstrategien und Dialogblockaden. Linguistische und politikwissenschaftliche Studien zur politischen Kommunikation / J. Klein, H. Diekmannshenke (Hrsg.). Berlin, 1996.

Canêdo L. B. As metáforas da família na transmissão do poder político: questões de método // Cadernos Cedes. 1997. Vol. 18. № 42.

Charteris-Black J. Corpus Approaches to Critical Metaphor Analysis. Basingstoke, 2004a.

Charteris-Black J. Politicians and Rhetoric. The Persuasive Power of Metaphor. Basingstoke, 2004b.

Chilton P. Analysing Political Discourse: Theory and Practice. London, 2004.

Chilton P. Missing Links in Mainstream CDA: Modules, Blends and the Critical Instinct // A New Agenda in (Critical) Discourse Analysis. Theory, Methodology and Interdisciplinarity / Ed. by R. Wodak, P. Chilton. Amsterdam, 2005.

Chilton P. Security Metaphors. Cold War Discourse from Containment to Common House. – New York; Bern; Frankfurt / M., 1996.

Chouliaraki L., Fairclough N. Discourse in Late Modernity: Re-thinking Critical Discourse Analysis. Edinburgh, 1999.

Chomsky N. Language and Politics. Montreal; New York. 1988.

Dalmau M. S. The Iron Lady versus La Dama de Ferro: Western male-centred metaphors about Europe in the British and the Catalan public discourse // <http://www.dur.ac.uk/modern.languages/depts/german/Musolff/eurofamily.pdf>. 2005

De Landtsheer Ch. Function and the Language of Politics. A Linguistics Uses and Gratification Approach // Communicatun and Cognition. 1991. Vol. 24. № 3/4.

Drulák P. Motion, Container and Equilibrium: Metaphors in the Discourse about European Integration // European Journal of International Relations. 2006. Vol. 12(4).

Drulák P. Metaphors and Creativity in International Politics. Discourse Politics Identity // www.lancaster.ac.uk/ias/researchgroups/dpi/docs/dpi-wp3-2005-drulak.doc – 2005.

El Refaie E. Metaphors we discriminate by: Naturalized themes in Austrian newspaper articles about asylum seekers // *Journal of Sociolinguistics*. 2001. Vol. 5. № 3.

Ezrahi Y. The theatrics and mechanics of action: the theater and the machine as political metaphors // *Social Research*. 1995. Vol. 62. № 2.

Fairclough N. L. Critical and Descriptive Goals in Discourse Analysis // *Journal of Pragmatics*. 1985. Vol. 9.

Gidengil E., Everitt J. Tough Talk: How Television News Covers Male and Female Leaders of Canadian Political Parties // *Women and Electoral Politics in Canada* / Ed. M. Tremblay, L. Trimble. Toronto, 2003.

Gidengil E., Everitt J. Metaphors and Misrepresentation: Gendered Mediation in News Coverage of the 1993 Canadian Leaders' Debates // *Harvard International Journal of Press/Politics*. 1999. Vol. 4. № 1.

Hahn L. F. *Political Communication: Rhetoric, Government and Citizens*. State College (Pennsylvania), 1998.

Hansen A. D. Politics and metaphor – a discourse theoretical analyses. Paper to be presented at ECPR conference 2005, Granada. Draft version // www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/granada/ws14/Hansen.pdf – 2005.

Hardy V. *Metaphoric Myth in the Representation of Hispanics*. Washington, 2003.

Heradstveit D., Bonham G. M. The «Axis of Evil» Metaphor and the Restructuring of Iranian Views Toward the US // *Vaseteh. Journal of the European Society for Iranian Studies*. 2005. Vol. 1(1).

Hülse R. Sprache ist mehr als Argumentation. Zur wirklichkeitskonstituierenden Rolle von Metaphern // *Zeitschrift für internationale Beziehungen*. 2003. Vol. 10. № 2.

Johnson E. Proposition 203: A Critical Metaphor Analysis // *Bilingual Research Journal*. 2005. Vol. 29. № 1.

Keen S. *Faces of the Enemy: Reflections of the Hostile Imagination*. New York, 1988.

Klein J. Politische Kommunikation – Sprachwissenschaftliche Perspektiven // Politische Kommunikation in der demokratischen Gesellschaft. Ein Handbuch / O. Jarren, U. Sarcinelli, U. Saxer (Hrsg.). Opladen, 1998.

Kittay E., Lehrer A. Semantic field and the structure of metaphor // Studies in language. 1981. № 5.

Laclau E. Why do empty signifiers matter to politics? // The lesser evil and the greater good: The theory and politics of social diversity / Ed. J. Weeks. London, 1994.

Lakoff G. Metaphor and war: The metaphor system used to justify War in the Galf // D. Yallet (ed.). Engulfed in War: Just War and the Persian Gulf. Honolulu, 1991.

Lakoff G. Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind. Chicago; London, 1996.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago, 1980.

Lakoff G. Don't Think Of An Elephant! Know Your Values and Frame the Debate: The Essential Guide for Progressives. White River Junction, 2004.

Lakoff G. Thinking Points: Communicating Our American Values and Vision. New York, 2006a

Lakoff G. Whose Freedom?: The Battle Over America's Most Important Idea. New York, 2006b.

De Landtsheer Ch. Function and the language of politics. A linguistic uses and gratification approach // Communication and cognition. 1991. Vol. 24. № 3 / 4.

Lewis B. The Political Language of Islam. Chicago, 1988.

Mottier V. Meaning, Identity, Power: Metaphors, Mini-Narratives and Foucauldian Discourse-Theory // www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/granada/ws14/Mottier.pdf – 2005.

Musolff A. Metaphor and Political Discourse. Analogical Reasoning in Debates about Europe. Basingstoke, 2004.

Musolff A. Metaphor Scenarios in Public Discourse // Metaphor and Symbol. 2006. Vol. 21. № 1.

Musolff A. Mirror Images of Europe. Metaphors in the public debate about Europe in Britain and Germany. München, 2000.

Nasalski I. Die politische Metapher im Arabischen. Untersuchungen zu Semiotik und Symbolik der politischen Sprache am Beispiel Ägyptens. Wiesbaden, 2004.

Oberlechner T., Mayer-Schönberger V. Through Their Own Words: Towards a New Understanding of Leadership through Metaphors // http://www.ksg.harvard.edu/leadership/Pdf/OberlechnerMayer_SchonbergerWorkingPaper.pdf – 2002.

O'Brien G. V. Indigestible Food, Conquering Hordes, and Waste Materials: Metaphors of Immigrants and the Early Immigration Restriction Debate in the United States // *Metaphor and Symbol*. 2003. Vol. 18. № 1.

Ortony A. Metaphor, language, and thought // *Metaphor and thought* / Ed. A. Ortony. 2 ed. Cambridge. 1993.

Politische Semantik. Bedeutungsanalytische und sprachkritische Beiträge zur politischen Sprachverwendung / J. Klein (Hg.). Opladen, 1989.

Rayner J. Between Meaning and Event: An Historical Approach to Political Metaphors // *Political Studies*. 1984. Vol. 32.

Rosch E. Principles of categorization // *Cognition and categorization*. Hillsdale. New York, 1978.

Ryazanova-Clarke L. Criminal Rhetoric in Russian Political Discourse // *Language Design*. 2004. Vol. 6.

Sandikcioglu E. More metaphorical warfare in the Gulf: Orientalist frames in news coverage // *Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective* / ed. by A. Barcelona. Berlin, 2003.

Santa Ana O. 'Like an animal I was treated': anti-immigrant metaphor in US public discourse // *Discourse and Society*. 1999. Vol. 10. № 2.

Santa Ana O. Brown Tide Rising: Metaphors of Latinos in Contemporary American Public Discourse. Austin, 2002.

Sarcinelli U. Symbolische Politik und Politische Kultur. Das Kommunikationsritual als politische Wirklichkeit // *PVS*. 1989. № 30.

Sériot P. Oxymore ou malentendu? Le relativisme universaliste de la metalangue semantique naturelle universelle d'Anna Wierzbicka // Cahiers Ferdinand de Saussure. Ns 57. 2005.

Smith M. B. The Metaphor (and Fact) of War // Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology. 2002. Vol. 8(3).

Terchek R. J. Political Metaphors: Markets or Oligopolies? // Associations. 1999. Vol. 3(2).

Turner M., Fauconnier G. Conceptual integration and formal expression // Metaphor and symbolic activity. 1995. Vol. 10. № 3.

Turner M., Fauconnier G. Metaphor, Metonymy and Binding // Metonymy and Metaphor. Barcelona, 1998.

Van Dijk T. A. Principles of Critical Discourse Analysis // Discourse and Society. 1993. Vol. 4(2).

Watts D. Political Communication Today. Manchester; New York, 1997.

Wei J. M. Virtual Missiles: Allusions and Metaphors Used in Taiwanese Political Discourse. Lanham, 2001.

Wierzbicka A.. The Case for Surface Case. Ann Arbor: Karoma, 1980.

Wierzbicka A.. Duša, toska, sud'ba: Three key concepts in Russian language and Russian culture // Z. Saloni (ed.). Metody formalne w opisie jezykow slowianskich [Formal methods in the description of Slavic languages]. Bialystok: Bialystok Univ. Press, 1990.

Wierzbicka A.. Semantics, Culture and Cognition: Universal human concepts in culture-specific configurations. N. Y.; Oxford Univ. Press, 1992.

Vertessen D., De Landtsheer Ch.. Metaphorical Election Style? Patterns of Symbolic Language in Belgian Politics // www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/granada/ws14/Vertessen.pdf – 2005.

Yule G. Pragmatics. Oxford, 2000.

Zinken J. Ideological Imagination: Intertextual and Correlational Metaphors in Political Discourse // Discourse and Society. 2003. Vol. 14. № 4.

Zinken J. Imagination im Diskurs. Zur Modellierung metaphorischer Kommunikation und Kognition: Dissertation zur Erlangung der Würde eines Doktors im Fach Linguistik. Bielefeld, 2002.

Zinken J. Metaphoric Practices in the German Wende Discourse // Journal of Multilingual and Multicultural Development. 2004. Vol. 25. № 5/6.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ЧУДИНОВ Анатолий Прокопьевич

**ОЧЕРКИ ПО СОВРЕМЕННОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЛОГИИ**

Монография

Подписано в печать 30.07.2013. Формат 84x108 ¹/₁₆.
Гарнитура Times New Roman. Бумага для множ. ап.
Печать на ризографе. Усл. печ. л. 11,00. Уч.-изд. л. 8,07.
Тираж 500 экз. Заказ 4165.